

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 4 / 2020

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, профессор, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	заместитель председателя редакционного совета, д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЁМОВ Николай Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
ВАН ЭЛСУВЕГЕ Петер	PhD, профессор права Европейского Союза Института европейского права Гентского университета (Бельгия)
ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д.ю.н., доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и международным связям Международного университета «МИТСО»
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЮТОВ Никита Леонидович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д.ю.н., доцент, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РУМЯНЦЕВА Валентина Геннадьевна	главный редактор, к.ю.н., доцент, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЕВРЮГИНА Ольга Александровна	ответственный секретарь, эксперт отдела научно-издательской политики НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL**“RUSSIAN LAW ONLINE”**

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Professor, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Vice-Chairperson of the Council of Editors, Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure of the Kazan (Volga Region) Federal University
Peter VAN ELSUWEGE	Ph.D. in Law, Professor of European Union Law of Ghent University (Belgium)
Lydia A. VOSKOBITOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Dr. Sci. (Law), Associate Processor, Vice-Rector for educational work and international relations of the International University “MITSO”
Sergey M. ZUBAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikita L. LYUTOV	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of social security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor M. MATSKEVICH	Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Natalia A. SOKOLOVA	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Acting Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina G. RUMYANCEVA	Editor-in-Chief, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Olga A. SEVRYUGINA	Expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕНДЕНЦИИ

Кутаев В. В. <i>Деликтная ответственность и искусственный интеллект</i>	5
Гревцов Г. М. <i>Правовые основы политики конфиденциальности сайта (на примере компаний Apple и Samsung)</i>	13
Самойлова А. А. <i>Профессиональный спорт в Российской Федерации: о пробелах и перспективах правового регулирования</i>	17

РАКУРС

Бурмагин С. В. <i>Преемственность содержательных компонентов законности судебных решений в уголовном судопроизводстве</i>	22
Попова И. П. <i>Поиск средств достижения назначения уголовного судопроизводства в свете экономического развития страны</i>	28

РОССИЯ

Чуб Н. В. <i>Российские внешние сношения в XVI — начале XVIII в.: историко-правовой анализ</i>	36
Кузнецова Е. Н. <i>Проблема имитации конституционного строя в России: исторический аспект</i>	42
Рабкин С. В. <i>Военное производство в годы Великой Отечественной войны: исторический опыт принятия управленческих решений</i>	53
Шиляев А. В. <i>Признание и регистрация прав на землю на основании документов, выданных в 1970–1990-х гг.</i>	60
Бородина В. В. <i>Правовое регулирование средств индивидуальной мобильности</i>	65

МИР

Рыжова А. А. <i>Пенсионная система Великобритании</i>	74
--	----

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Afanasev E. G. <i>How Sanctions against Russian Entities Improved Our Understanding of the EU Sectoral Restrictive Measures</i>	81
--	----

АКТУАЛЬНО: КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Мысина С. С. <i>Реализация права на высшее образование в условиях пандемии</i>	97
Щабельская В. В. <i>Права ребенка в современных условиях развития кибертерроризма</i>	105
Жогальская В. О. <i>Студенческое киберволонтерство как институт противодействия интернет-экстремизму</i>	109

ИМЕНА

Пиддубривная А. Ю. <i>Рут Гинзбург — судья Верховного суда США</i>	115
---	-----

CONTENTS

TRENDS

Kutaev V. V. <i>Tort Responsibility and Artificial Intelligence</i>	5
Grevtsov G. M. <i>Legal Foundations of Website Privacy Policy (A Case Study of Apple and Samsung Companies)</i>	13
Samoylova A. A. <i>Professional Sports in the Russian Federation: Gaps and Prospects of the Legal Regulation</i>	17

PERSPECTIVE

Burmagin S. V. <i>Continuity of Substantive Components of Legality of Court Decisions in Criminal Proceedings</i>	22
Popova I. P. <i>The Search for Means to Achieve the Purpose of Criminal Proceedings in the Light of Economic Development</i>	28

RUSSIA

Chub N. V. <i>Russian Foreign Relations in the 16th — early 18th Centuries: Historical and Legal Analysis</i>	36
Kuznetsova E. N. <i>The Problem of Imitation of Constitutional Order in Russia: Historical Aspect</i>	42
Rabkin S. V. <i>Military Production during the Great Patriotic War: Historical Experience of Making Managerial Decisions</i>	53
Shilyaev A. <i>Recognition and Registration of Rights to Land on the Basis of Documents Issued in 1970s-1990s</i>	60
Borodina V. V. <i>Legal Regulation of Means of Individual Mobility</i>	65

WORLD

Ryzhova A. A. <i>The UK Pension System</i>	74
---	----

POINT OF VIEW

Afanasev E. G. <i>How Sanctions against Russian Entities Improved Understanding of the EU Sectoral Restrictive Measures</i>	81
--	----

TOPICAL ISSUE: CONSTITUTIONAL LAW

Mysina S. C. <i>Implementation of the Right to Higher Education during the Pandemic</i>	97
Shchabelskaya V. V. <i>Rights of the Child in Modern Conditions of Development of Cyberterrorism</i>	105
Zhogalskaya V. O. <i>Students' Cyber Volunteering as an Institute for Countering Internet Extremism</i>	109

NAMES

Piddubrivnaya A. Yu. <i>Ruth Ginsburg — the U.S. Supreme Court Justice</i>	115
---	-----

ДЕЛИКТНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Кутаев Владимир Владимирович, студент 3-го курса Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
s0111721@msal.edu.ru

© Кутаев В. В., 2020

Аннотация. Автор рассматривает проблемы деликтной ответственности и искусственного интеллекта в современном мире, проводит сравнительно-правовой анализ. Отмечается несовершенство действующего законодательства, которое не позволяет в полной мере разрешить проблемы ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом.

Ключевые слова: человек; техника; искусственный интеллект; деликтная ответственность; электронное лицо; источник повышенной опасности.

TORT RESPONSIBILITY AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Vladimir V. Kutaev, Undergraduate Student, Kutafin Moscow University (MSAL).
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
s0111721@msal.edu.ru

Abstract. The author examines the problems of tort responsibility and artificial intelligence in the modern world and conducts a comparative legal analysis. The paper highlights the imperfection of the current legislation that prevents from solving problems of liability for harm caused by artificial intelligence.

Keywords: human; technique; artificial intelligence; tort liability; electronic person; source of increased danger.

Искусственный интеллект, как сложное и многоуровневое явление, представляет собой неоднозначный элемент общественных отношений, регулирование деятельности которого является разносторонним процессом, включающим проработку всех ключевых сфер общественной жизни. Привычное мнение о том, что роботы могут лишь приносить пользу людям, уже давно в полной мере не соответствует действительности, ведь огромное количество прецедентов говорит об обратном.

Неотвратимость намеченной проблемы подчеркивается в резолюции Европарламента от 2017 г., которая выводит на новый уровень регламентацию робототехники, отмечая, что законы, установленные А. Азимовым, отнюдь не предел мечтаний фантаста, а вполне реальная участь ближайшего будущего. Принимается во внимание тот факт, что существующая сегодня тенденция разработки умных и автономных машин, способных обучаться и самостоятельно принимать решения, в перспективе

влечет за собой не только экономическую выгоду, но и ряд вопросов, связанных с прямым и косвенным влиянием таких машин на общество в целом. Стоит отметить, что рассматриваемый документ по большей части не отвечает на вопросы, а лишь задает их. В этом и заключается основная проблематика данной сферы, точнее трудности разрешения¹. И с учетом всего вышесказанного невольно напрашивается вывод, который сделал профессор Дж. Балкин: «Истинное влияние роботов на право и правовые институты мы поймем только в нужный момент»².

Для продолжения работы необходимо детализировать понятия «искусственный интеллект» и «Робот». Дж. Маккарти предложил дефиницию «искусственный интеллект» (Artificial Intelligence) в 1956 г., однако слово «интеллект» вовсе не отождествлялось с интеллектом человека, который имеет ряд творческих характеристик³. «Intelligence» понимается, как вычислительная составляющая способности достигать целей в мире, а уже вошедшему в обиход «интеллекту» есть английский аналог «intellect». Таким образом, уместнее будет употреблять словосочетание «искусственный разум», по крайней мере, на данном этапе, поскольку, как утверждает М. А. Рожкова, умственные способности человека направлены по большей части на ассоциативные связи, но вот в робототехнике наличествуют лишь вычислительные процессы⁴. Это же подтверждается и исследованиями Б. А. Кобринского, который настаивает на дифференциации человеческого интеллекта и технического, поскольку последний не умеет синтезировать новый материал⁵. На том основании, что в большинстве современных нормативными правовыми актами и доктринах используется термин «искусственный интеллект», автором было принято решение использовать указанное понятие и в данном исследовании.

На наш взгляд необходимо выделить несколько основных компонентов искусственного интеллекта:

- последовательный алгоритм принятия решений;
- определение данных, релевантных заложенным задачам;
- обусловленный функциональной сущностью уровень автономности, который позволяет самостоятельно без участия третьих лиц принимать решения, а в ряде случаев — развиваться, адаптироваться к окружающей среде.

Таким образом, по нашему мнению, можно определить искусственный интеллект, как роботизированную систему, способную самостоятельно выполнять ряд целей и задач и быть автономной независимо от пользователя.

Однако, несмотря на видимую однозначность указанного выше определения, следует отметить, что присутствует соответствующая классификация, согласно которой искусственный интеллект разделяются по своим способностям и возможностям. Дж. Серл выдвигает концепцию дифференциации искусственного интеллекта на «сильные» и «слабые»⁶. «Слабый искусственный интеллект» — это попытка моделирования человеческого разума аналогично моделированию погодных условий, изменений климата или других природных явлений. Указанный вид контролируется

¹ Резолюция Европарламента от 16.02.2017 P8_TA-PROV(2017)0051 // URL: https://robo-pravo.ru/riezoliutsiia_ies (дата обращения: 20.12.2020).

² Balkin J. B. The Path of Robotics Law // The Circuit, 2017. № 5. P. 72.

³ McCarthy, John. What is Artificial Intelligence? // Computer Science Department, 2007. № 4. P. 103.

⁴ Рожкова М. А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы — что это такое или кто это такие? // Закон.ру. 2019. URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty_chno_eto_takoe_il (дата обращения: 20.12.2020).

⁵ Кобринский Б. А. Персонализированная медицина: геном, электронное здравоохранение и интеллектуальные системы. Часть 2. Молекулярная генетика и методы интеллектуального анализа // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2017 ; № 62 (6). С. 16–22.

⁶ Серл Дж. Сознание, мозг и программы // Behavioral and brain sciences, 1980, Т. 3, № 3. С. 417.

человеком, и его деятельность направлена исключительно на достижение поставленных задач.

«Сильный искусственный интеллект», напротив, стремится воссоздать разум или интеллект, который буквально понимает другие психические состояния. Такой вид способен самостоятельно «думать», обладать функциональным сознанием, которое пока что является привилегией лишь живых существ. Необходимо сразу уточнить, что в настоящее время полная реализация «сильного искусственного интеллекта» не осуществлена, что значительно облегчает вопрос юридической ответственности. По этой причине последующая работа пойдет с учетом предложенной автором дефиниции, а также в рамках концепции «слабого искусственного интеллекта», согласно которым система не наделена полноценным функциональным сознанием, а саморегулирование и автономность пока что существенно ограничены.

Деликтные обязательства — это один из видов гражданско-правовых обязательств, которым присущи соответствующие свойства и признаки. Однако от договорных обязательств они отличаются тем, что деликтные обязательства возникают, если потерпевший и причинитель вреда не состоят между собой в договорных отношениях, а если и состоят, то причиненный вред является результатом действий, не связанных с нарушением существующих договорных обязательств⁷.

Рассматриваемая ответственность наступает лишь при соблюдении определенного перечня условий, которые вытекают из природы данной формы юридической ответственности. К таким условиям относятся:

- противоправность деяния;
- наличие вреда в результате совершения противоправного деяния;
- причинная связь;
- вина. Причем сразу стоит отметить, что в исключительных случаях возможно наступление деликтной ответственности и при отсутствии вины. Так, на основании ст. 1079 ГК РФ владельцы источников повышенной опасности обязаны возместить причиненный вред, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего⁸. Сходная ситуация закрепляется и ст. 1095 ГК РФ, согласно которой вред, причиненный вследствие недостатков товара, работы или услуги, подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу, независимо от их вины.

Подобные элементы деликтной ответственности выделяет и М. Э. Герстнер⁹. Указанные условия деликтной ответственности допустимо применить ко многим участникам гражданских правоотношений в сфере использования искусственного интеллекта, однако причинно-следственная связь должна иметь объективный и прямой характер, а отсутствие вины как обязательного признака в некоторых случаях не должно умалять прав и свобод. С учетом законодательной ситуации в различных странах, выделяют несколько основных подходов к рассмотрению ответственности искусственного интеллекта.

В современных научных исследованиях можно найти концепцию, согласно которой ответственность искусственного интеллекта должна регламентироваться по соответствующим нормам в отношении физических лиц. Сложно согласиться с таким подходом, поскольку наделение искусственного интеллекта человеческой правоспособностью связано с множеством морально-этических проблем, ведь нельзя отрицать, что человек существенно отличается от самого развитого антропоморфного робота. Конечно, в далекой перспективе имеет место допущение такой возможности, но пока что конкретно этот подход не выходит за пределы фантастики.

⁷ Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учебное пособие М. : Статут, 2013. С. 9.

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1996, № 5, ст. 1079.

⁹ Gerstner M. E. Comment, Liability Issues with Artificial Intelligence Software // 33 Santa Clara L. Rev. 239 (1993). № 5. P. 239.

Отсутствие единой позиции на этот счет не позволяет в полной мере разрешить проблему деликтной ответственности искусственного интеллекта и создает еще большее количество трудностей, связанных с поиском оптимального правового подхода. Ситуация обостряется и тем, что вред, который может нанести технология, уже исчисляется сотнями прецедентов, однако по мере развития технологий количественный фактор может существенно возрасти. Управление по охране труда США огласило статистику, согласно которой ежевечно на фабриках погибает один или два человека по вине робота¹⁰. Возникают и проблемы, связанные с роботизированной хирургией, поскольку искусственный интеллект не всегда справляется в должной мере со своими функциями¹¹. Не трудно предположить, что подобных дел будет становиться все больше, однако продуктивных мер в части касающейся деликтной ответственности так и не было выработано.

К примеру, кто несет ответственность в перепалке чат-ботов в Амстердаме, один из которых обещал устроить теракт?¹² Или инцидент, в результате которого беспилотный автомобиль марки Tesla сбил насмерть человека¹³.

В представленных случаях основания деликтной ответственности отсутствуют у людей, хотя как-то связанных с искусственным интеллектом. Нельзя установить вину водителя, который просто сидел в салоне автомобиля, смело положившись на автопилотное вождение. Однако факт противоправного деяния остается, и по этой причине необходимо определить субъекта ответственности.

В резолюции Европарламента от 2017 г. отмечается возможность наделения искусственного интеллекта определенной правоспособностью, в результате чего технологии будут самостоятельно отвечать за причиненный ими вред. Реализация данной перспективы предполагает создание электронного лица.

Возникает множество споров на тему того, способно ли предполагаемое электронное лицо в должной мере полностью отвечать по обязательствам вследствие деликта. Для ответа на данный вопрос, стоит повторно уточнить основные функции деликтной ответственности. М. И. Кулагин отмечает превентивную, карательную и компенсационную (имущественную и моральную)¹⁴.

Карательная функция заключается в претерпевании неблагоприятных последствий правонарушителем в результате совершенного деликта. Как правило, данный факт выражается в имущественных лишениях. На данном этапе развития технологий данная функция не применима к искусственному интеллекту, т.к. нет имущества, которое могло бы принадлежать ему на праве собственности. Однако в качестве неимущественной формы реализации карательной функции возможен вариант перепрограммирования технологии или же ее деактивация, обязанность по которым должна быть возложена либо на производителя, либо на специально созданный независимый орган. Представляется, что на сегодняшний день это единственно возможный на данный момент подход к реализации карательной функции. К тому же, подобным образом может осуществляться и превентивная функция, которая заключается в предупреждении новых правонарушений.

¹⁰ Payne v. ABB Flexible Automation, Inc., 116 F.3d 480 (Table), 1997 WL 311586 (8th Cir. 1997) // URL: https://itlaw.wikia.org/wiki/Payne_v._ABB_Flexible_Automation (дата обращения: 20.12.2020).

¹¹ Homer Lee REECE, and Nelda Reece, Plaintiffs, v. INTUITIVE SURGICAL, INC., 63 F. Supp. 1337 (N. D. Ala. 2014) // URL: <https://casetext.com/case/reece-v-intuitive-surgical-inc-1> (дата обращения: 20.12.2020).

¹² Кашмир X. After Twitter bot makes death threat, its owner gets questioned by police // URL <https://splinternews.com/after-twitter-bot-makes-death-threat-its-owner-gets-qu-1793845332> (дата обращения: 12.11.2020).

¹³ Струкова Т. Автопилот-убийца. Пять самых опасных аварий с участием Tesla // URL <https://360tv.ru/news/tekst/avtopilot-ubijtsa/> (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁴ Кулагин М. И. Предпринимательство и право: опыт Запада // Избранные труды. М., 1997. С. 283.

И. Джуффрид указывает на возможность создания специального страхового фонда, который будет компенсировать причиненный технологиями вред¹⁵. Это коррелирует с ограниченной деликтоспособностью искусственного интеллекта и в полной мере покрывает компенсационную функцию.

В подобном случае искусственный интеллект действительно может рассматриваться в качестве электронного лица, к тому же в настоящее время уже присутствует ряд законодательных нововведений, так или иначе следующих концепции электронного лица. Так, например, в США в штате Алабама определяются автоматизированные системы вождения, автоматизированные грузовые автомобили и грузовые автомобили, оснащенные системой дистанционного управления. Допускается таким коммерческим автономным транспортным средствам работать в штате без водителя, который физически присутствует при соблюдении определенных критериев. Эти критерии включают соответствие государственным законам и стандартам безопасности. Автоматизированные коммерческие автомобили должны быть зарегистрированы и иметь минимальное страховое покрытие ответственности в размере 2 000 000 долл. США. Заметно, что определенное развитие уже намечается, поскольку с 2012 г. по крайней мере 41 штат и округ Колумбия приняли законодательство, касающееся автономных транспортных средств¹⁶.

В Российской Федерации пока что нет вообще подобной законодательной практики. Можно отметить поправки к Воздушному кодексу Российской Федерации, устанавливающие обязательную сертификацию, аттестацию и государственную регистрацию беспилотных летательных аппаратов (дронов), однако в контексте рассматриваемой модели технологий в качестве субъекта деликтной ответственности это не приобретает должной значимости¹⁷.

По мнению автора, указанная концепция позволит «с нуля» создать правовое регулирование ответственности искусственного интеллекта, поскольку не придется пересматривать конвенциональные взгляды на правосубъектность юридических или физических лиц. Это удобно с точки зрения фикции, однако на практике, на наш взгляд, рассматриваемый подход вызовет необходимость пересмотра значительной части законодательства, причем не только в области гражданского права, и поскольку в рамках данного исследования рассматривается исключительно «слабый искусственный интеллект», то подобная концепция не представляется на сегодняшний день оптимальной.

Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, подход, указанный А. С. Шевченко и Г. Н. Шевченко, согласно которому искусственный интеллект может рассматриваться в качестве источника повышенной опасности¹⁸. При таком рассмотрении технологии не является субъектом деликтной ответственности, однако поскольку в настоящее время присутствует исключительно «слабый искусственный интеллект», то данная концепция является наиболее применимой.

В соответствии с п. 1 ст. 1079 ГК РФ юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов и др.), обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего.

¹⁵ *Giuffrida I.* Liability for AI Decision-Making: Some Legal and Ethical Considerations // 88 *Fordham L. Rev.* 439 (2019). P. 22.

¹⁶ Обзор законодательства США «Vehicles: Self-Driving Vehicles Enacted Legislation», NCSL // URL: <http://www.ncsl.org/research/transportation/autonomous-vehicles-self-driving-vehicles-enacted-legislation.aspx> (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁷ Федеральный закон от 30.12.2015 № 462-ФЗ «О внесении изменений в Воздушный кодекс Российской Федерации в части использования беспилотных воздушных судов» // Российская газета, № 1, 11.01.2016.

¹⁸ *Шевченко А. С., Шевченко Г. Н., Fordham L.* Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учебное пособие // М. : Статут, 2013. С. 47.

Причем в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» отмечается, что источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами¹⁹. Таким образом, перечень источников повышенной опасности остается открытым, что позволяет без труда учитывать в нем и искусственный интеллект.

Что касается других стран, то стоит отметить, что Пекинская академия искусственного интеллекта опубликовала «Пекинские принципы искусственного интеллекта»²⁰, затем последовали «Принципы управления искусственным интеллектом нового поколения», опубликованные Национальным комитетом по управлению искусственным интеллектом нового поколения. В данных НПА содержится ссылка на необходимость информирования пользователей о потенциальных рисках, что характеризует искусственный интеллект как источник повышенной опасности.

В США имеется Свод деликтного права 1977 г., где в параграфе 519 регламентируется общее правило наложения ответственности на лиц, причиняющих вред посредством чрезвычайно опасной деятельности, что может позволить отнести искусственный интеллект к источникам повышенной опасности²¹.

Данный подход уже на сегодняшний день в правоприменительной практик и не потребует серьезных изменений законодательства в сравнении с предыдущими концепциями. Т.к. перечень источников повышенной опасности является открытым, то достаточно очень четко на законодательном уровне установить определение искусственного интеллекта, согласно которому таковым признается роботизированная система, способная самостоятельно выполнять ряд целей и задач и быть автономной независимо от пользователя, не обладающая полноценным сознанием в биологическом и когнитивном смысле.

Необходимо составить список искусственного интеллекта, причем оставить его открытым, что позволит адаптироваться под быстрые темпы развития технологий и решать правовые споры в соответствии с действующим законодательством.

Рассмотрение искусственного интеллекта в качестве источника повышенной опасности позволит наиболее объективно распределять ответственность, поскольку в некоторых случаях может быть установлена и халатность со стороны производителя, что, в свою очередь, может уменьшить ответственность непосредственного потребителя. В соответствии со ст. 1080 ГК РФ лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно. Если производитель допустил какие-то ошибки при создании системы, что поспособствовало причинению вреда другому лицу, то он и владелец технологии будут солидарно отвечать по деликтным обязательствам на основании ст. 1080 ГК РФ.

Подводя итоги, можно сказать, что ответственность искусственного интеллекта в полной мере не урегулирована ни в одной стране, что должно подталкивать законодателей на скорейшее реформирование нормативной системы по данному вопросу.

Результатом исследования стало определение оптимальной в текущих условиях концепции — искусственный интеллект в качестве источника повышенной

¹⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 3.

²⁰ «Пекинские принципы искусственного интеллекта», В EIJING A CAD., // URL: <http://www.baai.ac.cn/blog/beijing-ai-principles/> (дата обращения: 20.12.2020).

²¹ Цвайгерт К., Кетц Х., Фордхам Л. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. 2 // М. : Междунар. отношения, 1998. С. 460–461.

опасности. Указанный подход действительно рационален, поскольку законодательные нововведения будут минимальными, и основная задача будет заключаться в поддержании актуальности списка искусственного интеллекта.

Развитие технологий оставляет позади нас уже привычный, традиционный мир, но взамен ясно проглядывается необходимость сделать шаг в сторону новой, развивающейся цивилизации. Указанная проблема будет еще очень долгое время являться актуальной и задача как правоведов нынешних, так и правоведов будущих — четко отслеживать малейшие изменения в сфере информационного производства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Кашмир Х.* After Twitter bot makes death threat, its owner gets questioned by police // URL <https://splinternews.com/after-twitter-bot-makes-death-threat-its-owner-gets-qu-1793845332> (дата обращения: 20.12.2020).
2. *Кобринский Б. А.* Персонализированная медицина: геном, электронное здравоохранение и интеллектуальные системы. Часть 2. Молекулярная генетика и методы интеллектуального анализа // Российский вестник перинатологии и педиатрии. — 2017. — № 62 (6). — С. 16–22.
3. *Коновалов А. В.* Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 8 (105). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsp-razumnosti-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 20.12.2020).
4. *Кулагин М. И.* Предпринимательство и право: опыт Запада // Избранные труды. — М., 1997.
5. *Рожкова М. А.* Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы — что это такое или кто это такие? // Закон.ру. 2019. 23 ноября. — URL: <https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj-intellekt-i-intellektualnye-roboty-cto-eto-takoe-il> (дата обращения: 20.12.2020).
6. *Серл Дж.* Сознание, мозг и программы // Behavioral and brain sciences. — 1980. — Т. 3, № 3 (Сентябрь). — С. 20.
7. *Струкова Т.* Автопилот-убийца. Пять самых опасных аварий с участием Tesla // URL <https://360tv.ru/news/tekst/avtopilot-ubijtsa/> (дата обращения: 20.12.2020).
8. *Толкачев С. А., Кулаков А. Д.* Роботизация как направление неоиндустриализации (на примере США) // Мир новой экономики. — 2016. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/robotizatsiya-kak-napravlenie-neoindustrializatsii-na-primere-ssha> (дата обращения: 20.12.2020).
9. *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : в 2 т. Т. 2 // М. : Междунар. отношения, 1998.
10. *Шевченко А. С., Шевченко Г. Н.* «Деликтные обязательства в российском гражданском праве : учебное пособие». — М. : Статут, 2013.
11. *Balkin, Jack B.*, The Path of Robotics Law // The Circuit, 2015. — № 5. — P. 72.
12. *Gerstner M. E.* Comment, Liability Issues with Artificial Intelligence Software // 33 Santa Clara L. Rev. 239 (1993) — P. 20.
13. *Giuffrida I.*, Liability for AI Decision-Making: Some Legal and Ethical Considerations // 88 Fordham L. Rev. 439 (2019). — P. 22.
14. *Homer Lee REECE, and Nelda Reece, Plaintiffs, v. INTUITIVE SURGICAL, INC.*, 63 F. Sup. 1337 (N. D. Ala. 2014) // URL: <https://casetext.com/case/reece-v-intuitive-surgical-inc-1> (дата обращения: 20.12.2020).
15. *McCarthy J.* What is Artificial Intelligence? // Computer Science Department, 2007. — № 5. — P. 103.
16. *Payne v. ABB Flexible Automation, Inc.*, 116 F.3d 480 (Table), 1997 WL 311586 (8th Cir. 1997) // URL: https://itlaw.wikia.org/wiki/Payne_v._ABB_Flexible_Automation (дата обращения: 20.12.2020).

REFERENCES

1. Kashmir Kh. «After Twitter bot makes death threat, its owner gets questioned by police,» 2015. Available from: <https://splinternews.com/after-twitter-bot-makes-death-threat-its-owner-gets-qu-1793845332> (accessed: 20 Dec 2020).
2. Kobrinsky BA. «Personalized medicine: genome, e-health and intelligent systems. part Part 2. Molecular genetics and methods of intellectual analysis». *Rossiyskiy Vestnik Perinatologii i Pediatrii*. 17;62(6):16–22 (In Russ.).
3. Konovalov A. V. Printsip razumnosti v grazhdanskom prave [Principle of Reasonableness in Civil Law]. *Actual Problems of Russian Law*. 2019;8(105) available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-razumnosti-v-grazhdanskom-prave> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
4. Kulagin MI. Predprinimatelstvo i pravo: opyt zapada [«Entrepreneurship and Law: Experience of the West»]. Selected Writings. Moscow, 1997 (In Russ.).
5. Rozhkova MA. Iskusstvennyy intellekt i intellektualnye roboty — chto eto takoe ili kto eto takie? [Artificial intelligence and intelligent robots — what is it or who is it?]. [Electronic resource]. ZAKON.ru. 2019. 23 November. Available from: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty_chto_eto_takoe_il (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
6. Searle, Dzh. Soznanie, mozg i programmy [Consciousness, brain and programs]. *Behavioral and Brain Sciences*. 1980;3(3):20 (In Russ.).
7. Strukova T. Avtopilot-ubiytsa. Pyat samykh opasnykh avariyy s uchastiem tesla [Autopilot Killer. Five most dangerous accidents involving Tesla]. Available from: <https://360tv.ru/news/tekst/avtopilot-ubiytsa/> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
8. Tolkachev SA, Kulakov AD. Robotizatsiya kak napravlenie neoindustrializatsii (na primere SShA) [Robotization as a direction of neoindustrialization (A Case Study of the USA)]. *The World of New Economy*. 2016;2. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/robotizatsiya-kak-napravlenie-neoindustrializatsii-na-primere-ssha> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
9. Tsweigert K, Ketz Kh. Vvedenie v sravnitelnoe pravovedenie v sfere chastnogo prava: v 2-kh t. [Introduction to comparative law in the field of private law: In 2 vol]. Vol. 2. Tr. from German. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya Publ.; 1998 (In Russ.).
10. Shevchenko AS, Shevchenko GN. Deliktные obyazatelstva v rossiyskom grazhdanskom prave: uchebnoe posobie [Tort Obligations in Russian Civil Law: A Textbook]. Moscow: Statut Publ.; 2013 (In Russ.).
11. Balkin JB. The Path of Robotics Law. *The Circuit*. 2015;5:72.
12. Gerstner ME. Comment, Liability Issues with Artificial Intelligence Software. *Santa Clara L. Rev*. 1993;33:239.
13. Giuffrida I. Liability for AI Decision-Making: Some Legal and Ethical Considerations. *Fordham L. Rev*. 2019;88:439.
14. Homer Lee REECE, and Nelda Reece, Plaintiffs, v. INTUITIVE SURGICAL, INC., 63 F. Supp. 1337 (N.D. Ala. 2014). Available from: <https://casetext.com/case/reece-v-intuitive-surgical-inc-1> (accessed: 20 Dec 2020).
15. McCarthy J. What is Artificial Intelligence? *Computer Science Department*. 2007;5:103.
16. Payne v. ABB Flexible Automation, Inc., 116 F.3d 480 (Table), 1997 WL 311586 (8th Cir. 1997). Available from: itlaw.wikia.org/wiki/Payne_v._ABB_Flexible_Automation (accessed: 20 Dec 2020).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.013-016

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ САЙТА (НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИЙ APPLE И SAMSUNG)

Гревцов Георгий Максимович, студент 2-го курса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
gmgrevtsov@mail.ru

© Гревцов Г. М., 2020

Аннотация. Автор поднимает проблему принципов межведомственного информационного взаимодействия при решении задач в области обороны Российской Федерации, которые, в свою очередь, необходимы для поступательного развития согласованности усилий различных ведомств в целях формирования общего цифрового пространства.

Ключевые слова: информация; Интернет; сеть; безопасность персональных данных; политика конфиденциальности; веб-сайт, файлы cookie, транснациональные корпорации.

LEGAL FOUNDATIONS OF WEBSITE PRIVACY POLICY (A CASE STUDY OF APPLE AND SAMSUNG COMPANIES)

Georgy M. Grevtsov, 2nd year student, Kutafin Moscow University (MSAL).
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
gmgrevtsov@mail.ru

Abstract. The author raises the issue of principles of interdepartmental information interaction in solving problems in the field of defense of the Russian Federation, which in turn are necessary for progressive development of the coherence of efforts of various agencies in order to create a common digital space.

Keywords: information; Internet; network; security of personal data; privacy policy; website, cookies, multinational corporations.

Интернет — неотъемлемая часть повседневной жизни многих людей, причем его распространение продолжает неуклонно расти (аудитория Интернета в 2020 г. — 4,54 млрд человек, что на 298 млн (7 %) больше, чем в январе 2019 г.¹). Основная структурная единица сети, с которой осуществляет работу пользователь — веб-сайт, представляющий собой массив связанных данных, имеющий

¹ Digital 2020: 3.8 billion people use social media // Официальный сайт We Are Social Ltd. URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения: 20.12.2020).

уникальный адрес и воспринимаемый пользователем как единое целое². Каждое действие, производимое на сайте, влечет за собой регистрацию и обработку информации о посетителе, используемой в дальнейшем владельцем в собственных целях. Это зачастую оборачивается неожиданными нежелательными последствиями для пользователей, поскольку большинство из них игнорирует возможность ознакомления с правилами, регулирующими сбор и использование информации, из-за объективно большого времени, требуемого на этот процесс (человеку необходимо на ознакомление с политикой конфиденциальности всех сайтов, посещаемых им в течение года, 244 часа³) и непонимания всех правовых результатов своих действий. Здесь крайне важным видится изучение правил, регулирующих сбор и использование информации о пользователе, которые могут быть представлены на сайтах коммерческих компаний.

Проанализируем правовую информацию, посвященную безопасности данных, взяв в качестве примера сайты Apple (<https://www.apple.com>) и Samsung (<https://www.samsung.com>). Данные компании служат примерами крупнейших транснациональных корпораций, являющихся в наши дни структурообразующими факторами мирового развития⁴, и, следовательно, выступающих в качестве образца для организации деятельности остальных фирм, а также осуществляют сбор данных не только посредством сайта, но и с помощью продуктов, создаваемых ими, то есть имеют наибольший опыт в этой сфере.

По Федеральному закону от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ст. 3): «...Персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)...»⁵. Правовая информация, посвященная безопасности данных пользователя, размещена в таких разделах сайта, как «Условия использования» (лишь ссылка на конкретную статью и наиболее общие положения), а также «Политика конфиденциальности» и «Использование cookies» (основной их массив). В данной статье будет рассмотрено содержание в первую очередь последних двух разделов.

Информацию, собираемую сайтами и приложениями, можно разделить в зависимости от содержания на личную и неличную, а в соответствии с порядком предоставления — на предоставляемую пользователем непосредственно и собираемую компанией самостоятельно, из чего следует тот факт, что о сборе значительной части данных человек может даже не подозревать. При этом собираются данные не только о пользователе, но и о людях, упоминаемых им, например, в социальных сетях, а источниками могут быть в том числе и «сторонние веб-сайты, устройства, приложения и другие онлайн-функции и службы»⁶.

Информация довольно разнообразна и имеет широкий спектр применения, что еще раз доказывает положение о том, что «в условиях развития технологий обеспечение информационной безопасности выступает одной из важнейших гарантий прав человека»⁷.

Сайты компаний могут передавать информацию третьим лицам (в первую очередь это различные сервисные центры, обрабатывающие информацию), в том числе государственным учреждениям и правоохранительным органам. Для мощной

² Воройский Ф. С. Информатика. Энциклопедический систематизированный словарь-справочник. М. : Физматлит, 2006. С. 432.

³ McDonald A. M., Cranor L. F. The Cost of Reading Privacy Policies // Journal of Law and Policy for the Information Society. 2008. Vol. 4. P. 540–565.

⁴ Лазгивев М. М. Влияние транснациональных корпораций на развитие потребительского рынка России в условиях глобализации : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2018. С. 3.

⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31 июля 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

⁶ Конфиденциальность // Официальный сайт компании Samsung. URL: <https://www.samsung.com/ru/info/privacy> (дата обращения: 20.12.2020).

⁷ Туликов А. В. Обеспечение информационной безопасности как гарантия прав человека // Право. 2015. № 2. С. 58.

транснациональной корпорации крайне важно показать свою силу, уверяя пользователя в своей независимой позиции самостоятельного игрока. Apple заявляет: «От государственных учреждений и частных компаний мы требуем строго соблюдать действующие законы о предоставлении персональных и других данных о своих клиентах»⁸. Важно также то, что компания обязуется не передавать данные третьим лицам в маркетинговых целях, а также требует от них соблюдения политики собственной конфиденциальности.

Информирование пользователя об используемых технологиях обязательно. Здесь выделяются, в первую очередь файлы cookie, вынесенные часто в отдельный раздел, так как именно с ними (с необходимостью их разрешить) человек сталкивается сразу же при открытии страницы (в отличие от остальных аспектов правовой политики). На сайте компании Apple представлена классификация cookies (в соответствии с Рекомендациями Международной торговой палаты Великобритании⁹): строго необходимые, эксплуатационные и функциональные. Samsung, не используя приведенную классификацию, тем не менее объясняет пользователю, что такое cookies, и раскрывает их функции, на основании анализа которых можно сделать вывод о наличии в инструментарии компании всех трех указанных выше групп cookies.

Кража личных данных в настоящее время настолько распространена, что в США, например, совершается каждые несколько секунд¹⁰, поэтому о защите личной информации говорится и на сайте Apple (довольно развернуто), и на сайте Samsung (намного менее подробно), при этом южнокорейская компания обращает внимание на невозможность абсолютной защищенности данных, что еще раз доказывает значимость изучения размещаемых документов. Обе компании гарантируют уничтожение информации тогда, когда она станет не нужна. Скорее, это — декларативная норма, так как оказывается непроверяемой на практике.

Таким образом, рассмотрев содержание политики конфиденциальности, выделим основные ее принципы и характеристики:

- актуальность и соотнесенность с временем, что вытекает из правового характера информации (указание даты вступления в силу и возможности изменения правил);
- альтернативность положений (возможность отключения cookies);
- наличие психологического и лингвистического воздействия (Samsung: «Тщательно выбранные компании»);
- универсальность, с одной стороны (сайт Apple регулируется законодательством США и штата Калифорнии), и уникальность, с другой (существуют региональные дополнения сайта Apple для стран ЕС и России);
- соотнесенность с нормами международного права («Apple соблюдает требования, установленные в стандартах Системы международных правил конфиденциальности, учрежденной АТЭС»¹¹).

Изучив политику конфиденциальности сайтов транснациональных корпораций, приходим к выводу: очевидно большой объем собираемых ими данных уравнивается серьезными гарантиями, имеющими все-таки зачастую декларативный характер, а потому требующими ответственного отношения самого пользователя к своим данным.

⁸ Политика конфиденциальности // Официальный сайт компании «Apple». URL: <https://www.apple.com/ru/privacy/government-information-requests/> (дата обращения: 20.12.2020).

⁹ Digital 2020: 3.8 billion people use social media // Официальный сайт We Are Social Ltd. URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁰ Сухов М. И., Гнедина О. А. Методы защиты информации в социальных сетях // Молодой исследователь Дона. 2017. № 5. С. 32.

¹¹ Политика конфиденциальности // Официальный сайт компании «Apple». URL: <https://www.apple.com/ru/privacy/government-information-requests/> (дата обращения: 20.12.2020).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Воройский Ф. С. Информатика. Энциклопедический систематизированный словарь-справочник. — М. : Физматлит, 2006. — 768 с.
2. Конфиденциальность // Официальный сайт компании Samsung. — URL: <https://www.samsung.com/ru/info/privacy> (дата обращения: 20.12.2020).
3. Лазгив М. М. Влияние транснациональных корпораций на развитие потребительского рынка России в условиях глобализации : дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2018. — 203 с.
4. Политика конфиденциальности // Официальный сайт компании «Apple». — URL: <https://www.apple.com/ru/privacy/government-information-requests/> (дата обращения: 20.12.2020).
5. Сухов М. И., Гнедина О. А. Методы защиты информации в социальных сетях // Молодой исследователь Дона. — 2017. — № 5. — С. 32–35.
6. Туликов А. В. Обеспечение информационной безопасности как гарантия прав человека // Право. — 2015. — № 2. — С. 50–60.
7. Digital 2020: 3.8 billion people use social media // Официальный сайт We Are Social Ltd. — URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (дата обращения: 20.12.2020).
8. London Conference on Cyberspace // Официальный сайт Международной торговой палаты Великобритании. — URL: www.international-chamber.co.uk/our-expertise/digitaleconomy/london-conference-on-cyberspace (дата обращения: 20.12.2020).
9. McDonald A. M., Cranor L. F. The Cost of Reading Privacy Policies // Journal of Law and Policy for the Information Society. — 2008. — Vol. 4. — P. 540–565.

REFERENCES

1. Voroiskiy FS. Informatika. Entsiklopedicheskiy sistematizirovannyy slovar-spravochnik [Computer Science. Encyclopedic Systematized Dictionary]. Moscow: Fizmatlit Publ.; 2006 (In Russ.).
2. Konfidentsialnost [Confidentiality]. Official website of Samsung. Available from: <https://www.samsung.com/ru/info/privacy> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
3. Lazgiev MM. vliyanie transnatsionalnykh korporatsiy na razvitie potrebitelskogo rynka rossii v usloviyakh globalizatsii: diss. kand. yurid. nauk. [The Influence of Transnational Corporations on the Development of the Consumer Market of Russia in the Context of Globalization: Cand. Sci. (Law) Thesis. Krasnodar; 2018 (In Russ.).
4. Confidentiality Policy. Official website of Apple. Available from: <https://www.apple.com/ru/privacy/government-information-requests/> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
5. Sukhov MI, Gnedina OA. Metody informatsionnoi zashchity v sotsialnykh setyakh [Methods of information protection in social networks]. *Molodoy issledovatel Dona*. 2017;5:32–35 (In Russ.).
6. Tulikov AV. Obespechenie informatsionnoy bezopasnosti kak garantiya prav cheloveka [Ensuring information security as a guarantee of human rights]. *Law*. 2015; 2:50–60 (In Russ.).
7. Digital 2020:3.8 billion people use social media. Official website We Are Social Ltd. Available from: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
8. London Conference on Cyberspace. Official website of the International Chamber of Commerce of Great Britain. Available from: www.international-chamber.co.uk/our-expertise/digitaleconomy/london-conference-on-cyberspace (accessed: 20 Dec 2020).
9. McDonald A M and Cranor L F. The Cost of Reading Privacy Policies. *Journal of Law and Policy for the Information Society*. 2008;4:540–565 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.017-021

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СПОРТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: О ПРОБЕЛАХ И ПЕРСПЕКТИВАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Самойлова Алина Андреевна, магистрант 2-го курса Северо-Западного филиала
Российского государственного университета правосудия
197046, Россия, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5
shdzhioev@msal.ru

© Самойлова А. А., 2020

Аннотация. В статье проанализированы теоретико-правовые аспекты правового регулирования отношений в области профессионального спорта в Российской Федерации. Автор приводит обзор актуальных проблем с точки зрения доктринальных положений и правоприменительной практики по данному вопросу.

Ключевые слова: государственная политика; правовое регулирование; спорт; профессиональный спорт; спортивный арбитраж; спортивный спор; спортсмен.

PROFESSIONAL SPORTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: GAPS AND PROSPECTS OF THE LEGAL REGULATION

Alina A. Samoilova, Graduate Student, North-West Branch of the Russian State University of Justice
Aleksandrovskiy park, d. 5, St. Petersburg, Russia, 197046
shdzhioev@msal.ru

Abstract. The paper analyzes the theoretical and legal aspects of legal regulation of relations in the field of professional sports in the Russian Federation. The author gives an overview of current problems from the point of view of doctrinal provisions and law enforcement practice.

Keywords: state policy; legal regulation; sport; professional sports; sport arbitration; sports dispute; athlete.

В современной России физическая культура и спорт безусловно входят в число приоритетных и стратегически значимых направлений развития, что на постоянной основе подкрепляется риторикой официальных лиц на государственном уровне¹. При этом одним из наиболее заметных и в известной мере резонансных вопросов в области физической культуры и спорта является круг общественных отношений, развивающиеся в сфере профессионального спорта.

¹ Президент России назвал развитие спорта одним из важнейших приоритетов госполитики // Сайт Информационного телеграфного агентства России (ИТАР-ТАСС). URL: <https://tass.ru/sport/4478230> (дата обращения: 20.12.2020).

Будучи составным элементом государственной политики, вопросам развития олимпийского спорта посвящена не одна государственная программа, а в ноябре 2020 г. Правительством Российской Федерации была одобрена и утверждена Стратегия развития физической культуры и спорта до 2030 года². В указанной Стратегии задекларирован перспективный вектор для развития по одиннадцати профильным направлениям, в число которых входит и профессиональный спорт.

Несмотря на то что спорт является одним из древнейших социально-культурных видов деятельности человека и общества, за время своей эволюции он перерос в сложное, многоаспектное явление. В связи с этим у многочисленных ученых³, обращавшихся к исследованию в данной области, при конструировании дефиниции спорта возникали некоторые разногласия.

Говоря об идентификации спорта в системе общественно значимых явлений, немалое количество трудов⁴ посвящено разграничению терминов «физическая культура» и «спорт», практически неразлучно срастающихся в единое словосочетание с позиции традиционной юридической техники.

Так, анализ сформулированных в доктрине дефиниций спорта позволяет сделать вывод о том, что часть исследователей расширительно толкуют категорию «спорт», практически отождествляя ее с термином «физическая культура». Встречается и дифференцированный подход: в отдельных случаях ученые, обращавшиеся к истокам и сущности общественных отношений в области спорта, называли явление под названием «спорт» родовым по отношению к физической культуре в целом⁵.

Обратимся и к нормативно закрепленному мнению законодателя по данному вопросу, которое находит отражение в п. 12 ст. 2 Федерального закона от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»⁶ (далее — Закон). В легальной дефиниции спорт определяется как сфера социально-культурной деятельности, как совокупность видов спорта, сложившаяся в форме соревнований и специальной практики подготовки человека к ним⁷.

Следует отметить, что в том же Законе последующей структуризации подвергается и сама категория спорта, подразделенного на профессиональный, любительский, массовый, корпоративный, студенческий, детско-юношеский, школьный. В рамках настоящей статьи обратимся к исследованию первого из названных видов — профессионального спорта.

Интерес автора к заявленной категории обусловлен прежде всего неоправданно лаконичным раскрытием данного термина в базовом Законе, согласно которому профессиональный спорт — это часть спорта, направленная на организацию и проведение профессиональных спортивных соревнований⁸.

Очевидно, что профессиональный спорт, являющийся автономным видом спортивной деятельности, несколько отличен по своей природе по отношению к другим видам физической активности, и обладает совокупностью специфических признаков. Восполняя лаконичность законодателя доктринальным мнением, приведем толкование профессионального спорта с позиции субъекта данных отношений — это

² Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 декабря 2020. № 49. Ст. 7958.

³ См., например: Вулах М. Г. Проблемы легитимного определения понятия «Профессиональный спорт» в спортивном законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3 (92). С. 193.

⁴ См., например: Жабин Н. А. Правовое регулирование профессионального спорта в Российской Федерации // Спорт: экономика, право, управление. 2011. № 4. С. 18.

⁵ Вулах М. Г. Указ. соч. С. 195.

⁶ Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 10 декабря 2007. № 50. Ст. 6242.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

основной вид занятости, сфера деятельности для профессионального спортсмена с целью получения соответствующего дохода⁹. К прочим признакам отношений, складывающихся в сфере профессионального спорта, отнесем и коммерческую составляющую (ориентация на привлечение спонсоров и последующую продажу конечного продукта организаторами соревнований); при этом стремление к привлечению внимания зрителей достигается посредством максимально возможного охвата аудитории и привлечения средств массовой информации, телекоммуникационных способов тиражирования информации (в сети «Интернет» и на телевидении)¹⁰.

Отметим, что на современном этапе отечественной правовой действительности отсутствует должная четкость и отработанность в отношении действия специальных норм права, направленных на регулирование отношений в сфере профессионального спорта. Тем не менее профессиональные спортсмены и тренеры, спортивные организации, агенты, спонсоры и многие другие, — все участники профессиональных спортивных отношений нуждаются в легальном закреплении в равной степени справедливого для всех механизма способов защиты их прав.

В связи с этим тревожно обнаруживать, что отечественный уровень правового регулирования профессионального спорта как самостоятельного вида спортивной деятельности оставляет желать лучшего: доктрина стремительно наполняется теоретическими исследованиями, в которых правоведы обращаются от одной проблематики к другой; юристы-практики отмечают многочисленные проблемы правоприменительного характера. В качестве общих закономерностей, отмечаемых в теории и практике, можно выделить неоднозначность самой категории профессионального спорта, недостаточную проработанность юрисдикционных способов защиты прав субъектов профессиональной спортивной деятельности, а также принятие законодателем весьма противоречивых норм, неспособных устранить существующую пробельность по ряду вопросов.

Вопросы заключения и расторжения договоров, сопровождающие профессиональную спортивную деятельность, проблемы осуществления трансферов спортсменов, коллизии при разрешении спортивных споров — это лишь неполный перечень ситуаций, которые в процессе своей реализации включены в проблематику по рассматриваемой теме и на сегодняшний день не имеют должной нормативно-правовой регламентации и, как следствие, стабильной правоприменительной практики.

К слову, затрагивая вопрос о нормативно-правовом обеспечении профессионального спорта в России в самом фундаментальном смысле, отметим, что правовая база по данному вопросу представляет собой сравнительно небольшой массив нормативных правовых актов. «Ядром» в этой системе законодательных и подзаконных актов является уже упомянутый базовый Закон, не лишенный указанных выше недостатков. При этом следует положительно оценить недавние дополнения в ТК РФ¹¹ в части регламентации вопросов передачи индивидуальных трудовых споров спортсменов, тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений на рассмотрение третейских судов¹². Не игнорируя заметное поступательное развитие в области правового регулирования профессионального спорта в Российской Федерации, все

⁹ Шелкова В. А. Особенности развития профессионального спорта в России // Транспортное дело России. 2016. № 2. С. 130.

¹⁰ Васильевич В. П. К вопросу о правовом регулировании профессиональной деятельности спортсмена // Юридическая наука. 2020. № 11. С. 29.

¹¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 7 января 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3 ; Собрание законодательства Российской Федерации. 16 ноября 2020. № 46. Ст. 7206.

¹² Федеральный закон от 31.07.2020 № 246-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части передачи индивидуальных трудовых споров спортсменов, тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений на рассмотрение третейских судов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 3 августа 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5005.

же отметим, что к настоящему моменту данная сфера нуждается в более детальном нормативном регулировании.

Теоретики и исследователи справедливо сходятся во мнении, что современное состояние законодательного регулирования отечественного профессионального спорта объясняется отсутствием исторически укорененной правовой регламентации данного вида спортивной деятельности. Предшествовавший современной правовой действительности советский подход нельзя охарактеризовать вниманием именно к профессиональному спорту, нацеленному на чуждую тому времени коммерциализацию. В советский период внимание уделялось исключительно массовому спорту, как к мощному идеологическому инструменту¹³.

В историко-правовом аспекте российский профессиональный спорт был удостоен внимания со стороны законодателя лишь в конце XX в., в связи с чем вопрос о совершенствовании правового регулирования профессионального спорта в Российской Федерации остается весьма актуальным.

Выход из сложившейся ситуации многим специалистам в данной области видится в принятии специализированного Закона о профессиональном спорте в Российской Федерации¹⁴. В профильном Законе должны найти отражение вопросы, например, касающиеся правового статуса всех субъектов профессионального спорта; разрешения спортивных споров; порядка осуществления трансферов спортсменов; порядка и способов взаимодействия в цепочке «профессиональный клуб — лига — национальная федерация — международная федерация»; механизмов государственной поддержки профессионального спорта на федеральном и региональном уровнях; легитимности финансирования профессионального спорта; способов регулирования взаимоотношений спортивных организаций со спонсорами, телевидением и др.

В заключение резюмируем, что в отечественной теории и практике явным образом обнаруживается проблематика, связанная с правовым регулированием профессионального спорта, которая требует глубокой теоретической проработки и соответствующего законодательного реформирования. Учитывая вышеизложенное, правовое регулирование профессионального спорта в России нуждается в активизации и интенсификации усилий по повышению эффективности его действия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Васькевич В. П. К вопросу о правовом регулировании профессиональной деятельности спортсмена // Юридическая наука. — 2020. — № 11. — С. 29–33.
2. Ворончихина Е. В. Особенности трудовых правоотношений в профессиональном спорте // Вопросы российской юстиции. — 2020. — № 10. — С. 209–218.
3. Вулах М. Г. Проблемы легитимного определения понятия «Профессиональный спорт» в спортивном законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2013. — № 3 (92). — С. 193–197.
4. Жабин Н. А. Правовое регулирование профессионального спорта в Российской Федерации // Спорт: экономика, право, управление. — 2011. — № 4. — С. 16–25.
5. Овчинникова Н. А. Правовое регулирование профессионального спорта в Российской Федерации: общеправовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 — Владимир, 2008. — 194 с.
6. Шелкова В. А. Особенности развития профессионального спорта в России // Транспортное дело России. — 2016. — № 2. — С. 130–131.

¹³ Овчинникова Н. А. Правовое регулирование профессионального спорта в Российской Федерации: общеправовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Владимир, 2008. С. 35.

¹⁴ Там же. С. 50.

REFERENCES

1. Vaskevich VP. K voprosu o pravovom regulirovanii professionalnoy deyatel'nosti sportsmena [On the issue of legal regulation of professional activity of an athlete]. *Legal Science*. 2020;11: 29–33 (In Russ.).
2. Voronchikhina EV. Osobennosti trudovykh pravootnosheniy v professionalnom sporte [Features of labor relations in professional sports]. *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. 2020;10: 209–218 (In Russ.).
3. Vulakh MG. Problemy legitimno opredeleniya ponyatiya «professionalnyy sport» v sportivnom zakonodatel'stve [Problems of legitimate definition of concept «professional sports» in the sports legislation]. *Saratov State Law Academy Bulletin*. 2013;3(92): 193–197 (In Russ.).
4. Zhabin NA. Pravovoe regulirovanie professionalnogo sporta v Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of professional sports in the Russian Federation]. *Sport: Economy, Law, Management*. 2011;4: 16–25 (In Russ.).
5. Ovchinnikova NA. Pravovoe regulirovanie professionalnogo sporta v Rossiyskoy Federatsii: obshchepravovoy analiz: diss.... kand. yurid. nauk: 12.00.01. [Legal regulation of professional sports in the Russian Federation: general legal analysis: Cand. Sci. (Law) Thesis: 12.00.01]. Vladimir; 2008 (In Russ.).
6. Shelkova VA. Osobennosti razvitiya professionalnogo sporta v rossii [Features of development of professional sport in Russia]. *Transport Business of Russia*. 2016;2: 130–131 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.022-027

РАКУРС

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЗАКОННОСТИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Бурмагин Сергей Викторович, старший научный сотрудник отдела методической, научно-исследовательской работы и качества образования Северного института предпринимательства, кандидат юридических наук, доцент, заместитель председателя Архангельского областного суда в почетной отставке
163045, Россия, Архангельск, ул. Суворова, д. 2
serburmagin@yandex.ru

© Бурмагин С. В., 2020

Аннотация. В статье анализируется содержание и развитие правового требования законности решений суда в уголовном процессе, представлена современная интерпретация данного свойства в теории и судебной практике. Обоснован вывод о неполном закреплении в нормах УПК РФ компонентов, включаемых в понятие законности судебных решений.

Ключевые слова: суд; правосудие; судебное решение; приговор; законность; нарушение уголовно-процессуального закона; отмена судебного решения.

CONTINUITY OF SUBSTANTIVE COMPONENTS OF LEGALITY OF COURT DECISIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey V. Burmagin, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Department of Methodical and Research Work and Quality of Education, Northern Institute of Entrepreneurship; Associate Professor, Honorary Retired Deputy Chairman of the Arkhangelsk Regional Court
ul. Suvorova, d. 2, Arkhangelsk, Russia, 163045
serburmagin@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the content and development of the legal requirement of legality of court decisions in criminal proceedings, presents a modern interpretation of this feature in theory and judicial practice. The author substantiates the conclusion concerning incomplete consolidation in the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation components included in the concept of legality of court decisions.

Keywords: court; justice; judgment; sentence; legality; violation of criminal procedure law; cancellation of court decision.

Судебные решения, в особенности основные (итоговые), воплощают в себе не только деятельность суда по осуществлению правосудия, но и результаты этой деятельности, поэтому должны аккумулировать в себе и проявлять во вне все основные свойства уголовного правосудия, т. е. обладать качественными

характеристиками правосудного решения. В процессуальной науке одной из важнейших характеристик, интегрированных в понятие правосудности судебного решения, считается требование *законности* приговора и иных судебных актов¹, которое признается таковым вследствие действия всеохватывающего принципа законности уголовного судопроизводства и в силу прямого нормативно-правового закрепления требования законности применительно к любым решениям суда (ст. 7 и 297 УПК РФ). Всеобъемлющий правовой принцип законности распространяет свое действие на всю деятельность суда по осуществлению уголовного правосудия и обязывает суд при ведении любого уголовного производства строго следовать нормам права. Судебные решения наделяются свойством законности посредством выполнения судом одноименных правовых требований в ходе практической правосудной деятельности, поэтому законность акта правосудия является прежде всего результатом сознательных и целенаправленных усилий судьи (судей) по приданию своему решению качеств правосудного акта.

Ретроспективное исследование свойства законности решений уголовного суда показывает, что в качестве ключевого требования, предъявляемого к акту правосудия, оно признавалось и разрабатывалось со времен судебных реформ 60-х гг. XIX в., когда были обозначены основные содержательные компоненты этого требования, получившие развитие и дополнение в последующие исторические периоды российской истории.

В теории уголовно-процессуального права законность судебных решений изначально связывалась с согласованностью «вынесенного судом ответа с законом по существу тех мер, которые устанавливаются судебным решением» («материальная законность») и с соблюдением того порядка, который установлен для постановления решений («формальная законность»)², хотя нормативно материальная и процессуальная стороны в требовании соблюдения закона не выделялись (ст. 10 Устава уголовного судопроизводства 1964 г.). В основном в таких же аспектах законность судебного решения рассматривалась и трактовалась в советский период развития уголовного процесса, но главным образом в отношении приговора, что было обусловлено особенностями нормативно-правового регулирования уголовного судопроизводства тех лет.

В УПК РСФСР 1923 г.³ требование законности не было закреплено в отдельном предписании ни для приговора, ни для определений суда, но исходило из общих положений уголовно-процессуального закона, из установленных в УПК права на кассационное обжалование судебных решений (ст. 349) и обязанности кассационной инстанции рассмотреть по поданной жалобе все производство по делу в ревизионном порядке на предмет допущенных нарушений закона (статьи 350 и 412), а также из оснований для отмены приговора (статьи 413, 415–416). Принятые Президиумом ЦИК СССР 31 октября 1924 г. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик⁴ в качестве оснований для отмены приговоров в кассационно-ревизионном порядке предусматривали: а) такое нарушение форм судопроизводства, которое не позволило суду всесторонне рассмотреть дело и повлияло или могло повлиять на вынесение законного приговора; б) нарушение или неправильное применение законов СССР или союзной республики, если при этом допущенная судом ошибка повлекла за собой назначение иной меры социальной защиты, нежели та, которая должна бы быть определена судом при правильном применении закона (ст. 26); а в порядке надзора — признанное надзорным судебным органом существенное нарушение форм судопроизводства или законов СССР или союзных республик (ст. 28).

¹ Соловьев И. Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 1992. С. 7, 11 ; Чайковская М. А. Свойства приговора : монография. М., 2013. С. 52–54 ; Беляев М. В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе. М., 2018. С. 64–65.

² Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. М., 1996. С. 342.

³ Уголовно-процессуальный Кодекс Р.С.Ф.С.Р., утв. Постановлением ВЦИК от 15.02.1923 // СУ РСФСР. 1923. № 7. Ст. 106.

⁴ СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 206.

Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.⁵ в статье 43, а впоследствии и УПК РСФСР 1960 г.⁶ в статье 301 прямо установили требование законности приговора, но аналогичное требование к иным судебным решениям по-прежнему выводилось из норм общего действия (задач и принципов уголовного процесса — статьи 1, 2, 4, 8, 10, 17 Основ, статьи 1, 2, 4, 11–14, 16, 22 УПК РСФСР и др.) и положений закона об обжаловании и основаниях отмены и изменения решений суда в вышестоящих судебных инстанциях (ст. 49 Основ, статьи 325, 331, 342, 345–347, 350, 371, 379, 478, 486, 496, 498, 499 УПК РСФСР).

Сообразно состоянию правовой регламентации уголовно-процессуальной деятельности вплоть до конца прошлого столетия большинство ученых под законностью приговора понимали требование вынесения приговора с точным соблюдением всех предписаний уголовно-процессуального законодательства и с правильным применением материального права, т. е. постановление приговора на основе закона и в порядке, установленном законом⁷. В ряде научных работ аналогичное по смыслу требование законности, взятое в единстве его двух сторон: материального (на основании закона) и формального (в установленном законом порядке) было приложено и к иным процессуальным, в том числе судебным, решениям⁸.

В этот же период в юридическом правосознании утверждается идея о том, что вследствие системности уголовного судопроизводства и процедурной взаимосвязи его стадий и этапов законность судебного решения (приговора) обеспечивается не только соблюдением процессуальной формы его вынесения, но обусловлена законностью предваряющей решение деятельности по его подготовке и принятию⁹ и, более того, всего предшествующего производства по делу, включая его возбуждение, расследование и судебное рассмотрение¹⁰. Выработке и закреплению в теории и судебной практике такого диалектического подхода к пониманию свойства законности (правомерности) судебных решений способствовало совокупное толкование судебной практикой понятия «существенное нарушение уголовно-процессуального закона» как предусмотренного ст. 345 УПК РСФСР основания отмены или изменения приговора или иного судебного решения в сочетании с таким основанием возвращения дела судом для дополнительного расследования как «существенное нарушение уголовно-процессуального закона при производстве дознания или предварительного следствия» (п. 2 ч. 1 ст. 232 УПК РСФСР)¹¹.

⁵ Ведомости ВС СССР. 1959. № 1. Ст. 15.

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утв. Законом РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

⁷ Пашкевич П. Ф. Законность и обоснованность судебного приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1958. С. 15 ; Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 325 ; Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков, 1979. С. 118–121.

⁸ Бажанов М. И. Избранные труды. Харьков, 2012. С. 1194 ; Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1975. С. 12 ; Муратова Н. Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования: Вопросы теории и практики. Казань, 1989. С. 54.

⁹ Лупинская П. А. Теоретические основы принятия решений в советском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1973. С. 36.

¹⁰ Грошевой Ю. М. Указ. соч. С. 118. 121.

¹¹ п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 17.12.1971 № 10 «О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1995. С. 84–92 ; п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 05.04.1985 № 2 «О применении судами законодательства, регламентирующего пересмотр в порядке надзора приговоров, определений, постановлений по уголовным делам» // БВС СССР. 1985. № 3 ; п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 23.08.1988 № 5 «О повышении роли судов кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел» // БВС РСФСР. 1988. № 10.

В период действия УПК РСФСР (вплоть до 1 июля 2002 г.) правоприменительная практика судов по вопросу оценки законности приговора и иных решений суда сформировалась и в дальнейшем основывалась на постулате о том, что существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные органом предварительного расследования или прокурором, так же как и существенные нарушения процессуальных норм судом, препятствуют вынесению законного акта правосудия, поэтому должны быть по возможности исправлены (преодолены) в ходе производства в суде первой инстанции либо, если характер процессуального нарушения этого не позволяет, устранены самим органом предварительного расследования или прокурором после возвращения дела на дополнительное расследование¹².

Выработанные в советский период подходы к определению законности акта уголовного правосудия через единство материальной и формальной (процессуальной) сторон и посредством включения в структуру ее «процессуальной» составляющей в качестве обязательного компонента соблюдение процессуальной формы на всем протяжении предшествующего уголовного производства закрепились в российской процессуальной науке¹³ и получили дальнейшее развитие, в том числе в законодательстве и правоприменительной практике.

Действующий УПК РФ в отличие от предыдущих уголовно-процессуальных законов распространяет требование законности на все судебные решения без исключения (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 297) и конкретизирует, что приговор признается законным, если он постановлен в соответствии с требованиями УПК РФ и основан на правильном применении уголовного закона (ч. 2 ст. 297). Последнее положение ценно тем, что в нем законодатель впервые попытался раскрыть нормативное понятие законности приговора, соединив в нем материальный и процессуальный аспекты, но и содержит в себе существенный недостаток — материальная сторона законности приговора в данной формулировке ограничивается соответствием нормам уголовного права, тогда как при разрешении всей совокупности вопросов уголовного дела (как основного, так и сопутствующих) суду помимо уголовного закона доводится применять нормы практически всех иных (материальных) отраслей права¹⁴. Более того, те или иные положения материальных законов могут быть положены в основание принятия и других, помимо, приговора, актов правосудия. Например, без учета и применения гражданского законодательства в части имущественных прав невозможно принять верное решение по такому, казалось бы, сугубо процессуальному вопросу как наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ), а принятие решений в стадии исполнения приговора в ряде случаев (пункты 3, 14, 18, 18.1, 19 ст. 397 УПК РФ) сопряжено с применением уголовно-исполнительного законодательства.

Другое, связанное с изложенным законодательное упущение, переживавшее из ст. 342 УПК РСФСР, заключается в том, что в перечне предусмотренных ст. 389.12 УПК РФ оснований пересмотра решений суда первой инстанции отсутствует указание на неправильное применение иных законов, помимо уголовного. Не предусмотрено

¹² п. 1 и 7 Постановления Пленума Верховного Суда РСФСР от 17.04.1984 № 2 «О некоторых вопросах, связанных с применением судами уголовно-процессуальных норм, регулирующих возвращение дел для дополнительного расследования» // БВС РСФСР. 1984. № 7 ; п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30.11.1990 № 10 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел на дополнительное расследование» // Вестник ВС СССР. 1991. № 2 ; п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 08.12.1999 № 84 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования» // БВС РФ. 2000. № 2.

¹³ Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 13–15 ; Остапенко И. А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007. С. 6–7 ; Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. М., 2013. С. 14 ; Уголовно-процессуальные акты : учеб. пособие / под ред. Г. В. Стародубовой. М., 2018. С. 23–25.

¹⁴ Загорский Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики. М., 2010. С. 26–28.

такого основания и для отмены (изменения) судебного решения в кассационном и надзорном порядках (ч. 1 ст. 401.15, ч. 1 ст. 412.9 УПК РФ). Если следовать формальному, буквальному толкованию указанных норм, то неприменение или неверное применение иного материального закона, например, по вопросам имущественных взысканий (по иску, по некоторым видам процессуальных издержек), не влияет на законность приговора. В действительности подобное нарушение не может быть легализовано и на практике влечет отмену или изменение судебного приговора, несмотря на отсутствие в процессуальном законе необходимого указания. Иное положение невозможно представить, поскольку оно извращало бы саму суть судебного правоприменения, противоречило бы правозащитным целям уголовного правосудия и предназначению судебной власти.

Примечательно, что на практике в подобных случаях суды вышестоящих инстанций не приводят юридическое (процессуальное) основание отмены (изменения) проверяемого приговора из числа предусмотренных уголовно-процессуальным законом и не ссылаются на конкретные нормы УПК РФ, устанавливающих эти основания, что вполне объяснимо: ни одно из них не подходит к указанным случаям нарушения закона. Налицо явный пробел нормативно-правового регулирования, который длительное время компенсируется правоприменительными решениями судебных органов, т. е. судебной практикой, но очевидно требует правотворческого начинания и четкого законодательного решения.

Резюмируя изложенное, можно заключить, что в российской правовой науке, уголовно-процессуальном законодательстве и правоприменительной (судебной) практике существует очевидная историческая преемственность относительно содержания правового требования законности решений уголовного суда, что вполне оправдано с точки зрения действия общих и непреходящих закономерностей функционирования уголовного правосудия и его социально-правового назначения. В то же время развитие отечественного уголовного судопроизводства в соответствии с современными общественными потребностями диктует необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства и устранения из него «застарелых» пробелов и недостатков правового регулирования, особенно в столь важном вопросе, каким является нормативное определение требования законности актов уголовного правосудия.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бажанов М. И. Избранные труды / отв. ред. В. Я. Таций. Харьков: Право, 2012. — 1244 с.
2. Беляев М. В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе. — М.: Юрлитинформ, 2018. — 184 с.
3. Бозров В. М., Костовская Н. В. Судебное решение и оценка доказательств по уголовному делу. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 160 с.
4. Бунина А. В. Приговор суда как акт правосудия. Его свойства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. — 26 с.
5. Бутов В. Н. Определения суда первой инстанции по уголовным делам : автореф. дис. ... кандл. юрид. наук. Свердловск, 1975. — 20 с.
6. Грошевой Ю. М. Сущность судебных решений в советском уголовном процессе. Харьков: Вища школа, 1979. — 143 с.
7. Загорский Г. И. Постановление приговора: проблемы теории и практики : учебно-практич. пособие. — М.: Проспект, 2010. — 200 с.
8. Лупинская П. А. Теоретические основы принятия решений в советском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1973. — 42 с.
9. Муратова Н. Г. Процессуальные акты органов предварительного расследования: Вопросы теории и практики — Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1989. — 118 с.
10. Остапенко И. А. Приговор как итоговое решение по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук — Владимир, 2007. — 21 с.
11. Пашкевич П. Ф. Законность и обоснованность судебного приговора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1958. — 20 с.

12. Соловьев И. Ф. Правосудность приговора в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук — Воронеж, 1992. — 21 с.
13. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. — М. : Наука, 1968–1970. Т. 2. 516 с.
14. Уголовно-процессуальные акты : учеб. пособие / под ред. Г. В. Стародубовой. 2-е изд. — М. : Юрайт, 2018. — 446 с.
15. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. — СПб. : Альфа. — 1996. — Т. 2. 606 с.
16. Чайковская М. А. Свойства приговора : монография. — М. : Проспект, 2013. — 176 с.

REFERENCES

1. Bazhanov MI. Tatsiy VYa, editor. Izbrannyye trudy [Selected Works]. Kharkiv: Pravo Publ.; 2012 (In Russ.).
2. Belyaev MV. Svoystva sudebnykh resheniy v rossiyskom ugolovnom protsesse. [Features of court decisions in the Russian criminal proceedings]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2018 (In Russ.).
3. Bozrov V M, Kostovskaya NV. Sudebnoe reshenie i otsenka dokazatelstv po ugolovnomu delu [Judgment and evaluation of evidence in a criminal case]. Moscow: Yurlitinform Publ.; 2013 (In Russ.).
4. Bunina AV. Prigovor suda kak akt pravosudiya. Ego svoystva: avtoref. dis.... kand. jurid. nauk [A court verdict as an act of justice. Its properties: Author's Abstract]. Chelyabinsk; 2005 (In Russ.).
5. Butov V N. Opredeleniya suda pervoy instantsii po ugolovnym delam: avtoref. dis.... kandl. jurid. nauk [Rulings of the court of first instance in criminal cases: Author's Abstract]. Sverdlovsk; 1975 (In Russ.).
6. Groshevoy Yu M. Sushchnost sudebnykh resheniy v sovetskom ugolovnom protsesse [The essence of court decisions in the Soviet criminal process]. Kharkiv: Vishcha shkola Publ.; 1979 (In Russ.).
7. Zagorskiy G (I.G. Salov Postanovlenie prigovora: problemy teorii i praktiki: uchebno-praktich. posobie [Decision of the verdict: problems of theory and practice: textbook]. Moscow: Prospekt, 2010 (In Russ.).
8. Lupinskaya PA. Teoreticheskie osnovy prinyatiya resheniy v sovetskom ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis.... d-ra jurid. nauk. [Theoretical basis of decision-making in Soviet criminal proceedings: Author's Abstract]. Moscow; 1973 (In Russ.).
9. Muratova NG. Protessualnye akty organov predvaritelnogo rassledovaniya: voprosy teorii i praktiki [Procedural acts of preliminary investigation bodies: Issues of theory and practice]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo un-ta; 1989 (In Russ.).
10. Ostapenko I A. Prigovor kak itogovoe reshenie po ugolovnomu delu: avtoref. dis.... kand. jurid. nauk. [The verdict as the final decision in the criminal case: abstract. Cand. Sci. (Law) Thesis]. Vladimir; 2007 (In Russ.).
11. Pashkevich PF. Zakonnost i obosnovannost sudebnogo prigovora: avtoref. dis.... kand. jurid. nauk. [Legality and validity of the court sentence: Author's Abstract]. Moscow; 1958 (In Russ.).
12. Soloviev I F. Pravosudnost prigovora v ugolovnom protsesse rossiyskoy federatsii: avtoref. dis.... kand. jurid. nauk [Legality of the sentence in the criminal proceedings of the Russian Federation: Author's Abstract]. Voronezh; 1992 (In Russ.).
13. Strohovich MS. Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa: v 2 t. [The course of the Soviet criminal process: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka Publ.; 1968–1970 (In Russ.).
14. Starodubova GV, editor. Ugolovno-protessualnye akty: ucheb. posobie [Criminal Procedure Acts. A textbook]. 2-nd ed. Moscow: Yurait Publishing House; 2018 (In Russ.).
15. Foynitskiy I. kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: v 2 t. [Course of criminal proceedings: in 2 vols]. Vol. 2. St. Petersburg: Alfa Publ.; 1996 (In Russ.).
16. Tchaikovskaya MA. Svoystva prigovora: monografiya [Sentence properties: monograph]. Moscow: Prospekt, 2013 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.028-035

РАКУРС

ПОИСК СРЕДСТВ ДОСТИЖЕНИЯ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СВЕТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

Попова Ирина Павловна, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, председатель Усть-Илимского городского суда Иркутской области в почетной отставке
664074, Россия, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110
irinabaikal@mail.ru

© Попова И. П., 2020

Аннотация. Поиск средств материальной экономии обуславливает влияние на процессуальные средства достижения назначения уголовного судопроизводства. Рассматриваются вопросы оценки эффективности уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: экономика; право; правоотношение; эффективность права; уголовно-процессуальное право; назначение уголовного судопроизводства; процессуальные средства.

THE SEARCH FOR MEANS TO ACHIEVE THE PURPOSE OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE LIGHT OF THE ECONOMIC DEVELOPMENT

Irina P. Popova, Cand. Sci. (law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Honorary Retired Chairman of the Ust-Ilimsk City Court of the Irkutsk Region
ul. Lermontova, d. 110, Irkutsk, Russia, 664074
irinabaikal@mail.ru

Abstract. The search for means of material economy determines the influence on the procedural tools of achieving the purpose of criminal proceedings. The paper examines the issues of evaluation of the effectiveness of criminal procedure.

Keywords: economics; law; legal relationship; effectiveness of law; criminal procedure law; purpose of criminal proceedings; procedural tools.

В условиях четвертой промышленной революции, состояния преступности в России, актуальной задачей для отечественного законодателя и соответствующего ориентира для научных изысканий является обеспечение правоприменителей современными средствами для достижения стоящих перед ними целей. Вопросы достижения и сохранения социально терпимого уровня преступности, безопасности относятся к магистральным направлениям государственной политики, поскольку затрагивают не только государственные интересы, но и интересы общества и граждан, а преступность существенно воздействует на экономику

страны и нормальное функционирование всех системных направлений. Затраты государства на решение проблем правового регулирования и реализацию программных документов в указанной сфере значительны, в этой связи вопрос эффективности правоприменения выступает предметом активных научных дискуссий. Взаимосвязь права и экономики очевидна, как для государства, регулирующего общественные отношения в указанных областях, так и для правоприменителей и других участников данных отношений. В этой связи очевидна взаимосвязь состояния мировой и национальной экономики и отечественной правовой системы. С. Г. Голенок основными условиями, определяющими эффективность правового регулирования, признает экономическое развитие общества и обусловленное им культурное его развитие¹.

Эффективность деятельности всех участников правоотношений, возникающих в связи с преступлением, зависит от осознания важности межсистемных связей экономики и отраслей права криминального цикла, понимания социального предназначения той либо иной отрасли права и конкретных задач, необходимых для его достижения. Оценка эффективности деятельности в любой сфере базируется на самом понятии эффективности и соответствующих критериях, которые сформированы с учетом актуальных направлений деятельности и проблем, возникающих при ее осуществлении.

Понятие эффективности, традиционно рассматриваемое для экономической деятельности, как соотношение между результатами и затратами, выступает базисом для рассмотрения содержания иных видов деятельности, обладающих определенной спецификой. Л. А. Алексеева рассматривает эффективность правоприменительной деятельности как некую сумму, складывающуюся из эффективности самих норм и каждого из средств и действий, форм и способов, которые осуществляет правоприменитель в виде указанной деятельности².

Эффективность правоприменительной деятельности зависит от различных факторов: 1) качество законодательства (качество нормативных актов); 2) уровень профессиональной (правовой культуры) субъектов и личностные характеристики; 3) соответствующие условия, обеспечивающие деятельность субъектов, включая научную организацию труда и правовой статус правоприменителей.

Указанные факторы вполне применимы при определении эффективности деятельности правоприменителей в уголовном судопроизводстве и образуют следующую систему:

- 1) нормативный фактор: качество законодательства, определяющего порядок уголовного судопроизводства, регламентацию деятельности соответствующих участников;
- 2) субъективный фактор: уровень профессиональной (правовой культуры) сотрудников правоохранительных органов и судебной системы;
- 3) материальный фактор: соответствующие условия, обеспечивающие деятельность сотрудников правоохранительных органов и судебной системы; включая научную организацию труда и правовой статус.

Многокомпонентность факторов, во взаимодействии оказывающих влияние на показатели эффективности уголовно-процессуального регулирования очевидна, поэтому далее целесообразно отметить основные из них.

Во-первых, для осуществления любого вида деятельности важно понимание целевых ориентиров и конкретных задач, решение которых позволит эту цель достичь. В этой связи следует отметить, как положительную тенденцию, стремление

¹ Голенок С. Г. Легитимность и эффективность права: к вопросу о понятиях, их содержании и соотношении // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 2 (15). С. 71.

² Алексеева Л. А. Понятие и критерии эффективности правоприменительной деятельности // Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел. Орел: Изд-во Орловского юридического ин-та МВД РФ им. В. В. Лукьянова, 2017. С. 71.

законодателя влиять на эффективность правового регулирования, которое характеризуется в настоящее время рядом особенностей: 1) коллизии правовых норм; 2) проблемы разграничения компетенции и сферы ответственности многочисленных участников правового регулирования; 3) пробелы правового регулирования стремительно меняющихся правоотношений; 4) использование в нормативных актах оценочных понятий; 5) отсутствие достаточного финансирования.

Между тем преждевременно считать данное стремление реализованным, и приведшим к ощутимым изменениям. В этой связи нормотворческая деятельность должна базироваться на практических проблемах, выявленных при мониторинге осуществления деятельности в указанной сфере.

Во-вторых, важно понимать место каждого участника уголовно-процессуальных правоотношений. Определение статуса каждого участника, разграничение сфер ответственности — задача законодателя. Внутри этой системы существуют многочисленные связи подсистем, оказывающие свое влияние на итоговый результат эффективности деятельности всех участников.

По обоснованному мнению В. Н. Синякова, в России достаточно высокий общественный уровень правовой культуры за счет двух факторов: 1) массового обыденного сознания граждан и 2) высокого уровня развития гуманитарной, в том числе юридической доктрины, философско-правовых, отраслевых, прикладных разработок. Следует согласиться с данным автором и в том, что требуется мониторинг правоприменения, выступающий составной частью законодательного процесса, который в настоящее время носит формальный характер и базируется на системе оторванных от сути методах правового регулирования индикаторов и порученный фактически исполнителям³.

Значение правовой культуры для эффективного осуществления правоприменителями своих служебных обязанностей не может основываться только на знании ими норм права и безупречного их применения. Следует признать, что правовая культура определяет мотивацию правомерного поведения, а законность выступает в качестве определенного ценностного ориентира. В. В. Сорокин верно отмечает, что ценность формальной определенности права должна быть соразмерной условиям действия права⁴.

В-третьих, а может быть и во-первых, реализовать стоящие задачи могут только профессионалы своего дела, обеспеченные рядом значимых социальных и материальных гарантий, препятствующих проявлению коррупционных факторов в их деятельности. В числе превентивных мер таким негативным явлениям следует предусмотреть в том числе изменения систем оценки результатов деятельности, с исключением количественных показателей. Оптимизация документооборота, путем электронных и автоматизированных систем направлено и на повышение эффективности деятельности, и снижение коррупционных рисков, обусловленных ложно понятыми целями конкретными сотрудниками. Укрепление материального и социального статуса с поднятием престижа профессии — еще один слагаемый элемент в комплексе превентивных мер.

В свою очередь, данные факторы в совокупности влияют на уровень доверия граждан к правоохранительным органам, как представителям государственной власти, что влияет на правоприменение. А. Н. Кокотов обоснованно отмечает, что «устойчивое доверие между людьми, обществом и властью — то фундаментальное основание правового регулирования, без которого правовой инструментарий не работает или используется в ненадлежащем режиме»⁵.

Создание позитивного имиджа профессии — предмет научных изысканий, заслуживающих внимания и поддержки, поскольку во всех видах деятельности

³ Синюков В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex ussica. 2018. № 10 (143). С. 18–19.

⁴ Сорокин В. В. Фундаментальная теория права : монография. М. : Юрлитинформ, 2020. С. 284

⁵ Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право. М. : Норма: Инфра-М, 2020. С. 7.

человеческий ресурс — самый ценный, с индивидуальными особенностями, с присущими определенными элементами корпоративной культуры, оказывающими свое воздействие на все элементы взаимоотношений субъектов. К тому же, затраты государства на профессиональное обучение и повышение квалификации — также важная составляющая для расчета эффективности деятельности ведомств.

К сожалению, в рамках прокурорского надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства отмечается стабильно высокое количество нарушений закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении: в 2019 г. таких нарушений было выявлено 3 627 932, против 3730 794 в 2018 г.⁶, то есть снижение на 2,8 %, что едва ли можно признать существенным.

В-четвертых, исследование проблем эффективности деятельности правоприменителей должно быть комплексным, поскольку система взаимодействия всех участников правоотношений носит активный, динамично изменяющийся характер, на который оказывает влияние множество внутренних и внешних факторов. В этой связи следует определять обозначенные взаимосвязи, производить их мониторинг и минимизировать затраченные ресурсы в целях более эффективного использования и достижения наилучших результатов.

Для решения вопроса о средствах повышения эффективности правоприменительной деятельности необходимо рассмотреть, по каким критериям производится в настоящее время или может производиться оценка этой деятельности. При выборе критериев деятельности, которую сложно оценить по каким-либо материальным показателям, важно учесть, что система оценок должна включать их оптимальное количество, позволяющее оценить деятельность как можно более объективно. При слишком большом количестве показателей существует риск утраты значения полученных показателей в связи со сложностью процесса подсчета результатов. Напротив, слишком узкий подход к количеству критериев эффективности вызовет риск придания значения малозначительным факторам при игнорировании более важных показателей, односторонность подхода. Угроза «перекосов» в формировании системы критериев может нивелировать полученные результаты, свести их к формальному учету не существенных факторов. Именно формальный подход чаще всего критикуется при количественном, или абсолютном показателе эффективности правоприменительной деятельности.

Все критерии оценки правоприменительной деятельности возможно разделить на социальные и юридические. При этом С. Б. Швецов полагает, что определение эффективности правоприменительной деятельности должно осуществляться «на основе такого критерия, как достижение юридических целей применяемой нормы, а отнюдь не социальных целей, так как последние слишком широки и всеобъемлющи, и достижение их происходит не одномоментно»⁷.

В целом все показатели, которые могут быть использованы в качестве критериев эффективности деятельности правоохранительных органов и судебной системы, могут быть условно разделены на несколько групп:

- 1) критерий общественной оценки: социальные показатели, базирующиеся на мониторинге общественного мнения из различных источников;
- 2) критерий количества: показатели, выражающие результаты деятельности (количественные: регистрируемые статистикой показатели);
- 3) критерий времени: показатели, характеризующие организацию деятельности (сроки: своевременность и оперативность);
- 4) критерий качества: показатели (индикаторы) качества деятельности, устанавливаемые через количественные показатели жалоб и обращений, признанных обоснованными, и отмен принятых решений — на основе анализа результатов

⁶ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь — декабрь 2019 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ: URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf.

⁷ Швецов С. Б. Эффективность правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 12.

ведомственного и прокурорского надзора, судебного контроля за законностью действий (бездействия) и принятых решений (внешний контроль).

Могут быть предложены и иные социальные инструменты для оценки эффективности, но всегда есть риск искусственно формируемого общественного мнения и результатов репрезентативности опросов. С другой стороны, стремление учитывать только количественные показатели также может исказить реальную ситуацию. В конечном итоге следует помнить, что цель таких оценок и разработка комплекса соответствующих критериев эффективности деятельности — необходимый уровень защиты граждан и государства от угроз в сфере безопасности, адекватный ответ на современные вызовы безопасности и ожидания граждан общества и государства в этой сфере.

Проблемы реализации прав и законных интересов при достижении назначения уголовного судопроизводства и достижении баланса интересов его участников являются одними из дискуссионных в теории уголовного процесса, так как определение функций участников уголовного судопроизводства предопределяет их деятельность, придает ей соответствующий вектор и содержание. Изменение общественных отношений, гуманизация уголовного судопроизводства и задачи достижения его назначения в условиях материальной и процессуальной экономии актуализируют научный поиск средств оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, повышения эффективности защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В указанном аспекте следует солидаризироваться с авторами, обоснованно полагающими, что при активной трансформации системы права в целом под влиянием международных правовых систем и экономических реалий, сохраняется некая адаптация ценностей под национальные экономико-правовые традиции и, в частности, следует признать существенное влияние менталитета и ценностей российского общества на ту систему прав человека, которая инкорпорируется в отечественную правовую систему⁸, а институты законодательства в любой стране выступают в качестве результата взаимодействия людей этой страны, этой культуры, региона, конкретного профессионального сообщества⁹.

Обоснованно отмечается в юридической литературе о ключевой роли субъекта права в любой модели правопорядка, и правосознании как неотъемлемом качестве субъектов права¹⁰.

Рассматривая проблемы реализации прав в уголовном правосудии, логично отметить, что отсутствие надлежащих правовых механизмов реализации правовых норм не только не позволяет достигать баланса интересов участников уголовного судопроизводства, но и самого назначения уголовного судопроизводства, а также снижает авторитет права, закона, правоохранительных органов и государства в целом, снижает эффективность реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Создание четкого и продуманного механизма уголовно-процессуального регулирования позволяет обеспечить законность и правопорядок в обществе.

Обеспечить суду баланс прав и законных интересов возможно путем мотивирования принимаемых решений, которые будут понятными и убедительными как для участников уголовного судопроизводства, так и для других граждан. На суде, как участнике, который принимает итоговое решение, лежит ответственность не только разъяснения соответствующих прав всем участникам, но и создать необходимые условия для их реализации.

⁸ Чесноков А. А. Конфликт правовых ценностей как фактор эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Алтайский юридический вестник. 2018. № 2 (22). С. 64–67.

⁹ Синюков В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции. С. 24

¹⁰ Черногор Н. Н., Пащенко Д. А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 13.

Особое значение имеют полномочия суда по защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в досудебных стадиях. Функции судебного контроля за законностью отдельных решений, действий и бездействия следователя, затрагивающих конституционные права и законные интересы, согласуются с насущной потребностью повышения эффективности прав и законных интересов участников уголовного процесса, не ограничивая самостоятельность органов предварительного расследования.

При стремлении достижения максимальной эффективности деятельности также следует учитывать, что снижение затрат через сокращение расходов на содержание правоохранительных органов и судебной системы, сокращение числа сотрудников с перераспределением объема работы на меньшее число сотрудников, не позволяет достичь искомого результата. Напротив, работа в отсутствие надлежащего финансирования и при повышенных нагрузках не стимулирует к качественному решению задач и приведет к обратному, а не ожидаемому результату. Текущие нагрузки, при условии надлежащего отношения к своим служебным обязанностям, возможно расценить как запредельные, с большим количеством негативных факторов воздействия на здоровье и психику государственных служащих, поэтому обоснованно в качестве способа повышения эффективности рассматриваются различные предложения, в том числе о внедрении методов тайм-менеджмента.

Во всяком случае, при оценке эффективности правоприменительной деятельности, важно понимать конечный результат, на который эта деятельность направлена. Безусловно, вопрос результата, как ключевое понятие эффективности, также заслуживает самостоятельного изучения. Между тем для достижения результата правоприменители должны быть вооружены соответствующими процессуальными средствами.

Государство, взявшее на себя обязательства обеспечить безопасность граждан и общества от преступных посягательств, затрачивает колоссальные средства на раскрытие, расследование и разрешение уголовных дел, исполнение вынесенных судебных решений. Преступления в различных сферах существенно подрывают экономическое благосостояние общества и конкретных жертв преступлений. В свою очередь, состояние экономики напрямую влияет и на виды преступлений, и на уровень и масштабы преступности.

В указанном аспекте повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и судебной системы возможно несколькими путями, в том числе за счет увеличения структур и численности сотрудников различных правоохранительных органов, судебной системы; оптимизации деятельности государственных структур, с поиском средств, призванных к процессуальной и материальной экономии. Представляется, что от первого варианта государство давно уже отказалось, поэтому самым востребованным является второй подход, что и составляет предмет научных дискурсов, задачу законодателя, а органы исполнительной власти призваны обеспечить экономическое обеспечение реформирования правового регулирования.

Предложенные векторы движения могут оказаться не востребованными без фундаментальных и отраслевых исследований, которые в литературе убедительно оценены как демонстрирующие взаимную замкнутость, автономное существование, и даже отчуждение¹¹. Качественные изменения в механизме правового регулирования в целом, и в уголовном судопроизводстве, как отраслевой юриспруденции, требуют мониторинга законодательства и правоприменения, формирование современной отечественной правовой доктрины и на ее базе уже следует рассматривать конкретные механизмы правового регулирования в целях достижения задач государства по защите прав и законных интересов его самого, общества и личности, в том числе в сфере защиты от преступных посягательств.

Автономное развитие отраслевых институтов, отсутствие концепции их реформирования и снижение статуса межотраслевых исследований не обеспечивает стоящих

¹¹ Синюков В. Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 20

перед отечественной правовой доктриной задач, и не способствует эффективности реализации отраслевых норм. Фактическое повышение значения процессуальных отраслей права с самостоятельным предметом правового регулирования, постоянное «перетягивание канатов» в приоритете норм материального или процессуального права, некая ведомственность в отраслевых направлениях поиска новых знаний, выводят на иной уровень значение процессуальной формы, выявляя насущную потребность в комплексном межатраслевом исследовании концептуальных проблем с позиции общей теории права.

Можно высказать робкие надежды, что такого рода исследования как раз и позволят обеспечить тот пресловутый баланс частных и публичных интересов, достижение назначения уголовного судопроизводства с минимальным репрессивным воздействием, снижением временных и материальных затрат, восстановительным подходом к нарушенным преступлениям правоотношениям, и превентивным воздействием права к другим членам общества.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева Л. А. Понятие и критерии эффективности правоприменительной деятельности // Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности органов внутренних дел. Орел: Изд-во Орловского юридического ин-та МВД РФ имени В. В. Лукьянова, 2017. — С. 67–91.
2. Голенок С. Г. Легитимность и эффективность права: к вопросу о понятиях, их содержании и соотношении // Российский журнал правовых исследований. — 2018. — Т. 5. — № 2 (15). — С. 67–78.
3. Кокотов А. Н. Доверие. Недоверие. Право / М. : Норма: Инфра-М, 2020. — 192 с.
4. Синюков В. Н. Общая теория прав и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 9 (94). — С. 19–30.
5. Синюков В. Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex russica. — 2018. — № 10 (143). — С. 18–29.
6. Сорокин В. В. Фундаментальная теория права : монография. — М. : Юрлитинформ, 2020. — 448 с.
7. Черногор Н. Н., Пащенко Д. А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. — 2017. — № 8 (248). — С. 5–16.
8. Чесноков А. А. Конфликт правовых ценностей как фактор эффективности социально-юридического механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Алтайский юридический вестник. — 2018. — № 2 (22). — С. 64–67.
9. Швецов С. Б. Эффективность правоприменительной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. — СПб., 2004. — 156 с.

REFERENCES

1. Alekseeva L.A. Ponyatie i kriterii effektivnosti pravoprimenitelnoy deyatel'nosti [The concept and criteria of effectiveness of law enforcement activity]. In: The Balance between Social and Legal Effectiveness of Law Enforcement Activity of Internal Affairs Bodies]. Orel: Publishing house of Orlovskiy Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov; 2017. P. 67–91. (In Russ.).
2. Golenok S.G. Legitimnost i effektivnost prava: k voprosu o ponyatiyakh, ikh sodержanii i sootnoshenii [Legitimacy and effectiveness of law: to the question of concepts, their content and relation]. *Russian Journal of Legal Studies*. 2018; 5(2)(15): 67–78 (In Russ.).
3. Kokotov A.N. Doverie. Nedoverie. Pravo [Doverie. Nedoverie. Pravo]. Moscow: Norma: INFRA-McPubl.; 2020 (In Russ.).

4. Sinyukov VN. Obshchaya teoriya prav ai razvitie otraslevykh yuridicheskikh nauk [General theory of rights and development of sectoral legal sciences]. *Actual Problems of Russian Law*. 2018;9(94): 19–30 (In Russ.).
5. Sinyukov VN. Zakonodatelstvo v Rossii: problemy sotsialnoy integratsii [Legislation in Russia: Problems of Social Integration]. *Lex Russica*. 2018;10(143): 18--28 (In Russ.).
6. Sorokin VV. Fundamentalnaya teoriya prava: monografiya [Fundamental Theory of Law: Monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2020 (In Russ.).
7. Chernogor NN, Pashchentsev DA. Pravovoy poryadok: doktrinalnye podkhody, metody i aktualnye napravleniya issledovaniya [Legal order: doctrinal approaches, methods and topical directions of research]. *Journal of Russian Law*. 2017;8(248): 5–16 (In Russ.).
8. Chesnokov AA. Konflikt pravovykh tsennostey kak faktor effektivnosti sotsialno-yuridicheskogo mekhanizma obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Conflict of legal values as a factor of effectiveness of socio-legal mechanism of ensuring human and citizen rights and freedoms]. *Altai Juridical Bulletin*. 2018;2(22): 64–67 (In Russ.).
9. Shvetsov SB. Effektivnost pravoprimeritelnoy deyatel'nosti: dis.... kand.yurid. nauk: 12.00.01. [Efficiency of law enforcement activity: Cand. Sci. (Law) Thesis]. St. Petersburg; 2004 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.036-041

РОССИЙСКИЕ ВНЕШНИЕ СНОШЕНИЯ В XVI — НАЧАЛЕ XVIII в.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Чуб Надежда Вячеславовна, доцент кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
305040, Россия, Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94
nadchub@yandex.ru

© Чуб Н. В., 2020

Аннотация. В статье анализируются особенности становления и развития сферы внешних сношений России в XVI — начале XVIII в. через призму приоритета национальных интересов. Приведены примеры некоторых дипломатических приемов. Показано, что в исследуемый период функционировала опытная посольская приказная администрация, наладились торгово-хозяйственные коммуникации с другими странами, потребовались различные специалисты, в том числе из-за рубежа.

Ключевые слова: государство; государственная политика; государственное управление; внешние сношения; национальные интересы; иностранные специалисты.

RUSSIAN FOREIGN RELATIONS IN THE 16TH — EARLY 18TH CENTURIES: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

Nadezhda V. Chub, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional Law, Southwestern State University
ul. 50 let Oktyabrya, d. 94, Kursk, Russia, 305040
nadchub@yandex.ru

Abstract. The paper analyzes the peculiarities of formation and development of the field of external relations of Russia in the 16th — early 18th century through the prism of priority of national interests. The author gives examples of some diplomatic receptions. It is shown that during the studied period the experienced embassy administration functioned; trade and economic communications with other countries were established and various specialists were on demand including specialists from abroad.

Keywords: state; state policy; public administration; foreign relations; national interests; foreign specialists.

Опыт взаимодействия России с иностранными державами выражен комплексом правовых связей, в каждом из которых есть предпосылки, цель, предмет сотрудничества, конкретные участники. В XVI в. Россия в целях устранения

угрозы нападений, расширения территориальных границ ведет войну с Литвой, Казанским, Крымским ханствами. В XVII в. активизируется деятельность в международной сфере по ряду направлений: война с Польшей, через периодические перемирия; борьба с Крымом и Турцией по защите южных рубежей; возвращение части территорий на северо-западе с подписанием в 1617 г. мирного договора со Швецией, возобновление во второй половине XVII в. борьбы с последней в стремлении выйти к Балтийскому морю. В 1696 г. страна добивается выхода к Азовскому морю, в 1700 г. начинается Северная война, а в промежутке между этими событиями российский император для обретения новых знаний, поиска необходимых специалистов, знакомства с административным и культурным порядком, передовыми техническими достижениями зарубежных стран, предпринимает в составе дипломатической миссии путешествие в Европу («Великое Посольство 1697–1698 гг.»).

Таким образом, в XVI — начале XVIII в. формами взаимодействия выступали как мирные, дружественные акции, необходимые для взаимного развития отраслей хозяйства и общественно-политических институтов, проводимые посредством заключения договоров, трактатов и иных международных документов, так и военные союзы, возникающие как противовес политико-территориальным конфликтам и претензиям государств.

Кроме того, исследуемый период характеризуется масштабными административными процессами, повлиявшими на развитие внешнеполитической сферы. В XVI–XVII вв. в России на основе функционально-отраслевого принципа оформилась Приказная система центрального управления, был учрежден и впоследствии структурно оптимизирован Посольский Приказ, ведавший межгосударственными вопросами и ставший основным официальным источником внешнеполитической документации, проводником российских национальных интересов за пределами Отечества. Посольские служащие выполняли ответственные дипломатические обязанности, что требовало от них серьезной подготовки, волевых личных и деловых качеств.

Правительство России через официальные дипломатические контакты и переговоры, в том числе в ходе преодоления политических разногласий, сталкивалось с зарубежными традициями, административным порядком, общественными интересами, сближалось с иной системой законодательства. Полученный в процессе внешних сношений иностранный правовой материал, верховная власть нередко использовала для административно-политических преобразований.

Если под внешней политикой понимать исключительно западно-европейскую, то до XVI в. трудно указать роль России в Западной Европе; но если ее перенести в международные отношения Восточной Европы, то роль России определится отчетливо: и в древний период своей истории она не пренебрегала внешней политикой¹; государи на Руси по состоянию на 90 — е гг. XVII в. имели «ссылку» с 24-мя представителями иностранных держав Европы (Франции, Англии, Дании, Швеции, Польши, Голландских штатов, Флоренции и Венеции, немецкими курфюрстами и др.), Турции, ханами Крыма и Бухары, шахами Персии, главами Греческого патриархата и римского папства².

Особенностью системы внешних сношений середины XVI в. было стремление ряда зарубежных стран удержать военно-техническое развитие и кадровое оснащение России. Из переписки с Римским папой польского короля, возражающего против ведущей роли Москвы в решении восточного вопроса через войну с турецкими захватчиками Константинополя, следует опасение последнего скрытой угрозы со стороны русских: «Ежели москвитяне построят флот и утвердятся на берегах Балтийского моря, то они явятся в Германии с многочисленным войском, и кто тогда устоит против 300000 воинов, управляемых строгой дисциплиной. Что до морского пути, то московиты совсем несведущи в морском деле, кто же держится того мнения, что

¹ Успенский Ф. И. Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб. : С.-Петерб. славян. благотворит. о-во, 1887. С. 4.

² Малыгин Т. С. Чиновник российских государей: с разными в Европе и Азии христианскими и махOMETанскими владетельными и прочими высокими лицами о взаимных чрез грамоты сношениях издревле по 1672 г. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1792. С. 1.

они могут скоро привыкнуть к мореплаванию, тот не видит обратной силы медали. Покажите москвитам море и они сделаются еще вреднее и опаснее»³.

Развитие промышленности и торговли открывали для россиян новые пути к иностранным державам, хотя «излишняя недоверчивость и строгий контроль за послами иноземными, соединенными с обрядами скучными и тягостными в середине XV в., возбуждали в Европе невыгодное мнение о России»⁴. Подобные особенности русского дипломатического стиля сохранялись и позже. Например, описывая прием шведской делегации в 1674 г., С. Н. Шубинский приводит сведения, что торжественная встреча послов, назначенная на 3 января, состоялась лишь 30 марта. Три месяца русский и шведский двор спорили из-за пустых формальностей: шведы не захотели обнажить голову, находясь в тронном зале, поскольку не имели на этот счет специальных инструкций, хотя их убеждали царские приставы, что «даже послы римского цезаря не являются перед царем на аудиенции с покрытыми головами»⁵.

Четкое соблюдение церемониала и особого почитания титула царской власти было присуще всем дипломатическим аудиенциям, а в России еще имело специфические национально-религиозные проявления. Так, на почетное византийское происхождение титула российского царя, перешедшего к нашим монархам по правопреимству семейному и историческому, составляющего «гордость российского престола и поныне» указывали русские посланники в ответе на вопрос секретаря посольских дел Испании: «что государский титул Царь и Самодержец разумеется?»⁶.

Вообще, религиозные начала были идейной основой русской государственности и проникали в сферу внешней политики. Известный русский дипломат С. С. Татищев замечает: «Веротерпимость, существовавшая в России, была образцом религиозной кротости, западная Европа не понимала ее в таком глубоком христианском значении. Когда в Испании и Франции истребляли неугодные верования, Россия принимала к себе всех, не хотевших менять своих религиозных убеждений»⁷. Иллюстрацию этого утверждения мы читаем в ответе царского дьяка посланнику английской королевы на переговорах о свободе вероисповедания в России (XVI в.): «всякий иностранец держится у нас своей веры, и никого — ни турок, ни испанцев, ни немцев, ни французов — от их веры не отводят»⁸. В отличие от действий английской стороны, которая использовала иные подходы к иностранным кадрам. Так, дипломатические акты правления Бориса Годунова сохранили сведения о посылке в Англию в 1602 г. «для науки разных языков и грамотам» четверых молодых ребят. Специалист по русско-западным отношениям С. Ф. Платонов пишет, что эти лица в Россию не вернулись⁹. Изучая текст переговоров, которые состоялись лишь спустя 20 лет (1622 г.) по вопросу возвращения юношей на родину, приведем следующие слова бояр, укорявших англичан по этому поводу: «Четверых, отправленных в их землю при царе Годунове русских, они не только у себя удержали, но даже Никифора Алферьева заставили переменить веру»¹⁰. На просьбу русского посла М. И. Поздеева, вернуть их обратно в Россию, последовал отказ. Это позволяет выдвинуть предположение, что в исследуемый период государства преследовали различные цели, удерживая иностранцев в своем кадровом строю.

³ Успенский Ф. И. Как возник и развивался в России восточный вопрос. Санкт-Петербург: С.-Петерб. славян. благотворит. о-во, 1887. С. 40–41

⁴ Доброклонский С. П. Указатель трактатов и сношений России с 1452 по 1826 г. М. С. 42

⁵ Шубинский С. Н. Исторические очерки и рассказы С. Н. Шубинского. 5-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург: тип. А. С. Суворина, 1908. С. 6

⁶ Татищев С. С. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. СПб. 1890. С. 538

⁷ Капустин М. Н. Дипломатические сношения России с Западной Европой, во второй половине XVII века: Исслед. Михаила Капустина. Москва: Унив. тип., 1852. С. 144–145

⁸ Лакиер А. Б. Обзор сношений между Англией и Россией в XVI и XVII столетиях. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, ценз. 1854. С. 44

⁹ Платонов С. Ф. Москва и Запад. Берлин. 1926. С. 40

¹⁰ Лакиер А. Б. Обзор сношений между Англией и Россией в XVI и XVII столетиях. С. 61

В этой связи стиль взаимных отношений России с другими государствами менялся от расположения к сотрудничеству для поддержания общей политической пользы, в том числе в деле совершенствования различных сфер общественной жизни, до недоверия из-за корыстных притязаний иностранцев. Нередко русские послы изобличали некоторых иноземных представителей в хитростях и обмане, особенно стремились ограничить в определенный период претензии английских уполномоченных на торговую монополию в России.

Высший надзор за действиями иностранцев в России принадлежал Посольскому приказу, главной функцией которого было обеспечение межгосударственных связей при иностранных дворах. Вывод о формировании компетенции приказного строя и наличии соответствующего властного функционала между приказами уже в XVI в. можно сделать из анализа русско-английских переговоров при участии дьяка А. Я. Щелкалова от России и посланника Джайлса Флетчера от Англии. На просьбу английской стороны передать суд над иностранцами в ведение Бориса Годунова, известного своим им покровительством, было отвечено отказом, потому что «всякие дела государственные, на которых государство содержится, все приказаны»¹¹. Иными словами, русские дипломаты — посольские дьяки — в необходимых случаях настойчиво внушали зарубежным коллегам, что административные и судебные полномочия распределены между приказами как органами центральной власти в России сообразно ее с национальными интересами и какие-либо исключения из данной схемы неприемлемы.

Вместе с тем управление и образование кадров на рубеже XVII–XVIII вв. в России — основные сферы правоотношений, реформирование которых было проведено на основе европейского опыта, полученного в результате активной дипломатической деятельности, в том числе в период Великого Посольства 1697–1698 гг. Посещая в эти годы Германию, Голландию и Англию, Петр Великий был первым русским царем, решившим временно, для своих особенных целей покинуть пределы государства, что, по выражению М. А. Веневитинова, стало «непосредственным столкновением двух миров, русского и западноевропейского»¹². Пребывание иностранных министров при зарубежных дворах, возникшее как обычай, Россия приняла в царствование Петра. Практически все дипломаты были искусными и влиятельными политическими деятелями, покровительствовали русским подданным, находившимся за рубежом на обучении. Гонцы, послы, посланники, резиденты, поверенные в делах, агенты исходили из государственной пользы России, защищали принципы стабильности административного устройства, безопасности в управлении и подготовки кадров.

Изложенное позволяет сделать следующие выводы. В исследуемый период военно-политические, территориальные, торгово-финансовые и культурно-идеологические факторы способствовали формированию различных направлений российского межгосударственного сотрудничества, которое отражало определенный стиль национальной самобытности: особые традиции переговоров, длительные посольские церемонии, убедительная сила аргументов делового языка, выражающая преобладание пользы Отечества над другими мнениями и интересами; почет и преемственность исторических и религиозных традиций в обозначении титула Государя, соблюдение конфессий верующих иностранцев и др. Ряд материалов дипломатических сношений и посольств российского государства со Швецией и Англией XVII — начала XVIII вв. свидетельствуют об осуществлении посольскими дьяками контрольных функций за пребыванием иностранцев, а равно о реализации специальных дипломатических полномочий по защите прав русских подданных за границей, в том числе содействие в возвращении их на родину, что было распространенным явлением международной практики при разрешении споров и конфликтов.

В связи с изменением правительственных нужд и общественных потребностей в конце XVII — начале XVIII вв. активизировались зарубежные коммуникации русских

¹¹ Там же. С. 41

¹² Веневитинов М. А. Русские в Голландии. Великое посольство 1697 — 1698 гг. М. Типография и Словолитня. О. О. Гербека. 1897. С. 3–4.

подданных. Благодаря целенаправленной работе дипломатических миссий в европейских странах по изучению и обобщению действующих иностранных правовых источников и административных порядков, системы технических достижений, в том числе после Великого посольства 1697–1698 гг., в Россию были приглашены узко-профильные западные специалисты и развивалась практика профессиональных стажировок границу.

Статья подготовлена в рамках государственного задания на 2020 г. по теме «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Веневитинов М. А.* Русские в Голландии. Великое посольство 1697–1698 гг. М. Типография и Словолитня. О. О. Гербека, 1897. — 239 с.
2. *Доброклонский С. П.* Указатель трактатов и сношений России с 1452 по 1826 гг. — М. : тип. С. Селивановского, 1838. — 118 с.
3. *Капустин М. Н.* Дипломатические сношения России с Западной Европой, во второй половине XVII века. М. : Унив. тип., 1852. — 152 с.
4. *Лакиер А. Б.* Обзор сношений между Англией и Россией в XVI и XVII столетиях. С.-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, ценз. 1854. 66 с.
5. *Малыгин Т. С.* Чиновник российских государей: с разными в Европе и Азии христианскими и махOMETанскими владетельными и прочими высокими лицами о взаимных чрез грамоты сношениях издревле по 1672 г. Как обоюдные между собою титулы употребляли и знаки дружества, почтения, преимущества и величия изъясняли. С.-Петербург: При Имп. Акад. наук, 1792. — 128 с.
6. Олеарий Адам. О состоянии России в царствование Михаила Федоровича и Алексея Михайловича: (3 кн. «Путешествия» Олеария) / Пер. с нем. изд. 1656 г. А. Михайлова. С.-Петербург, 1861. — 166 с.
7. *Платонов С. Ф.* Москва и Запад. Берлин, 1926. — 167 с.
8. *Татищев С. С.* Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи. С.-Петербург, 1890. — 567 с.
9. *Успенский Ф. И.* Как возник и развивался в России восточный вопрос. СПб. : С.-Петерб. славян. благотворит. о-во, 1887. — 68 с.
10. *Шубинский С. Н.* Исторические очерки и рассказы С. Н. Шубинского. — 5-е изд., доп. и испр. — СПб. : тип. А. С. Суворина, 1908. — 712 с.

REFERENCES

1. Venevitinov MA. Russkie v Gollandii. Velikoe posolstvo 1697–1698 gg [Russians in Holland. The Grand Embassy of 1697–1698]. Moscow. O.O. Gerbek's Typography and Wordhouse. 1897 (In Russ.).
2. Dobroklonskiy SP. Ukazatel traktatov i snosheniy Rossii s 1452 po 1826 gg. [Index of treatises and relations of Russia from 1452 to 1826]. Moscow: Selivamovskiy Publ. House. 1838 (In Russ.).
3. Kapustin MN. Diplomaticheskie snosheniya Rossii s Zapadnoy Evropoy, vo vtoroy polovine XVII veka [Diplomatic relations of Russia with Western Europe, in the second half of the 17th century]. Moscow: Univ. tip.; 1852 (In Russ.).
4. Lakier A B. Obzor snosheniy mezhdru Angliyei i Rossiey v XVI I XVII stoletiyakh. [Review of relations between England and Russia in the 16th and 17th centuries]. St. Petersburg: Imp. Acad. of Sciences Publishing house; 1854 (In Russ.).
5. Malygin T S. Chinovnik rossiyskikh gosudarey: s raznymi v Evrope i Azii khristianskimi i makhometanskimi vladetelnymi i prochimi vysokimi litsami o vzaimnykh chrez gramoty snosheniyakh izdrevle po 1672 g. Kak oboyudnyya mezhdru soboyu titla upotrebyali i znaki

- druzhestva, pochtleniya, preimushchestva i velichiya izyavlyali. St. Petersburg: under Imp. Acad. of Sciences. 1792 (In Russ.).
6. Oleary Adam. On the state of Russia in the reign of Mikhail Fedorovich and Alexei Mikhailovich: (3rd book Olearia's «Travels». Translated from German; 1656 (In Russ.). A. Mikhaylova. St. Petersburg; 1861 (In Russ.).
 7. Platonov SF. Moskva i Zapad [Moscow and the West]. Berlin; 1926 (In Russ.).
 8. Tatishchev SS. Iz proshlogo russkoy diplomatii. Istoricheskie issledovaniya i polemicheskie stati [From the past of Russian diplomacy. Historical studies and polemical articles]. St. Petersburg; 1890 (In Russ.).
 9. Uspenskiy F (I.G. Salov Kak voznik i razvivalsya v rossii vostochnyy vopros [As the Eastern issue arose and developed in Russia]. Saint Petersburg: Saint-Petersburg. Slavs. benefactor. o-vo Publ.; 1887 (In Russ.).
 10. Shubinsky SN. Istoricheskie ocherki i rasskazy S.N. Shubinskogo [Historical essays and stories by S.N. Shubinsky]. 5th ed. St. Petersburg: A.S. Suvorin Publishing House; 1908 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.042-052

ПРОБЛЕМА ИМИТАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Кузнецова Елена Николаевна, доцент кафедры государственного и административного права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, кандидат юридических наук, доцент 443086, Россия, Самара, Московское шоссе, д. 34
kuznetsova_e_n@bk.ru

© Кузнецова Е. Н., 2020

Аннотация. В статье рассматривается состояние проблемы имитации конституционного строя; дается оценка Основных законов Российской империи 1906 г., конституций советского периода с точки зрения соответствия их содержания универсальным конституционным ценностям; констатируется расхождение между содержанием советских конституций и политико-правовой действительностью; делается вывод о сохранении значения проблемы имитации конституционного строя после принятия Конституции 1993 г. и внесения в нее изменений.

Ключевые слова: государство; конституция; конституционный строй; конституционализм; номинальная конституция; номинальный конституционализм; имитация конституционного строя; РСФСР; СССР; Российская Федерация.

THE PROBLEM OF IMITATION OF CONSTITUTIONAL ORDER IN RUSSIA: A HISTORICAL ASPECT

Elena N. Kuznetsova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of State and Administrative Law, Samara National Research University named after academician S. P. Korolev
Moskovskoe shosse, d. 34, Samara, Russia, 443086
kuznetsova_e_n@bk.ru

Abstract. The article discusses the state of the problem of imitation of the constitutional order. The author evaluates the Basic Laws of the Russian Empire from 1906 and the Constitutions of the Soviet period in terms of their conformity to the content of universal constitutional values. The paper describes the discrepancy between the content of the Soviet constitutions and the political and legal reality. The conclusion is made about the preservation of the significance of the problem of imitation of the constitutional order after the adoption of the 1993 Constitution and amendments thereto.

Keywords: state; constitution; constitutional order; constitutionalism; nominal constitution; nominal constitutionalism; imitation of constitutional order; RSFSR; USSR; Russian Federation.

Нетрудно заметить, что авторы научных трудов, как правило, немало места уделяют в них мнениям коллег. Это легко объяснить спектром таковых практически по любой проблеме. Не является исключением и проблема конституционного строя — его понятия, элементов¹. Только лишь перечня и анализа касающихся данной проблемы мнений достаточно для содержания целой статьи². Объединяющей трактовкой конституционного строя можно считать рассмотрение его в качестве составляющей конституционализма³. При этом разные трактовки, как правило, имеют одну и ту же методологическую основу, связаны с одним и тем же — позитивистским подходом к праву⁴.

Исследователи часто отмечают относительную новизну терминов «конституционный строй» и «основы конституционного строя» в российском конституционном праве и отечественном законодательстве⁵. Она не случайна — импульс интенсивной разработке проблемы конституционного строя и его основ отечественными исследователями был дан содержанием Конституции РФ 1993 г., в связи с которым эта проблема, как правило, и рассматривается. К тому же сравнительно-правовой анализ современных конституций позволил В. Е. Чиркину констатировать: «пока что целостное закрепление основ нового конституционного строя есть только в Конституции Российской Федерации»⁶. Возможно, еще и поэтому (помимо основной причины — позитивистского подхода к праву) — можно видеть определения конституционного строя, которые ставят знак равенства между ним и конституцией. Но право, согласно социологической теории, «живет» лишь в процессе его реализации. Законы, которые не реализуются (здесь под законами подразумевается «писаное право», а не только нормативно-правовые акты высшей юридической силы) правом не являются. Вот почему смысл понятия «конституционный строй» — в акценте на том, является ли конституция действующей. Именно данный подход демонстрируют в своих трудах, например, М. В. Баглай, М. А. Краснов, Н. А. Боброва, И. А. Кравец, С. А. Денисов. Так, Н. А. Боброва подчеркивает, что наличие конституции вовсе не свидетельствует о гарантированности конституционного строя⁷. Конституционный строй, — пишет М. В. Баглай, — «не сводится к факту существования конституции, а становится реальностью только при двух условиях: если

¹ См., например: Чиркин В. Е. Основы конституционного строя как фактор устойчивого развития России // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 115 ; Дурнова И. А. Проблема соотношения фактического и юридического конституционного строя в Российской Федерации // Конституция Российской Федерации — правовая основа развития современной российской государственности : сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции Российской Федерации (в рамках VI Саратовских правовых чтений, Саратов, 19–20 сентября 2013 г.) / под общ. ред. С. А. Белоусова ; ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». Саратов : Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. С. 42

² См., например: Лебедева Н. В., Огурцов А. Ю. Теоретические подходы к определению конституционного строя РФ и его основ // Общество: политика, экономика, право. Вып. № 1, 2017. <https://doi.org/10.24158/pep.2017.1>

³ Гошуляк В. В. Конституционный строй, конституционное государство, конституционализм как основные категории конституционного права // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 3 (47). С. 28.

⁴ См.: Краснов М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов : учеб. пособие [Текст] / М. А. Краснов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. Глава 2. Конституция и конституционный строй; Денисов С. А. Реальное государственное право современной России : монография : в 3 т. Т. 1. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. С. 184.

⁵ См., например: Боброва Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России : монография. М. : Юнити-Дана, 2003. С. 37 ; Лебедева Н. В., Огурцов А. Ю. Указ. соч.

⁶ Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 114.

⁷ Боброва Н. А. Указ. соч. С. 37.

конституция соблюдается и если она демократическая»⁸. Отсутствие этих условий приводит к возникновению явления, которое в научной литературе названо имитацией конституционного строя. Заслуга в разработке данного понятия, как и общей теории имитации конституционного строя, частью которой он является, принадлежит С. А. Денисову⁹.

Конституционный строй, следовательно, предполагает наличие конституции определенного содержания. Такая конституция — «клетка для Левиафана» — предусматривает разделение государственной власти на ветви с целью ее ограничения; подчинение государства праву; подконтрольность государства обществу; неотчуждаемые права и свободы человека. Правовой акт, не отвечающий названным характеристикам, не становится конституцией в собственном смысле — даже если таковой именуется и в нем есть традиционные для конституций разделы — о государственной форме, системе государственных органов, правах и свободах, избирательном праве. Не становится потому, что соблюдение конституционной формы не может компенсировать отсутствие конституционной сущности.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос о праве, типах правопонимания. Сведение права к государственному закону, характерное для позитивистского типа правопонимания, оборачивается подменой верховенства права верховенством закона, что, в свою очередь, может привести к разрушению демократической конструкции власти и государственному произволу.

Идея ограничения государственной власти свойственна всем конституциям в собственном смысле. Такие конституции — которые несут идею ограничения власти — не возникают внезапно, что подтверждается историей конституционализма. Их появление в последней четверти XVIII в. было результатом длительного процесса, начавшегося еще в XVI в.¹⁰ Это говорит в пользу постулата социологической теории о праве как порождении самого общества, а не продукта властной воли. Поскольку Конституции в собственном смысле — право, иначе они появиться не могут.

В России даже правовой акт, вызвавший перешедшую в наше время полемику в отношении того, можно ли его считать несущим идею ограничения власти и конституционным, появился только в начале XX в. — 23 апреля 1906 г. — в виде второй редакции Основных законов Российской империи.

Симптоматично, что из двух возможных путей их принятия: вместе с Государственной думой, обещанной Манифестом 17 октября 1905 г. в качестве выборной и законодательной и которая, будучи избранной, должна была начать свою работу 27 апреля 1906 г.; самим императором — был избран второй путь — путь октроирования. Симптоматично и то, что официально Основные законы конституцией не именовались. Понятие конституции — позднее по сравнению с западной наукой — стало разрабатываться в связи с ними¹¹. Все это говорит об особенностях отечественного конституционализма, которые касаются его истории и связанной с ним терминологии.

Среди исследующих данную историю немало таких, которые склонны видеть начало конституционализма в России в давних, уходящих вглубь веков традициях,

⁸ Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2007. С. 115.

⁹ См.: Денисов С. А. Имитация конституционного строя в России // Сборник публикаций по вопросам государственного (конституционного) права. Т. V. На правах рукописи. Екатеринбург. 2012. С. 94–99 ; Он же. Использование принципов права для имитации конституционного строя // Принципы права: проблемы теории и практики : материалы XI Научно-практической конференции : в 2 ч. Ч. 1 (разделы I–IV). М. : РГУП, 2017. С. 353–362 ; Он же. Общая теория имитации конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 3. С. 12–18.

¹⁰ Краснов М. А. Указ. соч. С. 56.

¹¹ Шульженко Ю. Л. Понятие конституции в науке советского государственного права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2013. № 6. С. 5–6.

о чем говорят предлагаемые варианты его периодизации¹². Но тогда трудно, замечает В. В. Кочетков (имея в виду и прошлое, и настоящее) объяснить перманентные неудачи по части конституционализации российской власти и общества¹³. Однако это противоречие снимается принятием хода рассуждений С. А. Денисова, который разводит историю государственного и конституционного права. Если государственное право в виде норм, определяющих организацию и деятельность государства, возникает вместе с государством, то конституционное право, включающее нормы особого содержания — результат борьбы общества за такие условия государственного существования, которые обеспечивают его свободное развитие. Отсюда понятие конституции, форма которой может быть разной¹⁴. В России автор видит укоренившиеся традиции именно неконституционного государственного права, в числе которых монархическое (самодержавное), централизованное (имперское) государственное управление, этатизм¹⁵. Отлична от мнения сторонников видеть в России уходящие вглубь веков традиции конституционализма и позиция Г. И. Муромцева, полагающего, что Россия не имела опыта конституционализма вплоть до момента распада СССР¹⁶.

Противоречивость содержания второй редакции Основных законов Российской империи, установивших скорее смешанную, гибридную форму правления, сочетающей черты дуалистической монархии с чертами абсолютной, дает основание считать их скорее квазиконституцией, имитацией конституции, а вместе с отношением к ним самой власти, ролью в жизни общества — мнимым конституционализмом¹⁷.

Конституционное оформление нового общественного и государственного строя началось сразу же после октября 1917 г., о чем говорят первые декреты советской власти. Но одновременно — и это не было парадоксом — шел процесс фактического свертывания разработки теории конституционализма¹⁸.

Конституция, несущая идею ограничения власти, по определению несовместима с диктатурой. Однако первая советская конституция — Конституция РСФСР 1918 г. — ее прямо закрепляет, что А. Н. Медушевский расценивает как вполне антиправовой феномен¹⁹. В статье 9 этой Конституции говорится о диктатуре городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде советской власти²⁰. Но анализ статей данной Конституции позволяет видеть за ней диктатуру партии, а за властью Советов — партийную власть.

¹² См. подробнее об этом: *Кочетков В. В.* Идеи конституционализма в отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX — начала XX века : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 57–59.

¹³ Там же. С. 59.

¹⁴ *Денисов С. А.* Реальное государственное право современной России : монография : в 3 т. Т. 1. С. 88–89.

¹⁵ Там же. С. 251–252.

¹⁶ // *Муромцев Г. И.* Конституционализм: проблемы методологии // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2014. № 1. С. 21.

¹⁷ См.: *Денисов С. А.* Реальное государственное право современной России : монография : в 3 т. Т. 1. С. 253 ; *Медушевский А. Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 630–631.

¹⁸ *Шульженко Ю. Л.* Конституционализм и парламентаризм: понятия, соотношение // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* Право. 2018. № 3 (47). С. 8.

¹⁹ *Медушевский А. Н.* Миф Коммуны и становление Советского государства (К осмыслению Конституции РСФСР 1918 года) // *Общественные науки и современность.* 2015. № 4. С. 136.

²⁰ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. По-становление V Всероссийского съезда Советов, принятое в заседании от 10 июля 1918 г. // *Декреты Советской власти.* Т. II. 17 марта — 10 июля 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М. : Политиздат, 1959. С. 550–564.

Статьи первой советской конституции — свидетельство откровенной легализации насилия в отношении политических противников. Кроме того, они закрепляли юридическое неравенство, что также говорит о ее неправовых признаках — право было принесено в жертву господствующей идеологии. Особенности Конституции РСФСР 1918 г. позволяют считать ее номинальной конституцией, положившей начало номинальному советскому конституционализму²¹.

Содержание других советских конституций — свидетельство того, что идеологическое начало постепенно вытеснялось в них правовым. Так, в Конституции СССР 1924 г., основным назначением которой было оформление новой формы государственного устройства (этот аспект государственной формы именуют также формой государственного единства) и принятую в условиях уже получившей конституционное оформление советской системы, принцип добровольного объединения республик гарантировался правом свободного выхода из Союза (ст. 4)²². Данное право, которое закреплено и в последующих Конституциях Союза ССР, нередко рассматривается как послужившее распаду последнего — в связи с чем вспоминают о сталинском плане «автономизации». Но ведь неизвестно, чем могло обернуться принятие данного плана: как обстояло бы тогда с национально-государственным строительством и временем существования такого государства.

В отношении Конституции СССР 1936 г. до сих пор дает о себе знать миф, что она — самая демократичная из всех советских. Действительно, отличия «сталинской» Конституции от Конституции РСФСР 1918 г. в данном смысле (другие республиканские конституции, как известно, писались «под копирку» этой, а первая союзная была, как уже отмечалось, посвящена только государственному объединению) значительны²³. В числе таких отличий — и провозглашение принадлежности всей полноты власти трудящимся в лице Советов депутатов тех же трудящихся (ст. 3); и расширение круга прав и свобод; и отмена ограничений, связанных с избирательным правом. Подкупает наших современников и то, как в ней (впервые в отечественной конституции) был решен вопрос о социально-экономических правах.

Но данная Конституция предлагала прежнюю, советскую структуру власти, исключая такую демократическую составляющую, как разделение государственной власти на ветви. Кроме того, она юридически оформила роль, которую играла в советском обществе ВКП(б), признав ее руководящим ядром всех организаций — и государственных, и общественных (ст. 126). Скрытая форма диктатуры — партийная — выходила из конституционной тени.

Считываемое отсутствие политической конкуренции стало существенным нейтрализатором политических прав и свобод, провозглашенных в ст. 125 и способствовало превращению политической жизни в иллюзорную. Такую же роль играла тотальная экономическая зависимость от государства, которая была следствием превращения всех средств производства в социалистическую, по терминологии конституции, то есть государственную собственность (ст. 4). Следовательно, основания сомневаться в реальности народовластия, политических прав и свобод дает уже конституционный текст, что опять-таки, как и в Конституции РСФСР 1918 г., свидетельствует о неправовых признаках.

²¹ Медушевский А. Н. Миф Коммуны и становление Советского государства (К осмыслению Конституции РСФСР 1918 года). С. 137.

²² Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. М.: Зерцало, 1997. С. 184–199.

²³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. Утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда советов Союза Советских Социалистических республик 5 декабря 1936 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. С. 228–246.

Следующий шаг по пути усиления правовых начал был сделан Конституцией СССР 1977 г.²⁴ В этом плане необходимо отметить статьи, которые позволяют констатировать тенденцию превращения декларируемого народовластия в реальное. Это ст. 5, предоставившая народу право не только обсуждать важнейшие государственные проблемы, но и решать их путем голосования; это ст. 58, где шла речь о праве граждан СССР обжаловать действия должностных лиц государственных органов и общественных организаций, при этом в случае нарушения ими закона — в судебном порядке. Впервые в истории советских конституций говорилось об установлении законных рамок действий государства и его органов (ст. 4), что можно считать юридической заявкой на отказ от диктатуры с ее несвязанностью власти законом.

Свидетельством усиления в данной Конституции правовых начал является и наличие в ней целого раздела «Государство и личность». Тем самым государство позиционировало себя как признающего не только общественные, но и личные, индивидуальные интересы, что можно считать влиянием либеральной идеи высшей социальной ценности человека и приоритетности его прав.

Но противовесом названным правовым началам служила та же советская система, о сохранении которой недвусмысленно говорится в преамбуле Конституции, где подчеркивается преемственность идей и принципов Конституции РСФСР 1918 г. и предыдущих союзных. Помимо того, Конституция СССР 1977 г. теперь прямо признала за КПСС роль руководителя общества и ядра всей политической системы. Условия для этого уже сложились — процесс поглощения государственных структур партийными, начало которому было положено октябрём 1917 г., ко времени принятия данной Конституции был завершен. Одна форма диктатуры окончательно сменилась другой — партийно-государственной, поэтому уже на I Съезде народных депутатов, приступившим к работе 25 мая 1989 г., был поставлен вопрос необходимости отмены ст. 6 Конституции СССР 1977 г.

История советских конституций говорит о том, что при имеющихся различиях все они были связаны с одной и той же моделью власти, порожденной советской системой, в основе которой — власть неограниченная, несменяемая, безответственная, максимально централизованная. Следовательно, конструкция власти в советских конституциях, о которой дают представление конституционные принципы и нормы, была по сути антиконституционной. Поэтому понятия «номинальная конституция» и «номинальный конституционализм» касаются всех конституций советского периода. Такие конституции не могли стать основой конституционного строя уже по своему содержанию.

Кроме того, политико-правовая реальность существенно расходилась с конституционной витриной социализма, что подтверждается историческими фактами. В этом плане показателен репрессивный характер государственного управления, в условиях которого провозглашенные в советских конституциях права и свободы, круг которых с каждой новой конституцией расширялся, могли быть только фиктивными. Более того, сами конституции принимались в периоды роста репрессий. Это касается не только Конституции РСФСР 1918 г. — тогда рост репрессий был связан с роспуском Учредительного собрания и Гражданской войной; не только Конституции СССР 1924 г., принятой в период борьбы с противниками создания по сути унитарного государства; не только Конституции СССР 1936 г., навсегда связанной с периодом подготовки и началом большого террора; но даже Конституции СССР 1977 г. — поскольку при ней начиналась борьба с «инакомыслящими», со сторонниками либерализации режима²⁵. Замеченное А. Н. Медушевским сходство условий подготовки и принятия советских конституций — еще одна особенность конституционной истории.

²⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских социалистических Республик. Принята на внеочередной 7-й сессии Верховного Совета СССР IX созыва 7 октября 1977 г. // Хрестоматия по истории отечественного государства и права. 1917–1991 гг. С. 444–479.

²⁵ Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. С. 617.

Немало и других подтверждений того, что конституционные тексты оставались областью законодательного творчества. Данное явление предопределялось тем, что советские конституции не были правовыми актами прямого действия. Поэтому непереносимым условием их реализации становилось наличие конкретизирующих законов, которые могли и не приниматься. Например, когда союзные республики поставили вопрос об использовании конституционного права выхода из состава СССР, они столкнулись с проблемой отсутствия закона, регулирующего порядок выхода. Такой закон, который можно рассматривать в качестве юридической реакции на начало распада Союза ССР, был принят только 3 апреля 1990 г.

Представляется, что процесс суверенизации республик был свидетельством именно распада их союза. Даже в научной литературе систематически говорится о развале, что обычно сопровождается возложением вины за это на лидеров России, Украины и Белоруссии, подписавших соглашение о прекращении существования Союза ССР как субъекта международного права и геополитической реальности. При этом почему-то не принимается во внимание кризисное состояние федеративных и межнациональных отношений, предшествовавших этому историческому факту. Не просчитывается, к чему могло привести сохранение Союза СССР — в настоящее время все чаще о утверждается, что история знает сослагательное наклонение — из критического для общества состояния можно выйти по-разному. Распад Союза ССР, где давали о себе знать черты имперского унитаризма — явление естественно-исторического порядка, и вряд ли можно сделать иной вывод, исследуя особенности Российской империи, советской федерации, сравнивая судьбу Российского государства с судьбами других.

Еще один хорошо известный пример того, как блокировались конституционные принципы и нормы: закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомерных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан», конкретизирующий статью 58 Конституции СССР 1977 г., был принят только 30 июня 1987 г. Между тем ст. 58 имела прямое отношение к обеспечению конституционного принципа законности.

В силу присутствия в советских конституциях антиправовых и антиконституционных начал, во-первых, а также проблемы с реализацией конституционных принципов и норм, о реальности конституционного строя в советский период говорить не приходится — речь может идти только о его имитации. По мнению С. А. Денисова, в советский период отечественной истории имела место наиболее активная форма имитации конституционализма²⁶. При этом автор не считает имитацию конституционного строя российской особенностью, поскольку она всегда сопровождает — в силу его продолжительности — переход от доконституционного государственного права к конституционному²⁷. Нелишне напомнить, что в советский период истории, как и в дореволюционный, основы государственного строя регулировались нормами государственного права — конституционным оно стало именоваться только в постсоветское время.

Конституция РФ 1993 г., сохраняя связь с предыдущими российскими конституциями — что говорит об известной преемственности — отличается от них существенно. Она «выстроена» в соответствии с универсальными конституционными ценностями, среди которых принцип разделения государственной власти на ветви, ориентирована на отличную от советской модель власти, призванную обеспечить верховенство права и служение государства обществу. Тем не менее критических замечаний в ее адрес специалисты по конституционному праву высказали достаточно (что тоже говорит о ее преимуществах, связанных с гарантией разномыслия). И юристы, и представители других общественных наук неоднократно обращали внимание на непоследовательность реализации идеи разделения государственной власти на ветви, несбалансированность системы власти, предостерегая, что это

²⁶ Денисов С. А. Реальное государственное право современной России : монография : в 3 т. Т. 1. С. 256.

²⁷ Денисов С. А. Использование принципов права для имитации конституционного строя. С. 353.

чревато искажением смысла российской конституции и разрушением конституционной государственности. Например, П. Г. Великородный увидел проявление несбалансированности системы власти, сравнивая обширные конституционные полномочия президента с его ответственностью²⁸.

Среди работ, посвященных проблеме реализации Конституции РФ 1993 г., немало таких, в которых анализируется расхождение между конституцией, ее принципами, нормами и политико-правовой действительностью. В частности, обращается внимание на отступление от закрепленного в ней принципа прямого действия (ст. 15), что особенно негативно сказывается на возможности пользоваться конституционными правами и свободами.

Трудно не согласиться с выводом, что попытка создать с помощью Конституции РФ 1993 г. устойчивый порядок, основанный на верховенстве права, потерпела неудачу²⁹. Господствующей идеологии не стало, но право не перестало быть жертвой — теперь уже принимающих и применяющих законы. Если принятие «ельцинской» Конституции было конституционной реформой, то положение с реализацией конституционных принципов и норм позволяет ставить вопрос о набиравшей обороты контрреформе.

И сама Конституция, и в значительно большей степени то, как обстояло с ее реализацией, дают возможность утверждать: использование понятия «имитация конституционного строя» для характеристики российской политико-правовой жизни во время ее действия не перестало быть актуальным. Внесенные в 2020 г. в Конституцию изменения в настоящее время весьма активно обсуждаются. Безусловно, мнение специалистов по конституционному праву здесь особенно весомо. Вот, например, как расценивает эти изменения такой корифей в данной области, как С. А. Авакьян. Исследователь усматривает в них конституционную реформу, считает, что они дают основание говорить о новой конституции, более соответствующей современным реалиям³⁰.

Предлагается и другое мнение (прежде всего на публицистическом уровне), суть которого в том, что внесенные изменения узаконили существующую конституционную практику, а следовательно, и фактическую конституционную контрреформу. Значит, теперь проблема имитации конституционного строя в России должна включать также анализ конституционных изменений и связанных с ними перемен в жизни страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. — 2020. — № 3. — С. 7–33.
2. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учеб. для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. — М. : Норма, 2007. — 784 с.

²⁸ См.: Великородный П. Г. Конституция Российской Федерации: пробелы, противоречия, проблемы реализации норм // Конституция Российской Федерации — правовая основа развития современной российской государственности : сб. ст. по матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию Конституции Российской Федерации (в рамках VI Саратовских правовых чтений, Саратов, 19–20 сентября 2013 г.) / под общ. ред. С. А. Белоусова. С. 29.

²⁹ Фогельсон Ю. Б. Модель российского «homo legalis» и устойчивость порядка, основанного на верховенстве права // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. № 4. С. 83.

³⁰ Авакьян С. А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Юриспруденция. 2020. № 3. С. 8.

3. Боброва Н. А. Конституционный строй и конституционализм в России : монография. — М. : Юнити-Дана, 2003. — 264 с.
4. Великородный П. Г. Конституция Российской Федерации: пробелы, противоречия, проблемы реализации норм // Конституция Российской Федерации — правовая основа развития современной российской государственности : сб — Саратов, 2014. — С. 29.
5. Гошуляк В. В. Конституционный строй, конституционное государство, конституционализм как основные категории конституционного права // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2018. — № 3 (47). — С. 25–33.
6. Денисов С. А. Имитация конституционного строя в России // Сборник публикаций по вопросам государственного (конституционного) права. Т. V — Екатеринбург, 2012. — С. 94–99.
7. Денисов С. А. Использование принципов права для имитации конституционного строя // Принципы права: проблемы теории и практики : сб. — М., 2017. — С. 353–362.
8. Денисов С. А. Общая теория имитации конституционного строя // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 3. — С. 12–18.
9. Денисов С. А. Реальное государственное право современной России. Т 1 — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. — 348 с.
10. Дурнова И. А. Проблема соотношения фактического и юридического конституционного строя в Российской Федерации // Конституция Российской Федерации — правовая основа развития современной российской государственности : сб. ст — Саратов, 2014. — С. 42–43.
11. Кочетков В. В. Идеи конституционализма в отечественной политико-правовой мысли второй половины XIX — начала XX века : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2017. — 487 с.
12. Краснов М. А. Введение в конституционное право с разъяснением сложных вопросов : учеб. пособие [Текст] / М. А. Краснов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 454 с.
13. Лебедева Н. В., Огурцов А. Ю. Теоретические подходы к определению конституционного строя РФ и его основ // Общество: политика, экономика, право. Вып. № 1, 2017. — URL: <https://doi.org/10.24158/pep.2017.1>
14. Медушевский А. Н. Миф Коммуны и становление Советского государства (К осмыслению Конституции РСФСР 1918 года // Общественные науки и современность. — 2015. — № 4. — С. 121–140.
15. Медушевский А. Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 656 с.
16. Муромцев Г. И. Конституционализм: проблемы методологии // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2014. — № 1. — С. 20–42.
17. Фогельсон Ю. Б. Модель российского «homo legalis» и устойчивость порядка, основанного на верховенстве права // Труды Института государства и права РАН. — 2020. — Т. 15. — № 4. — С. 81–108.
18. Чиркин В. Е. Основы конституционного строя как фактор устойчивого развития России // Актуальные проблемы экономики и права. — 2015. — № 1 (33). — С. 114–118.
19. Шульженко Ю. Л. Конституционализм и парламентаризм: понятия, соотношение // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2018. — № 3 (47). — С. 5–24.
20. Шульженко Ю. Л. Понятие конституции в науке советского государственного права // Труды Института государства и права РАН. — 2013. — № 6. — С. 5–23.

REFERENCES

1. Avakyan SA. konstitutsionnaya reforma 2020 i rossiyskiy parlamentarizm: realnost, resheniya, ozhidaniya [Constitutional reform 2020 and Russian parliamentarism: reality, decisions, expectations]. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. 2020;3: 7–33 (In Russ.).
2. Baglai MV Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii : ucheb. dlya vuzov [Constitutional law of the Russian Federation: A textbook for universities]. 6th ed, Moscow: Norma Publ., 2007 (In Russ.).
3. Bobrova NA. Konstitutsionnyy stroy i konstitutsionalizm v Rossii: monografiya. [The constitutional system and constitutionalism in Russia: Monograph]. Moscow: UNITI-DANA Publ.; 2003 (In Russ.).
4. Velikorodniy PG. Konstitutsiya rossiyskoy federatsii: probely, protivorechiya, problemy realizatsii norm [The Constitution of the Russian Federation: gaps, contradictions, problems of implementation of norms]. In: Constitution of the Russian Federation — legal basis of development of modern Russian. Saratov; 2014 (In Russ.).
5. Goshuliak V [Criminal Procedure Acts. A textbook]. Konstitutsionnyy stroy, konstitutsionnoe gosudarstvo, konstitutsionalizm kak osnovnye kategorii konstitutsionnogo prava [The constitutional system, constitutional state, constitutionalism as the main categories of constitutional law]. Proceedings of Higher Educational Institutions. *Volga Region. Social Sciences*. 2018;3(47): 25 — 33 (In Russ.).
6. Denisov SA. Imitatsiya konstitutsionnogo stroya v Rossii [Imitation of the the constitutional system in Russia]. In: Collection of publications on the issues of state (constitutional) law. Volume V. Yekaterinburg; 2012 (In Russ.).
7. Denisov SA. Ispolzovanie printsipov prava dlya imitatsii konstitutsionnogo stroya [The Use of the principles of law for imitation of constitutional order]. In: Principles of Law: Problems of Theory and Practice: collection of articles. Moscow; 2017 (In Russ.).
8. Denisov SA. *Obshchaya teoriya imitatsii konstitutsionnogo stroya [General theory of imitation of the constitutional system]. Constitutional and Municipal Law*. 2018;3: 12–18. (In Russ.).
9. Denisov SA. Realnoe gosudarstvennoe pravo sovremennoy Rossii [Real State Law of modern Russia]. Vol. 1. Yekaterinburg: Humanities University Publ.; 2015 (In Russ.).
10. Durnova I A. Problema sootnosheniya fakticheskogo i yuridicheskogo konstitutsionnogo stroya v rossiyskoy federatsii [The Problem of the Balance between the Actual and Legal Constitutional Order in the Russian Federation]. In: *The Constitution of the Russian Federation — the legal basis of the development of the modern Russian Federation statehood: collection of articles*. Saratov; 2014 (In Russ.).
11. Kochetkov V [Criminal Procedure Acts. A textbook]. Idei konstitutsionalizma v otechestvennoy politiko-pravovoy mysli vtoroy poloviny xix — nachala xx veka. dis... d-ra yurid. nauk [Ideas of constitutionalism in the domestic political and legal thought of the second half of the 19th — early 20th century. Doctoral Dissertation]. Moscow; 2017 (In Russ.).
12. Krasnov MA. Vvedenie v konstitutsionnoe pravo s raz'yasneniem slozhnykh voprosov: ucheb. posobie [Introduction to constitutional law with clarification of complex issues: a textbook]. National Research University «Higher School of Economics». Moscow: Publishing House of Higher School of Economics; 2018 (In Russ.).
13. Lebedeva NV, Ogurtsov A Yu Teoreticheskie podkhody k opredeleniyu konstitutsionnogo stroya RF i ego osnov [Theoretical approaches to the definition of the constitutional order of the Russian Federation and its foundations]. Society: Politics, Economics, Law. 2017;1. <https://doi.org/10.24158/pep.2017.1>. (In Russ.).
14. Medushevskiy A N. Mif Kommuny i stanovlenie Sovetskogo gosudarstva (k osmysleniyu konstitutsii RSFSR 1918 goda [The Myth of the Commune and the Formation of the Soviet State (To the Concision of the Constitution of the RSFSR of 1918)]. *Social Sciences and Contemporary World*. 2015;4: 121 — 140 (In Russ.).
15. Medushevskiy A N. Politicheskaya istoriya russkoy revolyutsii: normy, instituty, formy sotsialnoy mobilizatsii v XX veke [Political history of the Russian Revolution: norms,

- institutions, forms of social mobilization in the twentieth century]. Moscow; SPb.: Center for Humanitarian Initiatives; 2017 (In Russ.).
16. Muromtsev G (I.G. Salov konstitutsionalizm: problemy metodologii [Constitutionalism: Problems of Methodology]. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2014;1: 20–42 (In Russ.).
 17. Vogel'son Yu B. Model rossiyskogo «homo legalis» i ustoychivost poryadka, osnovannogo na verkhovenstve prava [The model of Russian «homo legalis» and stability of the order based on the rule of law]. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2020; 15(4): 81–108 (In Russ.).
 18. Chirkin V E. Osnovy konstitutsionnogo stroya kak faktor ustoychivogo razvitiya rossii [Fundamentals of constitutional order as a factor of sustainable development of Russia]. *Actual Problems of Economics and Law*. 2015;1 (33): 114–118 (In Russ.).
 19. Shulzhenko Yu L. Konstitutsionalizm i parlamentarizm: ponyatiya, sootnoshenie [Constitutionalism and parliamentarism: concepts, correlation]. *Journal of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences*. 2018;3(47): 5–24 (In Russ.).
 20. Shulzhenko Yu L. Ponyatie konstitutsii v nauke sovetskogo gosudarstvennogo prava [The Concept of Constitution in the Science of Soviet State Law] *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2013;6: 5–23 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.053-059

ВОЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Рабкин Сергей Владимирович, доцент кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления, кандидат экономических наук, доцент
167000, Россия, Сыктывкар, ул. К. Маркса, д. 210
Fulcrum-A@yandex.ru

© Рабкин С. В., 2020

Аннотация. Опыт организации военного производства в первые годы Великой Отечественной войны заслуживает внимания как институциональная основа, определяющая историческую преемственность в конкретизации национальных интересов современного Российского государства и обеспечения им гарантий своей безопасности. Изучение исторического опыта принятия управленческих решений в этих условиях представляется весьма важным для подготовки нового поколения управленческих кадров.

Ключевые слова: государство; право; государственное управление; институциональные нормы; Великая Отечественная война; планирование; военное производство; государственная безопасность; гарантии безопасности.

MILITARY PRODUCTION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: HISTORICAL EXPERIENCE OF MAKING MANAGERIAL DECISIONS

Sergey V. Rabkin, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of the State and Municipal Administration, Komi Republican Academy of Public Service and Management
ul. K. Marksa, d. 210, Syktyvkar, Russia, 167000
Fulcrum-A@yandex.ru

Abstract. The experience of the organization of military production in the first years of the Great Patriotic War deserves attention as the institutional basis that determines the historical continuity in the concretization of national interests of the modern Russian state and ensuring their security guarantees. The study of historical experience in managerial decision-making in these circumstances seems very important for the training of a new generation of managerial personnel.

Keywords: state; law; public administration; institutional norms; Great Patriotic War; planning; military production; state security; security guarantees.

Современные вызовы экономическому развитию в различных странах мира все больше сопряжены с возникновением кризисных ситуаций. Природа которых становится все более не определенной в условиях новых этапов противо-

стояния между странами. Неслучайно уже новое поколение политических лидеров отказываясь от ставших традиционными во многих странах мира принципов государственного управления вынуждены прибегать к т. н. «ручному режиму управления», достаточно действенному, но ограниченному по своему влиянию во времени и условиям принятия управленческого решения. Все это продолжает новый этап ставшей уже исторической дискуссии о формах государственного управления в критические для общества моменты его развития. При этом институциональная природа трансформации данных форм во многом предопределяет междисциплинарный дискурс в исследовании рациональных и иррациональных факторов влияющих на выбор не только модели государственного управления, но взаимодействия общества и государства в определении новых институциональных норм, закрепляемых как незыблемых не только в их правовом статусе, но и общественном восприятии преемственности историческим ценностям как основы принятия управленческого решения в критических для общественного развития ситуациях.

Именно вопрос о принятии окончательного решения по формам противодействия новым угрозам и вызовам со стороны государства в критически моменты развития общества институционально связан с восприятием или отрицанием исторических ценностей в определении национальных интересов развития.

Исторически сам процесс принятия решения определялся не только возможностью со стороны государственного аппарата управления формулировать суть этого решения, в том числе юридически закрепляя те или иные процедуры его окончательного принятия, но и возможности личного восприятия государственным аппаратом, традиций самой бюрократической системы в трансформации форм и методов управления под давлением объективных факторов, определяющих новые этапы общественного развития¹.

Институциональная природа современных войн и различного рода кризисов естественным образом заставляет определять новые нормы и правила общественного развития, отражающие реалии настоящего и возможно представления общества о будущем. Поэтому вопрос о преемственности историческим ценностям в этой системе неизбежно сопряжен с оценкой роли, при принятии управленческих решений со стороны государства, индустриальных факторов, рационально определяемых своей технологической основой.

Современные войны, становясь все более индустриальными, создают особые правовые регламентации порождая новое качество политики (а в конечном итоге и соответствующую ей институциональную основу принятия управленческого решения), определяемого И. А. Исаевым как «биополитика»². Отсюда поиск новых институциональных норм организации системы государственного управления в кризисных ситуациях, отчасти определенных историческими аналогиями, которые возникают с точки зрения оценки итогов Второй Мировой войны, ставшей своеобразным катализатором этих процессов.

Попытки пересмотра ее итогов затрагивают как систему исторически сложившихся геополитических ценностей, в том числе созданной конструкции коллективной безопасности, так и весьма важные вопросы оценки роли советского народа в формировании современной модели миропорядка.

Для Советского Союза это стало не только временем серьезных испытаний, но и реализацией, особой системы ценностей, во многом обусловившей победу советского народа в Великой Отечественной войне. Это в полной мере можно отнести к формированию новых по своей общественно-государственной природе институтов государственного управления, воспринимаемых обществом как необходимых для обеспечения безопасности.

К сожалению, сегодня все чаще встречаются факты прямой фальсификации данных исторических событий, основанных больше на ощущениях, чем объективных

¹ Исаев И. А. Пространство технологической власти: идея порядка (из истории идей). Lex russica (Русский закон), 2020. № 2 (159). С. 13

² Там же. С. 17.

оценках, как некоторых современных политических деятелей, так и определенной части научного сообщества. Не случайно ряд исследователей проводя анализ подобных публикаций, констатируют активность в этом направлении не только со стороны западных³, но и российских авторов⁴. В конечном счете подвергается сомнению действенность форм и методов достижения советским государством гарантий безопасности общественного развития особенно в первые годы войны.

Вопросы централизации и децентрализации принятия управленческого решения со стороны государства принимают уже в современных условиях общественного развития достаточно прикладной характер, переходя из теоретической дискуссии историографии в плоскость междисциплинарного анализа историко-правовых и историко-экономических аспектов оценки эффективности системы государственного управления в годы Великой Отечественной войны. В этом отношении интересно сопоставление гипотезы об элементах децентрализации действий органов управления экономикой в годы войны, обозначенной в статье О. В. Хлевнюка «Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны» (2020)⁵ и материалов IV международной научно-практической конференции «Сенчаговские чтения» (Москва, 2020).

Постановления СНК и ГКО СССР, особенно в первые годы войны, были направлены на придание большей самостоятельности наркоматов, что стало существенным шагом по корректировке централизованной плановой системы, но естественно в определенных нормах и правилах сложившейся на тот момент системы государственного управления⁶. Фактически шла корректировка процесса принятия управленческого решения, исходя из реалий обеспечения безопасности государства, а не устоявшейся и ранее нормативно закреплённой практики их формирования. Гибкость принятия управленческого решения с учетом складывающейся ситуации, но при полной ответственности со стороны его принимающего становится определенной институциональной нормой, порождая новое качества взаимодействия между уровнями государственного управления.

Сегодня так же необходима корректировка ставших традиционными критериев экономической безопасности нашей страны «в соответствии с новой экономической реальностью». Не случайно в своем докладе «Правовые основы стратегирования экономической безопасности» (2020) в рамках пленарного заседания «Сенчаговских чтений» Е. М. Бухвальд определил, что подход к формирования документов, определяющих основы современной безопасности Российской Федерации, «должен быть пересмотрен в направлении конкретизации их основных положений», в том числе внесение соответствующих изменений в ФЗ «О безопасности» № 390 — ФЗ от 28.12.2010⁷ Однако это требует формирования соответствующей новым задачам обеспечения экономической безопасности институциональной среды принятия управленческих решений на всех уровнях государственного управления и возможно нормативно-правового определения преемственности своим историческим ценностям как институциональной основы новых механизмов государственного управления и обеспечения национальной безопасности в целом.

³ Ашмаров И. А. Различие в подходах к источникам победы в Великой Отечественной войне в отечественной и зарубежной историографии. Проблемы социальных и гуманитарных наук, 2020. № 1 (22). С. 7–17.

⁴ Паршин В. В. Мифы и реалии в современной российской историографии Великой Отечественной войны. Военный академический журнал, 2015. № 1 (5). С. 25–31.

⁵ Хлевнюк О. В. Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны. Вестник Российской академии наук, 2020. Т. 90. № 9. С. 858–869.

⁶ Там же. С. 862.

⁷ Караваева И. В., Лев М. Ю. Итоги проведения IV международной научно-практической конференции «Сенчаговские чтения» социально-экономическая безопасность: сфера государственного регулирования и область научного знания. Экономическая безопасность, 2020. Т. 3. № 4. С. 561— 562.

Безусловно закрепление в качестве правовой нормы государственной политики современной России преемственности историческим ценностям в ст. 67.1 Конституции РФ, а также определения «системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования» в качестве важнейшего направления ее реализации в сфере обеспечения экономической безопасности (п. 15.1 Стратегии экономической безопасности РФ до 2030 г.⁸) создают определенные правовые контуры новой институциональной среды принятия управленческих решений в условиях современных угроз и вызовов национальной безопасности нашей страны.

Однако практическая реализация данных положений зависит в том числе от восприятия самим обществом исторически сложившихся ценностей, как институциональной основы системы формирования и защиты своих национальных интересов. Это не возможно без систематизации изучения и анализа опыта принятия управленческих решений в критически важные моменты развития нашего государства. Прежде всего исходя из собственной оценки тех событий непосредственными их участниками.

Одной из первых работ, посвященных опыту государственного управления в годы войны была книга Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Важность этой работы подтверждалась необходимостью обозначения тех ключевых вопросов, которые позволяли бы решать проблемы восстановления народного хозяйства. Безусловно, стилистика изложения материала отражает тот исторический период развития нашей страны в который она была написана, но важно отметить четкость изложения статистического и теоретического материала в не только прикладной, но весьма жизненно важной теме для многих людей, прошедших эти испытания и небезразличных к оценке их труда в столь непростые годы. В самом начале книги четко определяется дань подвигу советского народа в противостоянии крупнейшим странам мира⁹. Впервые были приведены цифры эвакуации промышленных предприятий на Урал, в Западную Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан в течение трех первых месяцев начала войны¹⁰, уровень экономических потерь, понесенных СССР в 1941 г.¹¹ и те определенные трудности с которыми пришлось столкнуться системе государственного управления при формировании военной экономики. При этом отмечалось, что даже с учетом тяжелейшей экономической ситуации, сложившейся в первые годы войны, в СССР продолжали действия законы расширенного воспроизводства, позволявшей стране обеспечивать задачи своей обороноспособности¹². Исходя уже из современных данных по эвакуации оборонных предприятий и географии их переброски в глубь страны¹³ можно утверждать не только о системной их специализации, но и возможности формирования новой инфраструктуры пространственного развития страны (пусть вынужденной), связанной с организацией новых крупных промышленных центров страны, ставших основой ее современного развития.

Процессы приватизации, затронувшие стратегически важные отрасли и поставившие на грань выживания крупнейшие базобразующие предприятия, фактически подвергли исторический опыт их создания неоправданному отрицанию со стороны органов государственного управления. Хотя процесс их становления и развития в военные годы, а также в послевоенный период определяли не только оборонный, но и в целом научно-технический потенциал нашей страны.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 15 мая 2017. № 20. Ст. 2902.

⁹ Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1948. С. 2.

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Там же. С. 42.

¹² Там же. С. 46.

¹³ Феськов В. И., Калашников, К.А., Голиков В. И. Красная Армия в победах и поражениях 1941–1945 гг. Томск : Изд.-во Томского государственного университета, 2003. С. 488–489.

Достаточно интересными являются воспоминания наркома авиационной промышленности СССР А. И. Шахурина. Вместе со статистическим материалом приводятся достаточно красноречивые факты связанные с практикой принятия управленческих решений непосредственно руководителями производств, трудовыми коллективами в создании действенных механизмов преодоления, возникших технологических и экономических проблем, порожденных объективными условиями, особенно в первые месяцы организации производства на новых площадках его размещения¹⁴. Особо отмечалась четкость взаимодействия между наркоматами и в частности организация железнодорожных перевозок¹⁵. Другим примером принятия достаточно четких профессиональных решений весьма сложных задач развития нашей страны является деятельность в годы войны и уже в послевоенное время А. Н. Косыгина. Жизнь и политическая судьба этого человека до сих пор вызывает неподдельный интерес со стороны многих исследователей.

Несомненно, лишь одно: исторические документы, характеризующие, уровень принятия управленческих решений в годы Великой Отечественной войны¹⁶ и свидетельства очевидцев встреч с А. Н. Косыгиным по проблемам развития регионов в послевоенный период¹⁷ подтверждают неординарность умения принимать им управленческие решения, исходя не только из принципов директивности их выполнения, но и возможности самостоятельности в определении путей решения поставленных задач. Поэтому с точки зрения анализа принятия управленческого решения в столь не простых условиях, весьма важным представляется оценка степени самостоятельности принятия этого решения при директивной взаимосвязи управленческих звеньев и закреплении этой взаимосвязи в правовой форме. Данную тенденцию наглядно демонстрирует законодательство о труде в годы войны, направленное прежде всего на мобилизацию трудовых ресурсов страны. При всей жесткости ряда его правовых норм (конечно с позиции их современного восприятия) позволившего реализовать важнейшие задачи по усилению военно-хозяйственной мощи СССР¹⁸.

Следует согласиться с выводом сравнительного анализа характера преобразований промышленности, кадровой политики в годы войны и в период рыночных реформ, проведенного сотрудниками Института экономики РАН. Если в тяжелейшие военные годы за короткий период был создан совершенно новый уровень промышленного производства, то в результате ошибочной экономической политики при проведении рыночных реформ страна фактически потеряла многие отраслевые комплексы, технологии и профессиональные кадры¹⁹.

Важно отметить, что Н. А. Вознесенский, А. И. Шахурин, А. Н. Косыгин, Д. Ф. Устинов и др. на момент занятия ими соответствующих должностей были достаточно молодыми людьми, но уже имеющими практический опыт самостоятельной работы, в условиях директивной системы управления. Отсюда попытка объяснения действий конкретных организаторов производства не как формальных исполнителей (директива не всегда бывает эффективной), а как тех, кто своими действиями может порождать новые институциональные нормы управленческого взаимодействия и тем самым обеспечивать оптимальное решение директивно определенной задачи. В критических ситуациях: войны и кризисы — это становится весьма значимым условием решения поставленных задач и отчасти фактором постепенного снижения влияния «режима ручного управления». Что, в свою очередь, определяет соответствующие институты и гарантии обеспечения безопасности государства.

¹⁴ Шахурин А. И. Крылья победы. М. : Политиздат, 1985. С. 172.

¹⁵ Там же. С. 170.

¹⁶ Савченко Д. П. Военно-организаторская деятельность А. Н. Косыгина в годы Великой Отечественной войны. Вестник Архивиста, 2012. № 1. С. 203.

¹⁷ Кочурин Н. Н. Уроки покорения Севера. М. : ПИК, 1998. С. 331–334.

¹⁸ Серегина Л. В. Трудовое право в годы Великой Отечественной войны. Журнал российского права, 2010. № 8 (164). С. 148.

¹⁹ Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности : монография / под общ. ред. И. В. Караваевой. М. : Институт экономики Российской академии наук, 2015. С. 204.

Исходя из данного тезиса рассмотрение опыта организации военного производства в годы Великой Отечественной войны заслуживает особого внимания с точки зрения его анализа как некоторой институциональной основы, определяющей историческую преемственность в конкретизации национальных интересов современной России в обеспечении гарантий собственной безопасности с учетом как внешних, так и внутренних вызовов. Особенно это значимо в контексте оценки недавнего, но ставшего уже исторической данностью опыта проведения рыночных реформ. Когда необходимые изменения системы государственного отраслевого управления без учета собственного исторического опыта привели к фактическому разрушению стратегически важных отраслевых комплексов и влиянию крупнейших зарубежных стран (в том числе через действия определенных институтов) на реализацию нашей страной своей научно-технической политики в важнейших сферах экономики. Критика директивных методов планирования, привела к полному отказу от системы стратегического планирования, что в условиях высокой концентрации и кооперации производства было просто не допустимо.

Фактически произошло изменение институциональных норм государственного управления и автоматическое изменение его кадрового потенциала, в основном ориентированного на западные школы управления. Но, данные методы управления не отражали реалий практики исторически обусловленной системы организации производства и его территориального размещения, приводя не столько к повышению эффективности отраслей, сколько перераспределению собственности, существенным образом повлияв на гарантии обеспечения безопасности России, как независимого государства.

Когда сегодня осуществляются совершенно закономерные попытки современного российского государства вернуться к принципам стратегического планирования именно одной из ключевых проблем реализации уже принятых нормативных правовых актов (например ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172 — ФЗ принят в 2014 г., но до сих пор имеет ограничения в реализации) является не только сложности построения самой системы стратегического планирования с учетом новых реалий перераспределения собственности в стратегических отраслях экономики, но и отсутствие необходимого уровня подготовки управленческих кадров способных самостоятельно принимать решения и нести за них персональную ответственность. Именно этими качествами, наряду с профессиональными знаниями обладала целая плеяда советский руководителей, организовавших военное производство особенно в первые военные годы. Поэтому изучение опыта принятия управленческих решений в этот период через призму их работ и конкретных действий, представляется достаточно интересным с точки зрения оценки не только настоящих, но и будущих вызовов системе управления и обеспечения безопасности нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ашмаров И. А. Различие в подходах к источникам победы в Великой Отечественной войне в отечественной и зарубежной историографии. Проблемы социальных и гуманитарных наук, 2020. — № 1 (22). — С. 7–17.
2. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. — М. : ОГИЗ. Госполитиздат, 1948. — 192 с.
3. Исаев И. А. Пространство технологической власти: идея порядка (из истории идей). Lex russica (Русский закон), 2020. — № 2 (159). — С. 9–24.
4. Караваева И. В., Лев М. Ю. Итоги проведения IV международной научно-практической конференции «Сенчаговские чтения» социально-экономическая безопасность: сфера государственного регулирования и область научного знания. Экономическая безопасность. — 2020. — Т. 3. — № 4. — С. 549–578.
5. Кочурин Н. Н. Уроки покорения Севера. — М. : ПИК, 1998. — 402 с.
6. Паршин В. В. Мифы и реалии в современной российской историографии Великой Отечественной войны. Военный академический журнал, 2015. — № 1 (5). — С. 25–31.

7. Савченко Д. П. Военно-организаторская деятельность А. Н. Косыгина в годы Великой Отечественной войны. Вестник Архивиста, 2012. — № 1. — С. 202 — 210.
8. Сeregina Л. В. Трудовое право в годы Великой Отечественной войны. Журнал российского права, 2010. — № 8 (164). — С. 139–148.
9. Феськов В. И., Калашников, К. А., Голиков В. И. Красная Армия в победах и поражениях 1941–1945 гг. — Томск : Изд.-во Томского государственного университета, 2003. — 620 с.
10. Хлевнюк О. В. Советские наркоматы и децентрализация управления экономикой в годы Великой Отечественной войны. Вестник Российской академии наук. — 2020. — Т. 90. — № 9. — С. 858–869.
11. Шахурин А. И. Крылья победы. — М. : Политиздат, 1985. — 254 с.
12. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности : монография / под общ. ред. И. В. Караваевой. — М. : Институт экономики Российской академии наук, 2015. — 344 с.

REFERENCES

1. Ashmarov I A. Razlichie v podkhodakh k istochnikam pobedy v velikoy otechestvennoy voyne v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii [Difference in approaches to sources of victory in the Great Patriotic War in domestic and foreign historiography]. *Problemy sotsialnykh i gumanitarnykh nauk*. 2020;1(22):7–17 (In Russ.).
2. Voznesenskiy NA. Voennaya ekonomika sssr v period otechestvennoy voyny [Military economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow: OGIZ. Gospolitizdat; 1948 (In Russ.).
3. Isaev I A. Prostranstvo tekhnologicheskoy vlasti: ideya poriadka (iz istorii idey). [Space of technological power: the idea of order (from the history of ideas)]. *Lex Russica (Russian Law)*. 2020;2(159): 9–24 (In Russ.).
4. Karavaeva I V, Lev MYu. Itogi provedeniya iv mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «senchagovskie chteniya» sotsialno-ekonomicheskaya bezopasnost: sfera gosudarstvennogo regulirovaniya i oblast nauchnogo znaniya [Results of the IV International Scientific and Practical Conference «Senchagovskie Readings» Socio-Economic Security: The Sphere of State Regulation and Field of Scientific Knowledge]. *Economic Security*. 2020; 3(4): 549–578 (In Russ.).
5. Kochurin NN. Uroki pokoreniya severa. [Lessons in conquering the North]. Moscow: Publishing House «PIK»; 1998 (In Russ.).
6. Parshin V [Criminal Procedure Acts. A textbook]. Mify i realii v sovremennoy rossiyskoy istoriografii velikoy otechestvennoy voyny [Myths and realities in modern Russian historiography of the Great Patriotic War]. *Military Academic Journal*. 2015;1(5): 25–31 (In Russ.).
7. Savchenko DP. Voenno-organizatorskaya deyatelnost a. n. kosygina v gody velikoy otechestvennoy voyny [The military-organizational activity of A. N. Kosygin during the Great Patriotic War]. *Herald of an Archivist*. 2012;1: 202 — 210 (In Russ.).
8. Seregina L [Criminal Procedure Acts. A textbook]. Trudovoe pravo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Labour law during the Great Patriotic War]. *Journal of Russian Law*. 2010;8(164): 139–148 (In Russ.).
9. Feskov VI, Kalashnikov KA, Golikov V (I.G. Salov Krasnaya Armiya v pobedakh i porazheniyakh 1941–1945 gg. [Red Army in victories and defeats 1941–1945]. Tomsk:Tomsk State University publishing House; 2003 (In Russ.).
10. Khlevnyuk OV. Sovetskie narkomaty i detsentralizatsiya upravleniya ekonomikoy v gody velikoy otechestvennoy voyny [Soviet people's commissariat and decentralization of economic management during the Great Patriotic War]. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2020. 90(9): 858–869 (In Russ.).
11. Shakhurin A (I.G. Salov Krylya pobedy [Wings of victory]. Moscow: Politizdat Publ., 1985 (In Russ.).
12. Karavaeva IV, editor. Ekonomicheskiy fundament pobedy: paralleli istorii i sovremennosti: Monografiya [The Economic Foundation of Victory: Parallels of History and [Criminal Procedure Acts. A textbook]. Monograph]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2015 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.060-064

ПРИЗНАНИЕ И РЕГИСТРАЦИЯ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ НА ОСНОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ, ВЫДАННЫХ В 1970–1990-х гг.

Шиляев Александр Витальевич, помощник заместителя председателя
Арбитражного суда Московской области
107053, Россия, Москва, пр. Академика Сахарова, д. 18
anekst@gmail.com

© Шиляев А. В., 2020

Аннотация. В статье представлены историко-правовые аспекты возникновения прав на земельные участки в период 1970–1990-х гг., а также определены вопросы, возникающие при регистрации прав на такие участки в соответствии с требованиями действующего законодательства.

Ключевые слова: право; законодательство; собственность; вещные права; признание права; земельный участок; государственная регистрация.

RECOGNITION AND REGISTRATION OF RIGHTS TO LAND ON THE BASIS OF DOCUMENTS ISSUED IN 1970S-1990S

Aleksandr V. Shilyaev, Assistant Deputy Chairman of the Arbitration Court of the Moscow Region
pr. Professora Sakharova, d. 18, Moscow, Russia, 107053
anekst@gmail.com

Abstract. The article presents the historical and legal aspects of the emergence of rights to land plots during the period 1970–1990s, as well as the issues arising in the registration of rights to such plots in accordance with the requirements of current legislation.

Keywords: law; legislation; property; property rights; recognition of law; land plot; state registration.

Институт частной собственности занимает особое место в рыночной экономике, поскольку не только обеспечивает стабильность гражданского оборота, но и создает предпосылки для предпринимательской и иной экономической деятельности.

Частная собственность как форма собственности закреплена в статье 212 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — Гражданский кодекс РФ), который вступил в силу 1 марта 1995 г. Единственным доказательством существования зарегистрированного права является запись в Едином государственном реестре недвижимости, понятие которого дано в статье 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»

(далее — Закон № 218-ФЗ): свод достоверных систематизированных сведений об учтенном недвижимом имуществе, о зарегистрированных правах на такое недвижимое имущество, основаниях их возникновения, правообладателях, а также иных сведений. В таком случае становится актуальным вопрос, который не затрагивался ни в нашем академическом, ни в научно-практическом правоведении¹ — о правоустанавливающих и правоудостоверяющих документах, изданных в советский период. Соответственно, в 1990-е гг. возник ряд правовых вопросов, разрешение которых является необходимым не только для вовлечения в гражданский оборот земельных участков, ранее предоставленных в советский период, но и для укрепления института частной собственности.

Важность исследования периода 1970–1990 гг. обусловлена тем, что 1 июля 1970 г. соответствующим законом Российской Социалистической Федеративной Советской Республики утвержден Земельный кодекс (далее — Земельный кодекс РСФСР 1970 г.), в котором фактически впервые закреплены основы удостоверения прав на землю.

Однако вплоть до издания Федерального закона от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее — Закон № 122-ФЗ) отсутствовало единообразное регулирование отношений в оформлении прав на землю, что способствовало появлению земельных и иных споров, препятствовало землепользователям в реализации своих прав и законных интересов. В преамбуле Гражданского кодекса РСФСР, утвержденного Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. и действовавшего до 28 февраля 1995 г., отмечено, что основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности. В статье 3 Земельного кодекса РСФСР 1970 г. как закреплена государственная собственность, так и предусмотрена возможность предоставление земли в пользование. Документом, удостоверяющим правом землепользования, является государственный акт на право пользования землей (статья 18). В таком контексте первым вопросом, который необходимо выделить, является «вопрос признания правоустанавливающих документов». Как указано ранее, Земельным кодексом РСФСР 1970 г. право пользование землей удостоверялось государственными актами. Согласно статье 11 указанного Кодекса, земли предоставлялись в бессрочное (постоянное) пользование и временное (сроком до 10 лет).

Поскольку действовавшим на тот момент законодательством выделение земли могло происходить бессрочно, то, соответственно, после введения Гражданского кодекса РФ такой срок предоставления земельных участков не истек. Данная коллизия возникновения права в поздний советский период (1970–1990-е гг.) и его последующей регистрации по законодательству РФ была фактически разрешена путем издания Закона № 122-ФЗ. В соответствии с частью 1 статьи 6 указанного закона права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления его в силу, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации. В силу положений части 6 статьи 17 Закона № 122-ФЗ государственные акты, выданные уполномоченными органами в период с 1970 г. являются основанием для государственной регистрации права.

Аналогичные нормы закреплены в упомянутом ранее Законе № 218-ФЗ, регулирующем вопрос государственной регистрации права в настоящее время (часть 1 статьи 69, часть 2 статьи 14). Более того, Федеральным законом от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (далее — Закон № 137-ФЗ) предусмотрена обязанность переоформления права постоянного (бессрочного) пользования. Следовательно, ранее возникшие права не только признаются государством, но в ряде случаев подлежат трансформации.

¹ Савенко Г. В., Ялбуганов А. А. Земельные участки: образование, межевание и земельные иски (вторая половина XVIII — начало XXI в.). М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. С. 65

Вторым правовым вопросом является «определение уполномоченного органа» — лица, осуществившего выдачу актов (свидетельств) о правах на земельный участок до вступления в силу Закона № 122-ФЗ. В период существования СССР земельные участки отводились на основании постановлений Совета Министров РСФСР или Совета Министров автономной республики, а также решений исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся различного уровня, что отражено в статье 14 Земельного кодекса РСФСР 1970 г. Однако необходимо указать, что само по себе вынесение решений о закреплении участка свидетельствует лишь о начале процедуры по его предоставлению и не является доказательством возникновения права, что отражено в определении Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2018 № 306-ЭС18-1282 по делу № А12-46006/2016. Правоустанавливающими документами служили государственные акты, которые выдавались во исполнение указанных решений или постановлений.

Введенный постановлением ВС РСФСР № 1103/1-1 от 25.04.1991 Земельный кодекс РСФСР не внес существенных изменений в систему органов по предоставлению земельных участков, а уточнил полномочия Советов народных депутатов соответствующих субъектов.

Ключевыми нормативными актами, регулирующими возникновение прав на земельные участки, после образования Российской Федерации послужили Указы Президента Российской Федерации от 24.12.1993 № 2287 «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» и от 27.12.1991 № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР». В соответствии с указанными нормативными актами, полномочия Советов народных депутатов перешли к местным администрациям, которые по представлениям комитетов по земельной реформе и земельным ресурсам принимали решения по распределению земель. Стоит отметить, что указанные положения частично нашли отражение в действующем Законе № 137-ФЗ: предоставление земельных участков из государственной неразграниченной собственности осуществляется органами местного самоуправления (часть 2 статьи 3.3).

Таким образом, издание акта (свидетельства) неуполномоченным лицом либо неподтверждение выдачи такого акта уполномоченным лицом может служить основанием для отказа в государственной регистрации ранее возникшего права, что является препятствием в распоряжении участком.

Третьим правовым вопросом выступает «определение границ возникшего права», что имеет место после регистрации земельного участка на основании правоустанавливающих документов, изданных до момента вступления в силу Закона № 122-ФЗ. Границы такого права подлежат уточнению, поскольку в силу статьи 6 Земельного кодекса РФ земельный участок должен иметь уникальные характеристики, которые определяют его в качестве индивидуально определенной вещи.

Более того, наличие пересечений с иными земельными участками будет препятствовать государственной регистрации договоров в отношении таких земельных участков (статья 26 Закона № 218-ФЗ). Вероятной является ситуация, при которой заинтересованные лица могут узнать о такой проблеме уже на стадии подачи соответствующего заявления². В этой связи установление границ ранее учтенных земельных участков может нарушить права и законные интересы землепользователей, зарегистрировавших свои права после вступления в силу Законов № 122-ФЗ и № 218-ФЗ. В таком случае, поскольку зарегистрированное право может быть оспорено только в судебном порядке (часть 6 статьи 8.1 Гражданского кодекса РФ), определение границ права — пусть и на основании надлежаще оформленных и изданных уполномоченными органами до 1997 г. — возможно только путем предъявления соответствующего искового заявления.

² Фролова О. Несоответствие границ земельных участков при кадастровом учете: судебные споры // Хозяйство и право. 2012. № 6. С. 105

Как отмечает А. Д. Рудоквас, если одно лицо добивается погашения записи в реестре, внесенной на имя другого лица, и/или требует внести запись на свое имя, то это всегда спор о праве³. К таким спорам принято относить, в частности, иски об истребовании имущества из чужого незаконного владения, об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, о признании права, об установлении сервитута, об установлении границ земельного участка, об освобождении имущества от ареста (абзац третий пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»). Причиной таких споров может выступать то обстоятельство, что ранее при предоставлении земельных участков их межевание с точным определением границ, как правило, не осуществлялось⁴.

Определенной сложностью при доказывании существования прав в определенных границах является то, что в советский и российский период существовали различные системы геодезических координат.

В настоящее время постановлением Правительства РФ от 24.11.2016 № 1240 в целях осуществления геодезических и картографических работ установлена государственная система координат ГСК-2011. Однако при землеустройстве могли быть использованы и иные системы (Система координат 1942 г. (СК-42), Единая государственная система геодезических координат 1995 г. (СК-95), Система геодезических координат 1963 г. (СК-63), местные системы геодезических координат).

Таким образом, несмотря на предусмотренную советским законодательством возможность предоставления земельных участков в пользование в определенных границах и с соблюдением правил землеотвода в 1970–1990-е гг., выданные в установленном порядке документы не являются безусловным основанием для возникновения права на земельные участки в актуальных границах и с учетом требований действующего законодательства. С течением времени, а также с увеличением вовлечения в гражданский оборот новых земельных участков из государственной собственности реализация прав на ранее учтенные земельные будет становиться все более затруднительной. В этой связи правообладатели таких земельных участков должны быть готовы не только к предоставлению в регистрирующие органы полного пакета документов по первоначальному выделению участков, но и к возможному конфликту прав с иными участниками гражданского оборота. Решение вышеуказанных проблем (вопрос признания правоустанавливающих документов, определение уполномоченного органа, определение границ возникшего права) позволит не только минимизировать трудности, с которыми землепользователи могут столкнуться при осуществлении прав на земельные участки, но защитить свои права и законные интересы в споре со смежными землепользователями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Право собственности и способы его защиты в гражданском праве : учебное пособие / М. А. Александрова, А. Д. Рудоквас, А. О. Рыбалов ; под общ. ред. А. Д. Рудокваса. — СПб. : Изд-во СПб.ГУ, 2017. — 208 с.
2. Савенко Г. В., Ялбуганов А. А. Земельные участки: образование, межевание и земельные иски (вторая половина XVIII — начало XXI в.). — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. — 269 с.

³ Право собственности и способы его защиты в гражданском праве : учебное пособие / М. А. Александрова, А. Д. Рудоквас, А. О. Рыбалов ; под общ. ред. А. Д. Рудокваса. СПб. : Изд-во СПб.ГУ, 2017. С. 155

⁴ Тоточенко Д. А. Иск об установлении границ земельного участка // Юрист. 2017. № 24. С. 19

3. Тоточенко Д. А. Иск об установлении границ земельного участка // Юрист. — 2017. — № 24. — С. 19–23
4. Фролова О. Несоответствие границ земельных участков при кадастровом учете: судебные споры // Хозяйство и право. — 2012. — № 6. — С. 105–109.

REFERENCES

1. Aleksandrov MA, Rudokvas AD, Rybalov AO. Rudokvas AD, editor. Pravo sobstvennosti i sposoby ego zashchity v grazhdanskom prave: uchebnoe posobie [Ownership and methods Of its protection in Civil law: textbook]. St. Petersburg: State University Publ.; 2017 (In Russ.).
2. Savenko GV, Yalbuganov AA. Zemelnye uchastki: obrazovanie, mezhevanie i zemelnye iski (vtoraya polovina xviii — nachalo xxi v.). [Land plots: education, surveying and land claims (second half of XVIII — beginning of XXI century)]. Moscow: Publishing House of Higher School of Economics; 2017 (In Russ.).
3. Totochenko DA. Isk ob ustanovlenii granits zemelnogo uchastka [A claim to determin the boundaries of the land plot]. *Lawyer*. 2017;24: 19–23 (In Russ.).
4. Frolova O. Nesootvetstvie granits zemelnykh uchastkov pri kadaastrovom uchete: sudebnye spory [Mismatch of boundaries of land plots in cadastral accounting: litigation]. *Business and Law*. 2012;6: 105–109 (In Russ.)

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.065-073

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Бородина Валерия Валерьевна, студент 3-го курса Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
barsa2000@bk.ru

© Бородина В. В., 2020

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения правового статуса лиц, использующих современные электрические средства передвижения. Автор ставит перед собой цель выявления особенностей совершенно нового для российского права института «средств индивидуальной мобильности» и предложения путей решения.

Ключевые слова: государство; право; правовое регулирование; правила дорожного движения; административно-правовой статус; средства индивидуальной мобильности; электросамокаты; участники дорожного движения.

LEGAL REGULATION OF MEANS OF INDIVIDUAL MOBILITY

Valeriya V. Borodina, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
barsa2000@bk.ru

Abstract. The article deals with the problem of determining the legal status of persons using modern electrical means of transport. The author aims to identify the peculiarities of a completely new institute for Russian law, namely, the «means of individual mobility» and to propose solutions.

Keywords: state; law; legal regulation; traffic rules; administrative and legal status; means of individual mobility; electric scooters; participants traffic.

На сегодняшний день технологический прогресс развивается с большей скоростью, нежели право. Если закону присущи черты предсказуемости и определенности, то технологии зачастую коренным образом меняют устои общества. Так, очень важно разрабатывать адекватные механизмы правового регулирования новых технологий. С ростом популярности современных электрических средств передвижения в России, а именно в связи с открытием новых организаций проката, роста скорости движения на данных средствах, а также возрастанием рисков попадания в дорожно-транспортные происшествия началось обсуждение вопроса определения административно-правового статуса лиц, использующих данные средства, как участников дорожного движения.

В Российской Федерации основными законодательными актами, определяющими порядок организации дорожного движения, являются Федеральный закон

«О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 08.12.2020)¹, постановление Совета Министров — Правительства РФ «О Правилах дорожного движения» от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 31.12.2020)² и 12 глава КоАП РФ от 30.12.2001 № 195 (ред. от 30.12.2020)³. Сегодня в Правилах дорожного движения отсутствует какое-либо упоминание о новых электрических средствах передвижения. В судебной практике и в научных, а также общественных дискуссиях, аргументы которых будут приведены в ходе размышлений ниже, сложились разные подходы по поводу законодательного регулирования данного вопроса. Тем не менее для однозначного разрешения назревшей проблемы Министерство транспорта Российской Федерации подготовило проект изменений в Правила дорожного движения⁴.

С развитием новых способов быстрого передвижения в городах, сокращением времени на пребывание в транспортных заторах, возникла необходимость разработки общего механизма регулирования мобильности каждого участника дорожного движения. Правила и законодательство, которое применяется для регулирования вопроса использования электрических средств передвижения, в других странах постоянно пересматриваются и изменяются из-за регулярно растущего спроса на них. В мировой практике не наблюдается единого подхода к определению статуса лиц, использующих средства индивидуальной мобильности. Во многих странах существуют лишь общепринятые правила пользования данными средствами.

Закрепление основного понятия новых средств передвижения, применительно к новому институту для российского права, представляется наиболее рациональным способом отграничить их от транспортных средств. Так, вводится термин «средство индивидуальной мобильности», означающий устройство, предназначенное для передвижения человека посредством использования электродвигателя (электродвигателей) и (или) мускульной энергии человека. Перечень видов данных устройств включает роликовые коньки, самокаты, электросамокаты, скейтборды, электро-скейтборды, гироскутеры, сегвеи, моноколеса и иные аналогичные средства.

Введение нового устройства для передвижения требует закрепления отдельных правил движения лиц, использующих данные средства. Одним из нововведений станет ограничение скорости движения лиц, использующих средства индивидуальной мобильности. Такой скоростью признается 20 км/час. Однако многие производители электросамокатов указывают в технических характеристиках устройства их максимальную скорость, сравнимую со скоростью автомобиля на междугородних дорогах. На примере электросамоката Dualtron Ultra 2 (2020)⁵, исходя из описания модели, известно, что его максимальная скорость достигает 85 км/ч. В данном случае возникает вопрос наличия измерительного прибора для определения текущей скорости движения, отсутствие которого может спровоцировать фактическое несоблюдение

¹ Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» от 10.12.1995 № 196-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 11 декабря 1995. № 50. Ст. 4873. Собрание законодательства РФ. 14 декабря 2020 г. № 50 (ч. III). Ст. 8074.

² Постановление Совета Министров — Правительства РФ «О Правилах дорожного движения» от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 31.12.2020) // Собрание актов Президента и Правительства РФ. 22 ноября 1993 г. № 47. Ст. 4531. Собрание законодательства РФ. 11 января 2021 г. № 2 (ч. II). Ст. 465.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1. Собрание законодательства РФ. 4 января 2021 г. № 1 (ч. I). Ст. 70.

⁴ Проект Постановления Правительства РФ «О внесении изменений в постановление Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090» (подготовлен Министерством транспорта РФ 31 октября 2019 г.) // Этап: подготовка заключения об ОПВ. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=99009> (дата обращения: 20.12.2020).

⁵ Dualtron Ultra 2 (2020) // Авторизованный дистрибьютер Dualtron. URL: <https://dualtron.ru/catalog/dualtron-ultra/> (дата обращения: 20.12.2020).

скоростного режима, установленного для лиц, использующих для передвижения средства индивидуальной мобильности.

Более того, в новом проекте отсутствует мера обеспечения соблюдения данного скоростного режима, поскольку в законодательстве не предусмотрена ответственность за его нарушение, а применение административного наказания за превышение установленной скорости движения транспортных средств противоречит природе электрических устройств передвижения.

И. Л. Бурова и М. В. Рудов считают, что «при решении вопроса о привлечении к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения большое значение имеет правильное определение (идентификация) личности правонарушителя»⁶. Данное обстоятельство является значимым, когда средства индивидуальной мобильности предоставляются в пользование на основании договора проката. Исследователи рекомендуют коммерческим организациям требовать предоставления персональных данных другой стороны договора, чтобы обезопасить себя в случае совершения последним административного правонарушения.

На сегодняшний день существует неоднозначная практика определения правовой природы отдельных средств индивидуальной мобильности, например, электросамокатов, сегвеев, моноколес. Вопрос отнесения лиц, использующих для передвижения средства индивидуальной мобильности, к водителям или пешеходам был долгое время открыт. Новый проект четко относит данных участников движения к пешеходам. Однако российская судебная практика и законодательство ряда зарубежных стран выбрали иной путь разрешения данной проблемы. Электросамокат, исходя из названия, может приводиться в движение, как мускульной энергией, так и двигателем. Двигателем признается устройство, преобразующее какой-либо вид энергии в механическую работу, а значит, электросамокат может считаться механическим транспортным средством. Представитель Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по делу о вождении в нетрезвом виде⁷ отметил: «Электросамокат сходен по конструкции со средствами индивидуальной мобильности, у которых есть электродвигатель мощностью более 0,25 кВт, развивающими скорость более 50 км/ч. Такие устройства относятся к мототранспортным средствам»⁸.

Более того, в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Красноярск уточнили о необходимости водительского удостоверения категории М для использования определенных видов электрического транспорта, мощность которых более 0,25 кВт и менее 4 кВт⁹. А. И. Числов и А. А. Поделякин считают, что необходимость вводить новые определения в Правила дорожного движения отсутствует, поскольку актуальные нормы вполне достаточны для регулирования статуса лиц, использующих электрические средства передвижения¹⁰. Автор данной работы

⁶ См.: Бурова И. Л., Рудов М. В. О некоторых проблемах правового регулирования новых видов транспортных средств с электродвигателем // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 2. С. 84–92.

⁷ Вахитовский районный суд г. Казани : [сайт]. Казань. 2006. URL: http://vahitovsky.tat.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=2123 (дата обращения: 20.12.2020). Текст : электронный.

⁸ Электросамокат — мопед или бегущий пешеход? Лишенный прав за пьяную езду казанец обжалует решение // События. URL: <https://sntat.ru/news/crime/10-11-2020/elektrosamokat-moped-ili-beguschiy-peshehod-lishenny-prav-za-pyanuyu-ezdu-kazanets-ob-zhaluet-reshenie-5784538/> (дата обращения: 20.12.2020).

⁹ В ГИБДД объяснили, на какой летний электротранспорт нужны права // Auronews. URL: <https://www.auronews.ru/news/5ef45ad69a79479da4ffbd19/> (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁰ См.: Числов А. И., Поделякин А. А. Вопросы, связанные с определением правового статуса участников дорожного движения, использующих электрические средства передвижения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Право. 2019. № 12. С. 333–335. DOI 10.23672/SAE.2019.2019.43774.

раннее предлагал в семнадцатом абзаце п. 1.2 Правил дорожного движения после слов «квадрициклы» дополнить словами «средства индивидуальной мобильности». Для упрощения работы законодателя и более легкого понимания Правил дорожного движения предлагается отождествлять «мопед» и «средства индивидуальной мобильности». Отмечает, что данные изменения повлекут для лиц, использующих средства индивидуальной мобильности, аналогичные требования, какие предусмотрены для водителей мопедов¹¹.

Одной из наиболее рациональных точек зрения представляется возможность деления указанных участников дорожного движения на две группы: использующих более мощные устройства, которые можно приравнять к мопедам, исходя из технических характеристик средства, и менее мощные¹². Решение данной проблемы приведет к дальнейшему выстраиванию траектории движения законодателя в сфере регулирования административно-правового статуса лиц, использующих средства индивидуальной мобильности, как участников дорожного движения, в России.

В новой редакции Правил предлагается ввести запрет на передвижение в состоянии опьянения. В российской практике существует прецедент езды на электрическом самокате в состоянии алкогольного опьянения. Сотрудниками ГИБДД был составлен протокол об административном правонарушении, а транспортное средство эвакуировано на специализированную стоянку. Суд лишил правонарушителя водительских прав за управление электросамокатом в состоянии алкогольного опьянения¹³. Тем не менее, ввиду приравнивания данных лиц к пешеходам, дискуссионным остается вопрос применения меры ответственности к таким лицам, использующим для передвижения средства индивидуальной мобильности, в состоянии опьянения. Поскольку норма КоАП РФ, закрепляющая санкцию за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, не применяется к пешеходам¹⁴. В то же время предполагается доработка в будущем нормы о появлении в общественных местах в состоянии опьянения и возможности изъятия средства индивидуальной мобильности.

Складывается неоднозначное мнение по поводу положений о наличии световозвращателей и фар в новом проекте. С одной стороны, предлагается установить требования к оборудованию средств индивидуальной мобильности, в частности установить необходимость наличия световых устройств. С другой стороны, включение фар и фонарей в темное время суток и при недостаточной видимости необходимо «при их наличии». Так, возникает существенный вопрос, обязаны ли лица, использующие данные устройства, иметь источники света на своем средстве передвижения. Иначе будут ли применяться меры ответственности за отсутствие таких световых устройств как к транспортным средствам? Проект постановления Правительства РФ требует доработки, поскольку на данном этапе возникает множество вопросов по поводу новых положений. Однозначно признается необходимость специального определения (понятия), обобщающего все современные электрические устройства.

¹¹ Бородина В. В. Проблема определения административно-правового статуса лиц, управляющих электросамокатами, как участников дорожного движения // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы XIX Международной научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 3–4 апреля 2020 г. М. : РГ-Пресс, 2020. С. 13–15.

¹² См.: Числов А. И., Поделякин А. А. Вопросы, связанные с определением правового статуса участников дорожного движения, использующих электрические средства передвижения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Право. 2019. № 12. С. 333–335. DOI 10.23672/SAE.2019.43774.

¹³ Вахитовский районный суд г. Казани : [сайт]. Казань. 2006. URL: http://vahitovsky.tat.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=2123 (дата обращения: 20.12.2020). Текст : электронный.

¹⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195 (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1. Собрание законодательства РФ. 4 января 2021 г. № 1 (ч. I). Ст. 70. Статья 12.8.

Тенденция использования средств индивидуальной мобильности зародилась не в России, а в странах, где на сегодняшний момент они стали существенной проблемой для пешеходов и транспортных средств. Заимствование новых идей из зарубежного опыта и поиск оптимальных решений станет наиболее грамотным разрешением актуальной проблемы в нашей стране.

Мобильность людей постоянно развивается, и в последнее время некоторые страны наблюдают утрату значимости автомобилей, сопровождаемую ростом популярности других транспортных средств. Многие страны мира приняли решение трансформации действующего законодательства в сфере дорожного движения с целью поощрения такой тенденции, поскольку Правила дорожного движения сосредоточены в основном на регулировании движения механических транспортных средств. Нормативное регулирование электрических средств передвижения (*Patinetes Eléctricos*) в Испании в 2020 г. вышло на новый уровень. В ноябре был принят новый закон¹⁵, который вступит в силу в декабре 2021 г., регулирующий статус лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности (*Vehículos de Movilidad Personal*). Во Франции такие правила содержатся в Дорожном кодексе (*Le code de la Route*)¹⁶ и Законе об ориентации мобильности (*La Loi d'orientation des Mobilités (LOM)*)¹⁷. Скоростной режим в Испании и Франции отличается друг от друга, но не значительно. В Правилах дорожного движения испанский законодатель ограничил скорость средств индивидуальной мобильности до 20 км/час¹⁸ и предусмотрел ответственность за ее превышение в размере 500 евро, а также изъятие транспортного средства. Во Франции предельная скорость ограничена 25 км/час¹⁹, за превышение которого может быть наложен штраф в размере 1500 евро, что в три раза выше, чем в Испании, а за повторное нарушение — 3000 евро. Так, европейские страны для поддержания правопорядка используют высокие штрафы. Заимствуя опыт штрафных санкций за превышение скоростного режима, российский законодатель должен руководствоваться средним размером штрафов за сходные правонарушения, а также исходить из общего благосостояния общества.

В Российской Федерации вводятся ограничения движения электрических устройств по пешеходным зонам, ограничивая скоростной режим электрических устройств до скорости пешеходов. Законодательство других стран выступает за запрет такого передвижения, разрешая движение по велосипедным дорожкам. По общему правилу в Испании запрещено передвигаться на средствах индивидуальной мобильности по тротуарам (за исключением устройств категории А), а также по

¹⁵ Real Decreto 1428/2003, de 21 de noviembre, por el que se aprueba el Reglamento General de Circulación para la aplicación y desarrollo del texto articulado de la Ley sobre tráfico, circulación de vehículos a motor y seguridad vial, aprobado por el Real Decreto Legislativo 339/1990, de 2 de marzo // Boletín oficial del Estado. El 23 de diciembre de 2003. № 1428. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2003/BOE-A-2003-23514-consolidado.pdf> (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁶ Arrêté royal du 1er décembre 1975 portant règlement général sur la police de la circulation routière et de l'usage de la voie publique «Code de la route» (Version en vigueur à partir du 1er octobre 2020) // Assemblée nationale. 9 décembre 1975. URL: <https://www.code-de-la-route.be/textes-legaux/sections/ar/code-de-la-route> (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁷ Loi n° 2019-1428 du 24 décembre 2019 d'orientation des mobilités // Publiée au Journal Officiel. 26 décembre 2019. URL: http://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/dossiers/loi_orientation_mobilites (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁸ Real Decreto 970/2020, de 10 de noviembre, por el que se modifican el Reglamento General de Circulación, aprobado por Real Decreto 1428/2003, de 21 de noviembre y el Reglamento General de Vehículos, aprobado por Real Decreto 2822/1998, de 23 de diciembre, en materia de medidas urbanas de tráfico // Boletín oficial del Estado. El 11 de noviembre de 2020. № 970. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2020-13969#ap> (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁹ Loi n° 2019-1428 du 24 décembre 2019 d'orientation des mobilités // Publiée au Journal Officiel. 26 décembre 2019. URL: http://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/dossiers/loi_orientation_mobilites (дата обращения: 20.12.2020).

автомагистралям и дорогам, соединяющим населенные пункты, и через городские туннели²⁰. Во Франции движение по тротуарам также запрещено, исключением являются лица, не достигшие 12 лет. За движение по пешеходным зонам в республике грозит штраф в размере 135 евро. Однако в случае отсутствия велосипедной дорожки лицо, использующее средство индивидуальной мобильности, вправе передвигаться по дорожной полосе с ограничением скорости до 50 км/час.

Если российский законодатель приравнивает статус лиц, использующих средства индивидуальной мобильности, к пешеходам, то следует считать нецелесообразным ограничение их передвижения по пешеходным зонам; если же статус данного лица является тождественным водителю мопеда, то такое ограничение вполне рационально. Помимо окружающих людей лица, использующие электрические средства передвижения, также подвергаются риску причинения вреда своему здоровью. Согласно проектам и действующим нормам законодательства в данной сфере электрические средства передвижения предполагают «личное» использование устройств. Именно поэтому важной особенностью испанского законодательства является запрет перевозки на электрическом устройстве более 1 человека, поскольку транспортное средство является одноместным. Во Франции также существует запрет проезда на одном транспортном средстве более одного человека, исключением является поездка с ребенком до 12 лет на моторизованном личном транспортном средстве (EDPM). Несоблюдение правила может повлечь за собой штраф в размере 35 евро.

В Российской Федерации представляется возможным внесение дополнительных поправок в проект, прямо закрепляющих средство индивидуальной мобильности как одноместное средство передвижения, поскольку средство индивидуальной мобильности является «индивидуальным», «личным» устройством передвижения.

Остается дискуссионным вопрос необходимости наличия специального права для передвижения на устройстве. Так, в Испании требуется особый сертификат (Certificado de circulación), разрешающий передвижение на отдельных видах электрических устройств²¹. Законодатель устанавливает особую классификацию средств индивидуальной мобильности. В зависимости от скорости и мощности выделяют четыре категории: A, B, C0, C1 и C2, скорость которых варьируется от 20 до 45 км/ч, вес от 25 до 300 кг и максимальная ширина от 0,6 до 1,5 м.

Средства индивидуальной мобильности типа A являются наименее мощными, а их скорость достигает не более 20 км/час. Лицо, использующее средства индивидуальной мобильности типа A, являясь исключением, может передвигаться по тротуару с соблюдением расстояния в 1 м между пешеходами, не превышая 10 км/час. Так, классификация средств индивидуальной мобильности на несколько типов является правильным решением, однако для реалий России такое деление данных устройств возможно на две категории, ввиду непопулярности отдельных видов электрических средств, которые распространены в зарубежных странах. Например, классификация на мощные и менее мощные, которую предлагали исследователи А. И. Числов и А. А. Поделякин²².

²⁰ Real Decreto 1428/2003, de 21 de noviembre, por el que se aprueba el Reglamento General de Circulación para la aplicación y desarrollo del texto articulado de la Ley sobre tráfico, circulación de vehículos a motor y seguridad vial, aprobado por el Real Decreto Legislativo 339/1990, de 2 de marzo // Boletín oficial del Estado. El 23 de diciembre de 2003. № 1428. URL: <https://www.boe.es/buscar/pdf/2003/BOE-A-2003-23514-consolidado.pdf> (дата обращения: 20.12.2020).

²¹ Real Decreto 970/2020, de 10 de noviembre, por el que se modifican el Reglamento General de Circulación, aprobado por Real Decreto 1428/2003, de 21 de noviembre y el Reglamento General de Vehículos, aprobado por Real Decreto 2822/1998, de 23 de diciembre, en materia de medidas urbanas de tráfico // Boletín oficial del Estado. El 11 de noviembre de 2020. № 970. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2020-13969#ap> (дата обращения: 20.12.2020).

²² Числов А. И., Поделякин А. А. Вопросы, связанные с определением правового статуса участников дорожного движения, использующих электрические средства передвиже-

Безопасность для европейцев является одним из самых главных аспектов при передвижении на транспортных средствах. В некоторых регионах Испании установлены особые правила. Например, в Валенсии использование шлема обязательно для лиц, которые передвигаются на электросамокатах типа В, таких как Xiaomi и Cecotec. Соблюдение данного права контролирует полиция. В европейских странах местные жители активно используют в своей одежде светоотражающие частицы. В ближайшем будущем среди депутатов испанского конгресса идет обсуждение обязательного ношения светоотражающего жилета при управлении средствами индивидуальной мобильности. Однако сегодня испанцы обязаны иметь фонари или фары, а также светоотражающие частицы на средствах индивидуальной мобильности. Также в целях обезопасить современных участников дорожного движения и окружающих людей Испания и Франция однозначно высказались за запрет наушников во время движения на электрических устройствах. Необходимым элементом лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности, является наличие дополнительного оборудования и правил, обеспечивающих безопасность самих этих лиц.

Представляется в качестве рекомендательной меры в Российской Федерации необходимость закрепления ношения светоотражающих жилетов, наличия звуковых сигналов на электрическом средстве передвижения, а также обязанность лиц, использующих средства индивидуальной мобильности, использовать фары и фонари в темное время суток и при недостаточной видимости. Поскольку данные меры позволят пешеходам заблаговременно увидеть источник повышенной опасности. Запреты и обязанности не являются эффективной мерой установления правопорядка в обществе. Одной из наиболее важных мер является проведение профилактических и агитационных мероприятий среди населения. Например, публикация в средствах массовой информации и сети «Интернет» социальных роликов на тему использования средств индивидуальной мобильности. Количество смертельных случаев с использованием средств индивидуальной мобильности с каждым годом увеличивается. Государство не должно игнорировать столь быстро набирающие обороты проблемы и решать актуальные вопросы здесь и сейчас, поскольку принятие законопроектов занимает длительное время.

Разработка и внедрение новых технологий в жизнь неизбежно ведет к необходимости совершенствования российского законодательства. Необходимость вписать транспорт будущего в современную дорожную сетку обоснована растущей популярностью средств индивидуальной мобильности. Предложенный Министерством транспорта Российской Федерации проект в будущем может установить четкие правила дорожного движения с целью обеспечения безопасности населения. Тем не менее некоторые нововведения по-прежнему остаются недостающими и противоречивыми. В частности, в проекте отсутствуют предложения по классификации электрических средств, регулирования вопроса «личного» использования, а также запрета ношения наушников при использовании средств индивидуальной мобильности.

Противоречивыми являются нормы о наличии дополнительного оборудования на устройстве. Так, в качестве рекомендательной меры необходимо установить наличие звуко- и светоотражающих элементов на современных устройствах передвижения. Безусловно, данные решения не сразу повлекут их обязательное исполнение. В таком случае для повышения сознания населения необходимо проводить профилактические меры, публиковать социальные роли, связанные с использованием средств индивидуальной мобильности, а также проводить мероприятия (в том числе спортивные) по агитации безопасного использования данных средств, а также повышения заинтересованности населения к их использованию.

Предполагается, дополнить проект постановления РФ следующими положениями. Во-первых, установив классификацию средств индивидуальной мобильности на две категории, законодатель закрепит обязательность наличия сертификата или

иного подтверждающего документа на управление мощными электрическими устройствами. Во-вторых, законодателю необходимо установить конкретные меры административно-правовой ответственности, чтобы устранить произвольные решения судов. Дискуссионным остается вопрос отнесения средств индивидуальной мобильности к мопедам или пешеходам. Зарубежная практика пошла по иному пути определения административно-правового статуса лиц, использующих средства индивидуальной мобильности, либо запрещая их передвижение по пешеходным зонам, либо ограничивая их скорость до 10 км/час. В ближайшем будущем планируются небывалые прорывы в изобретениях, правовое регулирование которых является одной из важнейших задач законодателя. Хочется верить, что предложенные в данной работе изменения и поправки войдут в проект постановления Правительства РФ и обеспечат безопасность всех участников дорожного движения.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бородина В. В. Проблема определения административно-правового статуса лиц, управляющих электросамокатами, как участников дорожного движения // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы XIX Международной научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 3–4 апреля 2020 г. — М. : РГ-Пресс, 2020. — С. 13–15.
2. Бутова И. Л., Рудов М. В. О некоторых проблемах правового регулирования новых видов транспортных средств с электродвигателем // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2019. — № 2. — С. 84–92.
3. В ГИБДД объяснили, на какой летний электротранспорт нужны права // Auronews. — URL: <https://www.autonews.ru/news/5ef45ad69a79479da4ffbd19/> (дата обращения: 20.12.2020).
4. Вахитовский районный суд г. Казани : [сайт]. Казань. 2006. — URL: http://vahitovsky.tat.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=2123 (дата обращения: 20.12.2020). Текст : электронный.
5. Числов А. И., Поделякин А. А. Вопросы, связанные с определением правового статуса участников дорожного движения, использующих электрические средства передвижения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Право. — 2019. — № 12. — С. 333–335. DOI 10.23672/SAE.2019.2019.43774.
6. Электросамокат — мопед или бегущий пешеход? Лишенный прав за пьяную езду казанец обжалует решение // События. — URL: <https://sntat.ru/news/crime/10-11-2020/elektrosamokat-moped-ili-beguschiy-peshehod-lishennyy-prav-za-pyanuyu-ezdu-kazanets-obzhaluet-reshenie-5784538/> (дата обращения: 20.12.2020).

REFERENCES

1. Borodina VV, Problema opredeleniya administrativno-pravovogo statusa lits, upravlyayushchikh elektrosamokatami, kak uchastnikov dorozhnogo dvizheniya [The problem of determining the administrative and legal status of persons operating electric scooters as road users]. In: *Traditions and innovations in the system of modern Russian law: materials of the 19th International Scientific and Practical Conference of Young Scientists*, Moscow, April 3–4, 2020. Moscow: RG-Press; 2020 (In Russ.).
2. Burova IL, Rudov MV. O nekotorykh problemakh pravovogo regulirovaniya novykh vidov transportnykh sredstv s elektrodvigatelem [On some problems of legal regulation of new types of vehicles with electric motor]. *Property Relations in the Russian Federation*. 2019;2: 84–92 (In Russ.).
3. V GIBDD obyasnili, na kakoy letniy elektrotransport nuzhny prava [The traffic police explained what summer electric transport needs rights]. *Auronews*. Available from: <https://www.autonews.ru/news/5ef45ad69a79479da4ffbd19/> (accessedl: 20 Dec2020).

4. Vakhitovsky District Court of Kazan-City: [site]. Kazan; 2006 (In Russ.). Available from: http://vakhitovsky.tat.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=2123 (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.). Text: electronic.
5. Chislov AI, Podeliakin A.A. Voprosy, svyazannyye s opredeleniem pravovogo statusa uchastnikov dorozhnogo dvizheniya, ispolzuyushchikh elektricheskie sredstva peredvizheniya [Issues related to the determination of the legal status of road users using electric means of transport]. *Humanitarian, Socio-Economic and Public Sciences. Law*. 2019;12: 333–335. DOI 10.23672/SAE.2019.2019.43774. (In Russ.).
6. Elektrosamokat — moped ili begushchiy peshekhod? lishenny prav za pyanuyu ezdu kazanets obzhaluet reshenie [An electric scooter — a moped or a running pedestrian? Deprived of rights for drunken driving Kazan appeals the decision]. *Events*. Available from: <https://sntat.ru/news/crime/10-11-2020/elektrosamokat-moped-ili-begushchiy-peshehod-lishenny-prav-za-pyanuyu-ezdu-kazanets-obzhaluet-reshenie-5784538/> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.074-080

ПЕНСИОННАЯ СИСТЕМА ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Рыжова Анастасия Андреевна, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Пензенский государственный университет, кандидат юридических наук
440026, Россия, Пенза, ул. Красная, д. 40
17593r@mail.ru

© Рыжова А. А., 2020

Аннотация. В статье рассматривается период становления пенсионной системы Великобритании в XVII–XX вв. Проведен анализ принятых в указанный период законов о поддержке бедных и пожилых лиц. Ключевым актом, впервые предоставившим лицам право на пенсионное обеспечение был Закон 1908 г. Актуальность рассматриваемого вопроса связана с необходимостью решения проблемы бедности населения и законодательным урегулированием гарантированного пенсионного обеспечения в рамках конкретного государства.

Ключевые слова: государство; право; законодательство; права человека; социальное обеспечение; пенсия; реформа; Великобритания.

THE UK PENSION SYSTEM

Anastasia A. Ryzhova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of the State and Legal Disciplines, Penza State University, Candidate of Juridical Sciences
ul. Krasnaya, d. 40, Penza, Russia, 440026
17593r@mail.ru

Abstract. The article discusses the period of formation of the UK pension system in the 17th–20th centuries. The author analyzes the laws on the support of the poor and older persons adopted during this period. The key act that gave persons the right to pension provision for the first time was the 1908 Act. The relevance of the issue is related to the need to solve the problem of poverty and the legislative settlement of guaranteed pension provision within the framework of a specific of the state.

Keywords: state; law; law; human rights; social security; pension; reform; UK.

The reported study was prepared with the financial support of RFBR according to the scientific project № 20-011-00252.

Основы пенсионного обеспечения Великобритании были сформированы на протяжении XVII–XIX вв. Ключевым актом, закрепившим выплату пенсионного обеспечения из государственных доходов для подданных Соединенного Королевства старше 70 лет, стал Акт о пенсиях 1908 г. Принятие данного акта во многом было обусловлено развитием социальной политики государства. Историческая значимость данного акта заключалась в признании социальной ответственности государства. Принятый Акт о пенсиях 1908 г. заложил основу действующей в настоящее время в Великобритании пенсионной системы.

Однако, если говорить об историческом формировании основ пенсионного обеспечения, то необходимо рассмотреть акты правительства, принимаемые в защиту бедных и безработных на территории Великобритании в период XVII–XIX. Именно

они в последующем послужили основой для появления политико-правовых учений, затрагивающих обоснование необходимости социальной защиты населения и создания социально ответственного государства, а также необходимости введения права на пенсионное обеспечение для определенных категорий населения.

Первым документом, закрепившим принципы государственной политики в отношении бедных, является закон 1601 г. Он закрепил три класса бедных: трудоспособные бедные именовались «здоровыми нищими»; беспомощные бедные — люди, не имевшие физических возможностей работать; зависимые дети — сироты, подкидыши, дети, оставленные родителями или дети, чьи родители были настолько бедны, что не могли содержать их¹. Принятие этого закона остановило террор и беспорядки, которые устраивали «закоренелые нищие» во времена Генриха VIII². Принудительный налог в пользу бедных формировал фонд, из которого, в последующем выдавали пособие бедным. Также каждый приход был обязан покупать сырье, чтобы обеспечить безработных работой, а именно: «надлежащей запас льна, шерсти, пеньки, ниток, железа и другого материала, чтобы посадить бедняка за работу»³. Несомненно, можно говорить о том, что данный закон был не совершенным в плане социального обеспечения и защиты данной категории населения. Применение данного акта вызывало много недовольств со стороны лиц, которые уплачивали принудительный налог в пользу бедных. В своей работе о политической экономии Д. Рикардо так же затрагивает законы о бедных, существовавших в Англии. Такие законы, указывал он, «ведут не к улучшению положения бедных, что имели в виду благодущные законодатели, а к ухудшению положения и богатых и бедных»⁴. С другой стороны, существенные плюсы выделяет в своей работе «Социальная история Англии» Дж. Тревельян, он говорит о том, что «обеспечение бедных теперь было лучше, чем когда-либо в старой Англии, и лучше, чем когда-либо для многих поколений во Франции и в других европейских странах»⁵.

Основные положения данного закона остаются и на сегодняшний день объектом высказывания различных точек зрения в области социального законодательства. Позже, некоторые его положения были заимствованы и включены в законы американских колоний.

В отношении проблем бедности и вопросов, касающихся поддержки населения, оказавшегося в тяжелом положении были приняты дополнения к вышеуказанному акту (Закон 1601 г.). В 1662 и 1697 гг. приняты «Акты об оседлости» утвердили своего рода «институт прописки» (приход, являющийся для нуждающегося местом его «оседлости» (settlement), нес за него ответственность в случае возникновения необходимости в социальной помощи)⁶. Это закон принимался в первую очередь для ограничения миграционного потока бедняков в города, так как это вызывало переполненность столичных приходов. Нововведением акта 1697 г. была маркировка пауперов, получавших пособие по бедности, их обязывали носить крупную букву «Р». Такая маркировка, отличая человека от «плохих» бродяг, в то же время «стигматизировала» его бедность — пусть даже «законную» — и юридически навязывала бедняку социальный стыд за свое положение⁷.

Система помощи бедным в начале XVIII в. была дополнена созданием рабочих домов, новый в Англии тип учреждения. Предпосылки к появлению возникли 1564 г.,

¹ Мельников Д. А. Становление благотворительной помощи в Англии в средние века // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2012. Т. 8 (10-12). С. 193.

² Социальная история Англии / Дж.М. Тревельян М. : Книга по Требованию, 2012. С. 193.

³ Там же. С. 193.

⁴ Рикардо Д. Начало политической экономии и налогового обложения. Избранное / Д.Рикардо; [пер. с англ.; предисл. П. Н. Ключкина]. М. : Эксмо, 2007. С. 138.

⁵ Социальная история Англии / Дж.М. Тревельян М. : Книга по Требованию, 2012. С. 194.

⁶ Барлова Ю. Е. Английское законодательство о бедных в XVIII — первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 29.

⁷ Барлова Ю. Е. Английское законодательство о бедных в XVIII — первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 28.

как выделяют некоторые авторы, это было связано с разрешением чиновников учреждать места для пребывания трудоспособных нищих. Работные дома чаще всего имели форму «рассеянных мануфактур». Изначально, работа осуществлялась на дому, позже в отдельных местностях Англии и Уэльса стали появляться специальные здания, в них пауперы осуществляли свою трудовую деятельность. Первые работные дома такого типа были основаны в Абингтоне (1631 г.) и Эксетере (1652 г.)⁸ В период 1696–1697 гг. в Бристоле предприниматель Дж. Кэрей создал учреждение помощи бедным, где они получали денежное пособие и могли отработать его, так называемая «Бристольская корпорация бедных». На протяжении XVIII в. работные дома «входили и выходили из моды», это было связано с материальным состоянием приходов и руководством администраций.

У. Бут в своей работе «In darkest England and the way out»⁹ выступает в защиту обездоленных, за всех людей, не имеющих определенного социального положения и заработка необходимого для прокормления. Затрагивая Закон о бедных 1601 г., обращает внимание на то, что воспользоваться помощью ни один англичанин не может, пока у него есть какая-либо собственность. При нынешней системе желание найти ночлег наказывается задержанием и возложением на него почти непосильной работы (работа не лучше той, которую выполняют каторжники, изготовление щебня и шипание), за неисполнение которой предусмотрен суд и тюрьма, приравнивая тем самым этих лиц к бродягам и мошенникам. В. Бутс делает акцент на том, что так относятся к людям только случайно оставшимся без работы и временно нуждающимся в ней.

Следующей поправкой к действующему в тот период закону о бедных стал «Акт о помощи бедным» 1782 г. Его автор Томас Гилберт (член парламента) предложил решить создавать межприходские работные дома, тем самым объединив финансовые средства. «Акт Гилберта» называют первой попыткой преодоления бессистемности в оказании помощи бедным.

Бурный рост промышленности вызвал необходимость проведения политических и социальных реформ. Политика английского правительства в конце XVIII в. была посвящена, в то числе, и проблеме бедности населения. Общественная проблема обострилась под влиянием различных факторов. Система материальной поддержки бедных, действовавшая с 1603 г. не была приспособлена к современным реалиям сложившейся экономической ситуации. Требовалось принятие поправок к действующему закону, либо проведение реформы и введение новой системы поддержки бедных слоев населения.

В 1832 г. была создана королевская комиссия во главе с лордом Греем, которая, проработав два года, внесла целый ряд основополагающих предложений по реформированию законов о бедных. Отчет комиссии, основывался на сведениях, полученных в результате изучения практик реализации закона о бедных во всех районах Англии¹⁰. Данные сведения были получены на основании опросников, которые были направлены в приходы, ответы представили лишь 10 % опрошенных (150 приходов). Основная рекомендация, которая содержится в отчете после проведенных исследований сводилась к следующему: «за исключением медицинской помощи...всякая помощь трудоспособным персонам или их семьям, если она оказывается НЕ в хорошо регулируемых работных домах...должна быть признана незаконной прекращена»¹¹. Фактиче-

⁸ Барлова Ю. Е. Работные дома в истории английской социальной политики // Наука и школа. 2009. № 1. С. 74.

⁹ Бут, Уильям В трущобах Англии [Текст] / Вильям Бутс ; пер. с англ. под ред. и с предисл. Р. И. Сементковского. Санкт-Петербург : издание Ф. Павленкова, 1891 (Тип. И. Г. Салова). 340 с.

¹⁰ Целых М. П. Социальная работа за рубежом: Великобритания : учеб. пособие для студ. учреждений высш. Проф. Образования / М. П. Целых. М. : Издательский центр «Академия», 2010. 144с.

¹¹ Барлова Ю. Е. Английское законодательство о бедных в XVIII — первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 30.

ски отчет, опубликованный Королевской Комиссией стал официальным поводом для реформирования действовавшего в тот период законодательства о бедных. Выводы Комиссии по закону о бедных содержали требования соблюдения санитарных мер, кардинального решения проблемы налогов, пособий, нищеты и обеспечения благосостояния населения, а также целенаправленного государственного вмешательства в решение социальных проблем¹². На основании вышеизложенных выводов и с учетом рекомендаций Комиссии, таким образом, в 1834 г. был принят «Акт о поправках и лучшей организации законов в отношении бедных Англии и Уэльса».

Акт об улучшении положения бедных 1834 г. закрепил создание нового органа — Комиссия по соблюдению нового законодательства. В ее полномочия входила реорганизация действующих приходов, каждый из которых в последующем должен организовать собственный работный дом. Социальная деятельность этого государственного органа контролировалась британским парламентом, посредством социальных отчетов¹³. Исторически данный закон действовал на протяжении трех периодов: 1) 1834–1847 гг.; 2) 1847–1871 гг.; 3) 1871–1907 гг. Ключевым фактором, отличающим данные периоды в вопросе реализации действующего закона, была система органов на которые возлагались полномочия по исполнению законодательных положений. В ходе первого периода социальное обеспечение бедных было возложено на уполномоченных по делам бедных, второй период был ознаменован деятельностью министерства по делам бедных, а в ходе третьего периода обязанности по реализации положений Закона 1834 г. были возложены на местные государственные советы. На основании приведенных периодов действия закона и меняющейся системы органов по обеспечению его положений, можно сказать о том, что система социальной помощи бедной категории населения испытывала некую трансформацию и подлежала разного рода изменениям вплоть до 1908 г.

Пересмотр устаревших законов о бедных вызывал различные дискуссии и предложения по улучшению положения бедных и гарантий их социального обеспечения. Так, депутат парламента Хортон высказывал мнение о том, что налог в пользу бедных обременял развитие промышленности. Философ Дж. Таунсенд выступал против приходской помощи трудоспособным пауперам. С другой стороны, отмечал необходимость сохранения определенной адресной социальной поддержки. Т. Мальтус был сторонником системы «laissez-faire», «улучшения положения и увеличения счастья низших классов общества».

Социальные реформы, проведенные либеральным правительством Г. Асквита в 1908–1911 гг., заложили основы государственного участия в решении социальных задач¹⁴. Именно в это время впервые в истории Великобритании была создана система государственного страхования, было расширено законодательство, регулирующее трудовые отношения¹⁵. Необходимость решения социальным проблем, введения гарантий предоставления прав в сфере трудового и в соответствии с этим пенсионного обеспечения, все эти аспекты послужили началом реформ Нового времени. Отдельное внимание стали уделять вопросу пенсионного обеспечения трудящегося населения. В первую очередь предлагалось введение пенсий только для ограниченного круга лиц, однако подробно эти аспекты рассматривались в парламенте.

Проблема пенсионного законодательства активно обсуждалась в парламенте начиная с 90-х гг. XIX в. Проблему бедности предлагалось решать на государственном уровне. Выделяли и категории, чьи интересы должны быть затронуты при проведении реформ, прежде всего это наименее защищенные — дети и престарелые.

¹² Скларова Е. К. Пауперизм в становлении социальной политики Великобритании // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 95.

¹³ Скларова Е. К. Пауперизм в становлении социальной политики Великобритании // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 2. С. 92.

¹⁴ Коноплева С. В. Пенсионная реформа 1908 г. в Великобритании и источники ее финансирования // Вестник Московского университета. Серия : История. 2013. № 5. С. 27.

¹⁵ Бунькова Ю. В., Тамазов М. С. Идеология английских либералов рубежа XIX-XX веков: проблемы реформизма // Культура. Духовность. Общество. 2015. № 16. С. 133.

По вопросу необходимости выплаты пенсий жителям старше 60 лет высказывались депутаты парламента от либеральной партии и консервативной. Член парламента Г. Самуэл предлагал решить проблему тремя возможными способами. Первый заключался в выплате государственных пенсий всем жителям Великобритании, достигшим определенного законом возраста; второй вариант представлял собой выплату пенсий только ограниченному кругу лиц, «достойным» пожилым людям; и последний, третий вариант реформа системы государственного призрения нищих слоев населения. П. Олден, член парламента высказывался о необходимости именно государству взять на себя обязанность по созданию домов престарелых, где будут созданы достойные условия для жизни. Представил свое видение решения проблемы и премьер-министр Г. Асквит, он указывал на необходимость социальных реформ, затрагивающих в первую очередь положение детей и престарелых лиц. Схема государственного пенсионного обеспечения должна строиться на ограничениях (возраст, доход, статус), к такому выводу пришел Г. Асквит. В дискуссия по поводу принятия билля о пенсиях 1908 г. принимал участие и министр финансов Д. Джордж. Он предлагал к категории пенсионеров отнести лиц, достигших 70-летнего возраста и получающих пособие по бедности. Проблему пенсионного обеспечения в своих работах рассматривал и У. Лекки, выступал против государственного пенсионного обеспечения. Он считал, что социальные пособия должны предоставляться только в исключительных случаях; рабочие дома должны быть сохранены; государственные программы должны стимулировать человека самому содержать себя в старости и помогать своим престарелым родственникам. Итогом проводимых дискуссий в парламенте стал принятый в 1908 г. билль о пенсиях. Он включал положения по поддержке пенсионеров, содержал гарантии дополнительного источника дохода, однако государство, в свою очередь, полностью не возлагало на себя расходы по их содержанию.

Принятый в 1908 г. «Акт о пенсиях по старости» установил возраст пенсионеров, он был принят высокий (70 лет), а минимальным доходом, дававшим право на пенсию, принимались 31 фунт и 10 шиллингов (300 руб. довоенного времени)¹⁶. Также одним из требований, для получения выплат, выступал ценз оседлости — необходимо было являться подданным Соединенного Королевства и проживать на его территории не менее 20 лет. Выделение необходимых денежных ресурсов на выплаты пенсий стало возможно благодаря изменениям, внесены в налоговую систему государства. Однако были и недостатки положений закона. К ним, в частности относят уменьшение числа лиц, попадающих по категорию пенсионеры, введение «теста на добропорядочность», выплачиваемое пособие не соответствовало прожиточному минимуму. После принятия данного закона к 1909 г. пенсии, согласно установленным данным, стали получать 647 тыс. человек, с каждым годом эта цифра увеличивалась.

Проведенные социальные реформы 1908–1911 гг., под руководством правительства Г. Асквита, стали основой государственного участия в решении стоящих перед государством социальных задач.

Историческая значимость проводимой реформы в Великобритании заключалась в том, что впервые была определена и признана государством социальная ответственность. В связи с этим были заложены идейные основы для развития «государства всеобщего благоденствия» в Великобритании в XX в.¹⁷ Это, в свою очередь, предопределило дальнейшее развитие страны, в которой государству была отведена активная роль в формировании и осуществлении социальной политики, направленной на защиту граждан.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-00252.*

¹⁶ Кареев Н. И. Очерки социально-экономической истории Западной Европы в Новейшее время. Петроград. Книгоиздательство «СЕЯТЕЛЬ» Е. В. Высоцкого, 1923. 268 с.

¹⁷ Коноплева С. В. Пенсионная реформа 1908 г. в Великобритании и источники ее финансирования // Вестник Московского университета. Серия : История. 2013. № 5. С. 40.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барлова Ю. Е. Английское законодательство о бедных в XVIII — первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. — 2010. — № 3. — С. 27–30.
2. Барлова Ю. Е. Работные дома в истории английской социальной политики // Наука и школа. — 2009. — № 1. — С. 74.
3. Бунькова Ю. В., Тамазов М. С. Идеология английских либералов рубежа XIX–XX веков: проблемы реформизма // Культура. Духовность. Общество. — 2015. — № 16. — С. 133.
4. Бут, Уильям В трущобах Англии [Текст] / Вильям Бутс ; пер. с англ. под ред. и с предисл. Р. И. Сементковского. — СПб. : издание Ф. Павленкова, 1891 (Тип. И. Г. Салова). — 340, VI с.
5. Кареев Н. И. Очерки социально-экономической истории Западной Европы в Новейшее время. Петроград. Книгоиздательство «СЕЯТЕЛЬ» Е. В. Высоцкого, 1923. — 268 с.
6. Коноплева С. В. Пенсионная реформа 1908 г. в Великобритании и источники ее финансирования // Вестник Московского университета. Серия : История. — 2013. — № 5. — С. 27, 40.
7. Кручина Н. А. Проблема пенсионного обеспечения // IMAGINES MUNDI: Альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. — 2008. — Т. 6. — № 3. — С. 374.
8. Мельников Д. А. Становление благотворительной помощи в Англии в средние века // Вестник Воронежского государственного технического университета. — 2012. — Т. 8 (10–12). С. 193.
9. Рикардо Д. Начало политической экономии и налогового обложения. Избранное / Д. Рикардо; [пер. с англ.; предисл. П. Н. Ключкина]. — М. : Эксмо, 2007. — С. 138.
10. Складорова Е. К. Пауперизм в становлении социальной политики Великобритании // Гуманитарные и юридические исследования. — 2019. — № 2. — С. 92,95.
11. Социальная история Англии / Дж. М. Тревелльян — М. : Книга по Требованию, 2012. — С. 193, 194.
12. Целых М. П. Социальная работа за рубежом: Великобритания : учеб. пособие для студ. учреждений высш. Проф. Образования / М. П. Целых. — М. : Издательский центр «Академия», 2010. 144с.

REFERENCES

1. Barlova YuE. Angliyskoe zakonodatelstvo o bednykh v xviii — pervoy polovine xix veka [English legislation on the poor in the 18th — first half of the 19th century]. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2010;3: 27 — 30 (In Russ.).
2. Barlova Yu E. Rabotnye doma v istorii angliyskoy sotsialnoy politiki [Workhouses in the history of English social policy]. *Science and School*. 2009;1: 74 (In Russ.).
3. Bunkova YuV and Tamazov MS. Ideologiya angliyskikh liberalov rubezha XIX–XX vekov: problemy reformizma [Ideology of English Liberals of the Turn of the XIX–XX Centuries: Problems of Reformism]. *Kulture. Spirituality. Society*. 2015;16: 133 (IN Russ.).
4. William BV. trushchobakh Anglii [In the Slums of England]. Trans. and edit. by R.I. Sementkovskiy. ST. Petersburg: F. Pavlenkov Publ.; 1891 (I.G. Salov Publishing House).
5. Kareev NI. Ocherki sotsialno-ekonomicheskoy istorii zapadnoy evropy v noveyshee vremya [Essays of the socio-economic history of Western Europe in Modern times]. Petrograd. V. Vysotsky book publishing house «SEYATEL»; 1923 (IN Russ.).
6. Konopleva SV. Pensionnaya reforma 1908 g. v Velikobritanii i istochniki ee finansirovaniya [Pension reform of 1908 in Great Britain and sources of its funding]. *Bulletin of Moscow University. Ser. History*. 2013;5: 27, 40 (In Russ.).
7. Kruchina NA. Problema pensionnogo obespecheniya [Problem of pension provision]. *IMAGINES MUNDI: Almanac of Studies of Universal History of the XVI–XX centuries*. 2008; 6(3): 374 (In Russ.)>
8. Melnikov DA. Stanovlenie blagotvoritelnoy pomoshchi v anglii v srednie veka [Formation of charitable assistance in England in the Middle Ages]. *Voronezh State Technical University Bulletin*. 2012; 8(10–12): 193 (In Russ.).

9. Ricardo D. Nachalo politicheskoy ekonomii i nalogovogo oblozheniya [The beginning of political economy and tax taxation]. Selected works. Trans. from English; editorial by P.I. Klyukina]. Moscow: Eksmo; 2007 (In Russ.).
10. Sklyarova E K. Pauperizm v stanovlenii sotsialnoy politiki Velikobritanii [Pauperism in the Formation of Social Policy of Great Britain]. *Humanities and Legal Studies*. 2019;2: 92.95 (In Russ.).
11. Travelian Dzh. Sotsialnaya istoriya anglii [Social History of England]. Moscow: Book on Demand; 2012 (In Russ.).
12. Tselykh MP. Ssotsialnaya rabota za rubezhom: velikobritaniya: ucheb.posobie dlya stud. uchrezhdeniy vyssh. prof. obrazovaniya [Social work abroad: Great Britain: textbook for educ. institutions of higher education]. Moscow: Publishing Center «Akademia»; 2010 (In Russ.).

HOW SANCTIONS AGAINST RUSSIAN ENTITIES IMPROVED OUR UNDERSTANDING OF THE EU SECTORAL RESTRICTIVE MEASURES

Afanasev Evgenii Gennadevich, Master's Student, 2nd year, Lomonosov Moscow State University
ul. Leninskie gory, d. 1, korp. 51, Moscow, Russia, 119991
asafrc97@gmail.com

© Afanasev E.G., 2020

Abstract. Due to the Russian-Ukrainian conflict over Crimea, the EU imposed sectoral sanctions against banking, defense, and oil industries. Major Russian corporates challenged their designation under the EU sectoral sanctions program. The article presents the analysis of this ECJ case-law over the period of the last six years. Russian entities did not succeed in the claiming, nevertheless, the legal positions from these cases are valuable for the future practice by virtue of the *res judicata*. The author highlighted the legal positions and demonstrated how they develop the EU sectoral restrictive measures' comprehension.

Keywords: law; European Union; European Court of Justice; sectoral sanctions; restrictive measures; appeal; Crimea; Russia.

КАК САНКЦИИ ПРОТИВ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ УЛУЧШИЛИ ПОНИМАНИЕ СЕКТОРАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Е. Г. Афанасьев, аспирант, Московский государственный Университет имени М. В. Ломоносова
ул. Ленинские горы, д. 1, корп. 51, Москва, Россия, 119991
asafrc97@gmail.com

Аннотация. Вследствие российско-украинского конфликта из-за Крыма ЕС ввел секторальные санкции против банковской, оборонной и нефтяной отраслей. Крупные российские корпорации оспорили свое назначение в рамках программы секторальных санкций ЕС. В статье представлен анализ данной судебной практики Европейского Суда за последние шесть лет. Российские субъекты не преуспели в иске, тем не менее правовые позиции из этих дел ценны для будущей практики в силу *res judicata*. Автор выделил правовые позиции и продемонстрировал, как они развивают понимание секторальных ограничительных мер ЕС.

Ключевые слова: право; Европейский Союз; Европейский Суд; секторальные санкции; ограничительные меры; апелляция; Крым; Россия.

1. INTRODUCTION

On September 17, 2020, the European Court of Justice (ECJ) has dismissed the Rosneft appeal challenging the General Court judgment to uphold EU sectoral sanctions. Over the period of the last six years, the ECJ disposed more than a dozen cases, whereby found sectoral restrictive measures against Russia's banking, oil, and defense sectors valid and lawful. The Court's legal positions in these cases have broadened and deepened the understanding of such a phenomenon as EU sectoral sanctions.

The phenomenon is poorly developed in both foreign and domestic legal science. A particular surge of interest occurred due to the introduction of restrictive sectoral measures related to Ukraine's crisis in 2014, which led to the publication of several works dealing with that issue. As an example, we could mention the papers of V. Voynikov¹, S. Glandin², B. Santangelo with colleagues³, a group of scientists led by F. Giumelli⁴ and some others. Nevertheless, an analysis of the EU sectoral restrictive measures regarding the ECJ legal positions formulated in the Russian legal entities' cases has not yet been carried out.

The interest in that topic is significant since the total number of EU sanctions regimes is steadily growing, which means that there will be more sectoral restrictive measures in the upcoming future. Notably, the High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy (HR/VP) noted that sectoral sanctions might be implemented against Turkey due to unauthorized drilling activities in Cyprus's continental shelf⁵. Moreover, by virtue of *res judicata*, the Russian cases' legal positions will be binding in the future practice of the ECJ. For this reason, anyone claiming against such restrictive measures should be familiar with these positions.

The sectoral sanctions were issued on July 31, 2014, by Council Decision 2014/512 / CFSP (Decision 2014/512)⁶ and EU Regulation 833/2014 (Regulation 833/2014)⁷ as a consequence of Russia's actions destabilizing the situation in Ukraine. Subsequently, the Russian legal entities challenged them in the ECJ. This paper attempts to analyze these judgments and identify legal positions affecting the understanding of EU sectoral restrictive measures.

¹ Voynikov V. V. EU restrictive measures against Russia: the legal nature and the problem of implementation. Baltic Region. 2015 ; (1): 89–100. (In Russ.). (Войников В. В. Ограничительные меры ЕС в отношении России: правовая природа и проблема имплементации. Балтийский регион. 2015 ; 1: 89–100).

² Glandin S. V. European sanctions law on the fact of the first Russian cases in the Court of the European Union. International Justice. 2017 ; (2): 80–93. (In Russ.). (Гландин С. В. Европейское санкционное право по факту первых российских дел в Суде Европейского Союза. Международное правосудие. 2017 ; 2: 80–93).

³ Santangelo B., Stein G., Prager L., Marchant N. Sanctions Update: Sectoral Sanctions Against Russia Escalate. Westlaw Journal. 2014 ; 20 (12). 1–5.

⁴ Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The when, what, where and why of European Union sanctions. European security. 2020 ; 1 — 23.

⁵ Brzozowski A., Michalopoulos S. EU to sanction Turkey's energy sector, pushes for de-escalation, EURACTIV, available at: URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/eu-to-sanction-turkeys-energy-sector-pushes-for-de-escalation/> (accessed 6 March 2021).

⁶ Council Decision 2014/512/CFSP of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (OJ L 229. 31.7.2014, P. 13–17).

⁷ Council Regulation (EU) No 833/2014 of 31 July 2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (OJ L 229. 31.7.2014, P. 1–11).

2. SECTORAL RESTRICTIVE MEASURES AS A VARIETY OF UNILATERAL SANCTIONS

2.1. Legality of Unilateral Sanctions

Sectoral restrictive measures are a type of unilateral economic sanctions. However, the concept of autonomous sanctions is controversial due to an ongoing discussion about their legality.

Some researchers believe that the introduction of unilateral restrictive measures violates the fundamental principles of international law enshrined in the UN Charter, especially sovereign equality⁸. A few opponents claim the illegality of unilateral sanctions since the UN Charter and international treaties do not contain regulations allowing their imposition⁹. Others refer to such measures' inconsistency with GATT, GATS, and documents regulating international trade law¹⁰. Moreover, there is a position stating that autonomous restrictive measures are illegal since they lead to infringement of human rights¹¹.

Proponents of the legality argue that international law lacks rules prohibiting its implementation¹². Unilateral sanctions manifest state sovereignty¹³ and do not lead to extraterritoriality; thus, they only generate legal consequences within their jurisdiction¹⁴. Some scientists point out the lack of constant and continuous protests from most states that, instead, conform to such measures rather than condemn. For example, L. Borlini and S. Silingardi insisted on the legality of the EU's unilateral restrictive measures by providing such an argument¹⁵. Moreover, they illustrated it by showing the support for such measures from the European Neighbourhood Policy and some other countries.

In this discussion, researchers representing the European Union, such as a group led by F. Giumelli, tend to claim autonomous sanctions' legality¹⁶.

2.2. European Union Legal Basis for Imposing Autonomous Sanctions

The European Union imposes unilateral economic sanctions within the Common Foreign and Security Policy (CFSP). According to Articles 29, 31 of the Treaty on European Union (TEU)¹⁷, The European Council makes decisions in the CFSP, including the ones related to the imposition of restrictive measures. Such a decision is based on a proposal from a member country or a joint proposal HR/VP and the European Commission (Commission). Subsequently, each proposal is examined by the Foreign Relations Counsellors Working Group and the Political and Security Committee, after which the Committee of Permanent

⁸ Mohamad R. Unilateral Sanctions in International Law: A Quest for Legality. *Economic Sanctions under International Law*. 2015 ; 80.

⁹ Bakhin S. V., Eremenko I. Iu. Unilateral economic «sanctions» and international law. *Law*. 2017 ; (11). 162. (In Russ.). (Бахин С. В., Еременко И. Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право. *Закон*. 2017 ; 11. 162).

¹⁰ Shevtsova L. A. Unilateral measures in terms of international law. 2018 ; 49. (In Russ.). (Шевцова Л. А. Односторонние экономические меры с точки зрения международного права. 2018 ; 49).

¹¹ Jazairy I. Unilateral Economic Sanctions, International Law, and Human Rights. *Ethics & International Affairs*. 2019 ; 33 (3). 291-302.

¹² Maleev Iu.N., Rachkov I. V., Iaryshev S. N. Sanctions in international law: no point has been put. *Moscow Journal of International Law*. 2016 ; (2). 89. (In Russ.) (Малеев Ю. Н., Рачков И. В., Ярышев С. Н. Санкции в международном праве: точка не поставлена. *Московский журнал международного права*. 2016 ; 2. 89).

¹³ Gevorgyan K. G. «Unilateral Sanctions» and International Law. *International Affairs*. 2012; (8). 94-95. (In Russ.) (Геворгян К. Г. «Односторонние санкции» и международное право. *Международная жизнь*. 2012 ; 8. 94-95).

¹⁴ Alexander K. *Economic Sanctions: Law and Public Policy*. 2009 ; 225.

¹⁵ Borlini L., Silingardi S. Defining Elements and Emerging Legal Issues of EU sanctions. *The Italian Yearbook of International Law Online* Online Publication Date: 2018 ; 27 (1). 33-52.

¹⁶ Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The when, what, where and why of European Union sanctions. *Ibid*.

¹⁷ Consolidated version of the Treaty on European Union (OJ C 326. 26.10.2012, P. 13–390).

Representatives, taking into account all comments and amendments, prepares a final proposal.

Considering Article 215 of the Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU)¹⁸, the European Council may decide to introduce any measures even the complete termination of economic relations with a third state. Besides, the authority may decide to impose targeted sanctions, i.e., against certain individuals and legal entities. Regardless of the specific restriction imposed, imposition should be based on the principles established by Article 21 TEU and adopted to achieve publicly essential goals such as promoting democracy, international law principles, preserving peace, preventing conflicts, etc.

The Council's decision (CFSP) is not a legislative act as it is addressed to member countries and does not oblige these countries' residents. Accordingly, only member states control the conformity of their national policies with the decisions.

For decisions (CFSP) on the imposition of sanctions to be implemented at the national level, the Council, guided by Articles 215, 288 TFEU, adopts regulations. The regulation is not an instrument of the CFSP; otherwise, it would be contrary to Article 31 TEU. In contrast to judgments, each regulation is mandatory and applies to individuals and legal entities, directly affecting them. They are adopted only based on a joint proposal by the HR/VP and Commission. In addition, the regulations include legal guarantees, i.e., sanctions' addressee has the right to challenge them.

2.3. Characteristic of European Union Sectoral Restrictive Measures

Many theorists emphasize two types of restrictive measures: blocking and sectoral. The blocking sanctions ban enjoyment of certain rights and interaction with the targeted addressee, whereas the sectoral ones do not have such an effect. Their goal is to reduce a business activity in some economic sectors by restricting specific transactions with persons being subject to sanctions. This comparison demonstrates less burdensome of sectoral ones. However, such an approach is appropriate to use in papers dedicated to the economic impact.

For the present research, a teleological approach is more suitable as it makes it possible to identify the differences between sectoral restrictive measures and comprehensive and targeted sanctions. The aim of introducing sectoral ones is to influence state actions through restrictions issued on critical economic sectors, including financial, military, and oil industries.

Despite the specific features, sectoral restrictions can be identified as unilateral restrictive measures. In 2016, Nils Wahl, as Advocate General of the ECJ, interpreted the term «restrictive measures» in case C-455/14 P¹⁹, based on which we can distinguish the following attributes.

- Not all acts negatively affecting the rights of persons should be considered as the autonomous restrictive measures;
- Unilateral sanctions are introduced within the CFSP;
- They are used as a reaction to state's, legal entity's, or individual's behavior that is illegal in respect of the European Union;
- These measures are aimed at encouraging the subject committing illegal actions to stop or alter them;
- The nature of unilateral sanctions is similar to the punishment since, in both cases, an addressee could not enjoy the rights;
- The list of measures is broad, including diplomatic, financial, economic, trade, and travel restrictions.

In addition to the above, several features should be added considering the Sanctions Guidelines approved by the Council²⁰. Firstly, autonomous sanctions must be imposed pursuant to Article 21 TEU. Secondly, they are temporary and subject to review.

All of these features lie in the definition of sectoral sanctions.

¹⁸ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union (OJ C 326. 26.10.2012, P. 47–390).

¹⁹ Opinion in Case C-455/14 H P ECLI:EU:C:2016:212, para 73-80.

²⁰ Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy (doc. 5664/18).

3. SECTORAL RESTRICTIVE MEASURES AGAINST THE RUSSIAN ENTITIES DUE TO THE DESTABILISATION OF UKRAINE

The emergence of the separate EU sanctions program against Russia was due to Crimea's entry into Russia in March 2014. According to the United Nations General Assembly Resolution 68/262²¹, Crimea is an administrative-territorial unit of Ukraine and was annexed by Russia. The Russian Federation was accused of violating international law's fundamental principles such as sovereign equality, territorial integrity, and non-intervention in internal affairs. This resolution was voted for by hundred States and recognized the Crimean referendum as devoid of legal force.

At this time, the Security Council has met several times to adopt an official resolution condemning the Russian Federation's actions to violate Ukraine's territorial integrity. However, as a permanent member, Russia vetoed each attempt²². As a response, the Russian official representatives continued to declare realization of the right to self-determination in accordance with the UN Charter, the United Nations International Covenant of Civil and Political Rights²³, and the Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States²⁴. In addition, they referred to the Advisory Opinion of the International Court of Justice (ICJ) on the Kosovo case²⁵ and the contradictory behavior of Western States in the same situation²⁶.

The whole international community condemned Russia's behavior. The States, such as Australia, Canada, Japan, Switzerland, the United States, and many others have adopted unilateral restrictive measures based on domestic legislation²⁷.

Before the European Council issued sanctions, the member states' Heads of State and Government had called a few times for a peaceful settlement of the Russian-Ukrainian dispute over Crimea. On March 17, 2014, the Council adopted the first sanctions acts concerning Ukraine's situation, specifically Council Decision 2014/145 /CFSP²⁸ (Decision 2014/145) and EU Regulation 269/2014²⁹ (Regulation 269/2014). According to the Decision 2014/145 preamble, the Russian Federation's actions were contrary to international law's fundamental principles enshrined in Ukraine's UN Charter and domestic legislation.

²¹ UN General Assembly Resolution 68/262, Territorial Integrity of Ukraine, A/RES/68/262.

²² Security Council Draft Resolution. Territorial Integrity of Ukraine. S/2014/189.

²³ The United Nations General Assembly (1966) International Covenant on Civil and Political Rights. Treaty Series, 999, 171.

²⁴ The United Nations General Assembly (1970) Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations. A/RES/2625(XXV)

²⁵ Accordance with International Law of the Unilateral Declaration of Independence in Respect of Kosovo, ICJ Advisory Opinion of 22 July 2010, General List No 141.

²⁶ Legal aspects of the entry of Crimea into the Russian Federation, Russian Embassy in the Czech Republic, available at: URL: <https://czech.mid.ru/pravovye-aspekty-vhozdenia-respubliki-krym-v-sostav-rossijskoj-federacii> (accessed 8 March 2021). (In Russ.). Правовые аспекты вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации. Посольство Российской Федерации в Чешской Республике, доступ по ссылке: URL: <https://czech.mid.ru/pravovye-aspekty-vhozdenia-respubliki-krym-v-sostav-rossijskoj-federacii> (дата доступа 8 марта 2021 года).

²⁷ Timeline of the imposition of sanctions and Russia's response in 2014-2015, RIA, available at: URL: <https://ria.ru/20151125/1328470681.html> (accessed 9 March 2021). Хронология введения санкций и ответные меры России в 2014–2015 годах. РИА Новости, доступ по ссылке: URL: <https://ria.ru/20151125/1328470681.html> (дата доступа 9 марта 2021 года).

²⁸ Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine (OJ L 78. 17.3.2014, P. 16–21).

²⁹ Council Regulation (EU) No 269/2014 of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine (OJ L 78. 17.3.2014, P. 6–15).

Subsequently, the situation worsened due to the conflict in Eastern Ukraine, during which self-proclaimed republics, specifically the Donetsk People's Republic and Lugansk People's Republic, appeared. Another reason — the Boeing 777 crashed in the Donetsk region. After that, some EU institutions stated that the Russian Federation supported the self-proclaimed republics, provided weapons, and military equipment for rebels. Moreover, in their opinion, the divisions of Russian armed forces were located in the Donetsk and Lugansk regions. All this led to the EU Council adopting Decision 2014/512 and Regulation 833/2014, which served as the basis for introducing sectoral sanctions against Russia.

The sectoral sanctions were applied to the Russian economy's banking, defense, and oil industries. Such restrictions affected Sberbank, VTB, Vnesheconombank (VEB), Gazprom Neft, and other Russian legal entities as well as their foreign subsidiaries such as DenizBank.

The Council formulated two goals of introducing sectoral restrictive measures. Firstly, to increase the Russian Federation's costs for continuing its destabilization policy in Ukraine. Secondly, the sanctions should facilitate the peaceful resolution of the conflict in Eastern Ukraine.

For convenience, further research of restrictions will be divided into sectors.

3.1. Banking Sector

In accordance with Regulation 833/2014, the following items were prohibited:

The maturity period for brokerage, sell, purchase, and other operations with transferable securities and money-market instruments was set within 90 days.

These restrictions affected entities included in the sanctions list and enterprises in which the designated entities owned more than 50 % shares. Besides, companies acting on behalf of the persons were sanctioned. The sanctions list included Gazprombank Rosselkhozbank, Sberbank, VEB, and VTB.

In September 2014, EU Regulation 960/2014³⁰ (Regulation 960/2014) was adopted, which amended Regulation 833/2014.

The number of restrictions in the banking sector was exposed:

- The maturity period for operations with transferable securities and money-market instruments has been reduced to 30 days;
- A ban on providing loans or credits with a maturity exceeding 30 days.

The second time Regulation 833/2014 was amended by adopting EU Regulation 1290/2014³¹ (Regulation 1290/2014). However, it provides only a few exceptions to the restrictions imposed on the banking sector.

3.2. Oil Sector

Initially, the Annexes to Regulation 833/2014 specified only the names of banks. Subsequently, Regulation 960/2014 included representatives of the gas sector: Gazprom Neft, Rosneft, and Transneft.

The following restriction was imposed:

The maturity period for brokerage, sell, purchase, and other operations with transferable securities and money-market instruments was set within 30 days.

Regulation 833/2014 prohibited exports, sales, supplies, or transfers of listed technologies that could be used for deep-water, Arctic oil, and shale projects. This ban was not related to the designated oil entities; however, they were primarily concerned, given the business interests. Afterwards, Regulation 960/2014 expanded this measure by prohibiting several services due to the projects.

Regulation 1290/2014 also introduced changes. The sales, supplies, transfers, or exports of listed were prohibited if they could be used in the following projects:

³⁰ Council Regulation (EU) No 960/2014 of 8 September 2014 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine (OJ L 271. 12.9.2014, P. 3–7).

³¹ Council Regulation (EU) No 1290/2014 of 4 December 2014 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine, and amending Regulation (EU) No 960/2014 amending Regulation (EU) No 833/2014 (OJ L 349. 5.12.2014, P. 20–24).

- oil exploration and production in waters on the territory of Russia, including its Exclusive Economic Zone and Continental Shelf, which are carried out deeper than 150 meters;
- oil exploration and production in the North of the Arctic Circle;
- oil exploration and production through hydraulic fracturing of shale formations on the Russian territory.

Furthermore, the Council modified several positions of prohibited technologies included in the second Annex.

3.3. Defense Sector

Specific defense sector representatives were included in the annexes to Regulation 960/2014. The most well-known Russian addressees were Kalashnikov Concern, Concern VKO «Almaz-Antey» (Almaz-Antey), and Tula Arms Plant, nevertheless, the list is not limited to these enterprises.

Regulation 833/2014 established a ban on the export, sale, supply, and transfer of goods and technologies used for military purposes as well as dual-use ones. After adopting Regulation 960/2014, this restriction should be applied only to Russian defense enterprises in the sanctions list. Additionally, Almaz-Antey and other addressees were limited in:

- Technical assistance and other services for the provision, production, and maintenance of the designated goods and technologies;
- Financial assistance related to the designated goods and technologies.

Regulation 1290/2014 did not provide additional restrictive measures on the defense sector.

The introduction of sectoral sanctions affected the Russian legal corporates, therefore they claimed to the General Court to recognize the imposition of the restrictive measures as illegal.

4. THE EUROPEAN UNION LEGAL BASIS FOR CLAIMS IN REGARD TO THE SECTORAL RESTRICTIVE MEASURES

Within the European Union, there is a judicial procedure for appealing EU institutions' acts, including the Council's, which can be used by foreign natural and legal persons.

The judicial procedure is regulated by Articles 263 and 275 TFEU. These provisions correspond to the right to an effective remedy and a fair trial enshrined in Article 47 of the Charter of Fundamental Rights of the European Union³² (Charter) and Article 6 of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms³³ (ECHR).

The TFEU articles stipulate that the ECJ checks the legality of EU institutions' normative acts. Applicants must apply to the ECJ within two months of the measure's publication in the European Union's Official Journal. Article 263 TFEU provides grounds for declaring the act unlawful. The grounds contain a lack of competence, misuse of powers, violation of the application rules, infringement of a significant procedural requirement. The ECJ does not have the power to control CFSP acts as a whole, but it can declare the challenged act unlawful towards the applicant. This decision will not affect other persons who are subject to restrictive measures.

Within the two months, eight Russian legal entities applied to the ECJ to cancel EU sanctions acts in the part which affected them. The following applicants filed the lawsuits: Almaz-Antey, Gazpromneft, Rosneft, Sberbank, VEB, VTB, and foreign subsidiaries of Russian banks — DenizBank (Turkey) and Proinvestbank (Ukraine).

Rosneft did not limit itself to one trial and applied to the High Court of Justice (England & Wales), claiming the United Kingdom's acts on implementing sanctions regulation³⁴. This

³² Charter of Fundamental Rights of the European Union (OJ C 326. 26.10.2012, P. 391–407).

³³ Council of Europe. (1950). Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. In Council of Europe Treaty Series 005.

³⁴ R (OJSC Rosneft Oil Company) v Her Majesty's Treasury and ors [2015] EWHC 248 (Admin).

case ended up in the ECJ as a preliminary ruling request under Article 267 TFEU³⁵. After that, the ECJ suspended Russian sectoral cases until the Grand Chamber issued a judgment.

5. JUDGMENT IN CASE C-72/15

By virtue of *res judicata*, the judgment in case C-72/15 (Judgment) became a key for sectoral cases. *Res judicata*, according to the former Advocate General of the ECJ, Jan Mazak, should be understood as a principle that prevents a second trial over the same issue or dispute³⁶. Its effect is caused by the requirement to create legal certainty and uniformity of judicial practice. This leads the ECJ to consider itself bound by legal positions in similar cases.

As already mentioned, Rosneft claimed to the High Court of Justice. Afterwards, the Court handed it over as a preliminary request under Article 267 TFEU. The purpose of prejudicial jurisdiction is that an international Court responds to a national Court request requiring an authoritative assessment of how to apply legislation in a particular case. Prejudicial jurisdiction should be distinguished from advisory jurisdiction, whereas the latter involves the preparation of opinions at the request of States or international organizations concerning the interpretation and application of international legal norms. Additionally, advisory opinions are consultary, while prejudicial acts are mandatory for national judicial institutions.

In accordance with Article 267 TFEU, any jurisdictional authority of an EU member country can submit a request for the preliminary ruling if it is necessary for resolving. In respect of submitting, the ECJ is entitled to interpret the provisions of TEU, TFEU, Charter, and other EU institutions' acts.

As the preliminary request, the High Court of Justice raised succeeding questions:

- Whether the ECJ has the competence to make preliminary rulings in respect of sectoral sanctions lawsuits;
- Whether certain provisions of the sectoral acts challenged by Rosneft are unlawful. If they are legal, whether the contested provisions violate the principle of legal certainty and *nulla poena sine lege certa*;
- Interpretation of specific terms, especially «financial assistance», «shale», and «waters deeper than 150 meters».

Under Article 96 of the Rules of Procedure of the Court of Justice³⁷, the parties to the main proceedings are entitled to submit their arguments. Rosneft used this right, but the lawyers representing the Russian legal corporate did not take into account that the preliminary judgment did not intend to resolve the case.

Without having in mind the nature of the prejudicial ruling, Rosneft provided the following tenets:

- the contested sanctions acts are incompatible with the EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement (1994)³⁸;
- in accordance with Article 296 TFEU, the Council did not correctly state the reasons on which inclusion of Rosneft in the sanctions list is based;
- the Council misused the power because sanctions do not comply with the principle of equal treatment;

³⁵ Case C-72/15 PJSC Rosneft Oil Company v Her Majesty's Treasury and others. Judgment of 28 March 2017.

³⁶ Opinion in Case C-2/08 ECLI:EU:C:2009:180 par.63.

³⁷ Rules of Procedure of the Court of Justice of 25 September 2012 (OJ L 265. 29.9.2012, P. 1–41), as amended on 18 June 2013 (OJ L 173. 26.6.2013, P. 65) and on 19 July 2016 (OJ L 217. 12.8.2016, P. 69).

³⁸ Agreement on partnership and cooperation establishing a partnership between the European Communities and their Member States, of one part, and the Russian Federation, of the other part — Protocol 1 on the establishment of a coal and steel contact group — Protocol 2 on mutual administrative assistance for the correct application of customs legislation — Final Act — Exchanges of letters — Minutes of signing (OJ L 327. 28.11.1997, P. 3–69).

- the contested sanctions acts violate the right to property and freedom to conduct a business guaranteed by the Charter;
- the contested sanctions acts infringe right to an effective remedy and to a fair trial guaranteed by the Charter;
- the contested sanctions acts are internally contradictory and inconsistent;
- the contested sanctions acts are contrary to the principle of legal certainty and *nulla poena sine lege certa*.

On March 28, 2017, the Grand Chamber of the ECJ issued a Judgment. The Chamber formulated the subsequent positions, which were repeated time and again in Russian legal corporates' cases.

1. Pursuant to Articles 19, 24, 40 TEU and Articles 267 and 275 TFEU, the ECJ has the competence to issue prejudicial rulings towards decisions (CFSP). However, it is required that the jurisdictional authority of a member state make a preliminary request related to the verification of compliance with Article 40 TEU or aimed at considering the legality of restrictive measures against persons;

2. EU constituent documents provide for the possibility of complete economic and financial relations termination with third countries or their residents. Thus, EU sectoral restrictive measures related to Russian entities are lawful. However, they should be adopted within granted competence with considering adoption procedure;

3. In accordance with Articles 3, 21, 24, 29, 31 TEU, the Council has broad discretion in determining imposed restrictive measures and persons to be put on the sanctions list. Nevertheless, they should provide validity and expediency; otherwise, the principle of equal treatment will suffer;

4. The Court confirmed that restrictive measures, including sectoral ones, are administered by two acts: decision and regulation. Decisions apply to States, while regulations are addressed to persons. The latter is aimed at implementing restrictive measures at the Union level;

5. Imposed sectoral measures are not directed against specific individuals and legal entities. In other words, sanctions are issued by non-individual normative acts and based on objective criteria;

6. Article 99 of the EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement confirm the legitimacy of sectoral restrictions as long as their introduction ensures the security of the Union and maintenance of international peace;

7. The Council identified the following restrictive measures objectives:
- To increase the Russian Federation's costs of actions undermining the territorial integrity, sovereignty, and independence of Ukraine;
 - To promote a peaceful resolution of the conflict in Eastern Ukraine.

These goals correlate with Article 21 TEU because sectoral sanctions seek to preserve peace, strengthen international security, and comply with fundamental principles of international law;

8. Depending on the imposed restrictions, the degree of their justification is determined. If non-individual measures are introduced, it is sufficient for the Council to indicate the situation that led to implementing the restrictions and the goal pursued. Individualized restrictions should also be justified by providing evidence known to the authority being the basis for implementing sanctions against the addressee;

9. Article 296 TFEU requires that the justification for sanctions should be clear and unambiguous. However, it is necessary to consider the nature of the restriction, as mentioned above, and the context of adopting measures. The Council is not required to disclose all factual and legal circumstances surrounding the sanction's adoption;

10. Council' misuse of powers is established on the basis of objective, relevant and consistent evidence that confirm procedural infringements when deciding on restrictions imposition for purposes other than those indicated;

11. In accordance with Article 215 TFEU, the provisions of regulations must be interpreted in terms of the decision (CFSP). Such an approach will eliminate possible misinterpretations between these two acts;

12. Right to property and freedom to conduct a business is not absolute, and they could be restricted. These limitations should meet the subsequent criteria: legality, proportionality, acceptable interference, and pursued publicly significant goal (Article 21 TEU);

13. The principle of legal certainty and *nulla poena sine lege certa* do not contradict the establishment of criminal liability by member countries for violation of restrictions to ensure its effective implementation.

Thus, the Grand Chamber answered the High Court of Justice's questions and replied to Rosneft's arguments. They formulated several legal positions that affected all claiming Russian legal corporates. In the main Rosneft's proceeding, the ECJ stated it was impossible to ignore legal positions from Judgment as far as the legal issues under consideration were similar³⁹. Besides, the General Court emphasized that the Grand Chamber had a clear intention to draw out stable positions for future proceedings.

6. GENERAL COURTS' JUDGMENTS ON SECTORAL CASES

Eight legal corporates that were subject to sectoral restrictions submitted suits to the General Court. They claimed to the Council's acts that issued sectoral sanctions. Each of the applicants can be attributed to one of the subsequent sectors: banking, oil, and defense. For convenience, this paragraph will be divided according to the designated sectors.

All the Russian legal entities' submissions were admissible, so we will not return to this issue in the future.

6.1. Banking Sector

Sberbank⁴⁰, VEB⁴¹, VTB⁴², and their foreign subsidiaries — DenizBank (Turkey)⁴³ and Proiminvestbank (Ukraine)⁴⁴ — used the right to claim the restrictive measures.

Each applicant put forward a different number of arguments; however, all tenets can be stated as follows:

- The Council violated its obligation to state the reasons behind the inclusion of applicants in the sanctions list;
- The Council misused its powers because they had errored in assessing the applicants as persons who destabilize the situation in Ukraine;
- The applicants' right to an effective remedy and a fair trial was violated;
- The applicants' rights guaranteed by Articles 16 and 17 Charter and Article 1 of Protocol 1 to the ECHR are infringed;
- Restrictive measures against applicants are not necessary to achieve the goal of increasing the Russian Federation's costs in connection with the situation in Ukraine;
- The Council abused its powers by specifying the purpose of introducing restrictive measures that does not correspond to the actual one;
- The principle of equal treatment in respect of the applicants has been infringed;
- The introduction of sanctions contradicts the Agreement Creating An Association Between The Republic of Turkey and the European Economic Community (1963)⁴⁵ and its Additional Protocol (1970)⁴⁶.

³⁹ T-715/14 Rosneft and Others v Council. Judgment of 13 September 2018.

⁴⁰ T-732/14 Sberbank of Russia v Council. Action brought on 23 October 2014.

⁴¹ T-737/14 Vnesheconombank v Council. Action brought on 24 October 2014.

⁴² T-734/14 VTB Bank v Council. Action brought on 24 October 2014.

⁴³ T-798/14 DenizBank v Council. Action brought on 5 December 2014.

⁴⁴ T-739/14 PSC Prominvestbank v Council. Action brought on 24 October 2014.

⁴⁵ 64/732/EEC: Council Decision of 23 December 1963 on the conclusion of the Agreement establishing an Association between the European Economic Community and Turkey (OJ 217, 29.12.1964, P. 3685–3686).

⁴⁶ Additional Protocol and Financial Protocol signed on 23 November 1970, annexed to the Agreement establishing the Association between the European Economic Community and Turkey and on measures to be taken for their entry into force — Final Act — Declarations (OJ L 293, 29.12.1972, P. 3–56).

None of these arguments were successful. The General Court rejected them based on the following legal positions⁴⁷:

1. The contested sectoral restrictions were derived from the Russian Federation's actions destabilizing Ukraine's situation. The purpose of sanctions implementation is to increase Russia's costs for actions that violate international law's fundamental principles and to promote a peaceful settlement of the conflict in Eastern Ukraine. The companies are primarily owned by the Russian government; therefore, the reasons for including their names in the sanctions list must be evident;

2. Decision 2014/512 and Regulation 833/2014 provisions are interpreted uniformly, for this reason, textual contradictions referred by the applicants have no legal significance;

3. An infringement of the applicants' right to an effective remedy and a fair trial may terminate the normative legal act only if such violation leads to a divergent Court decision. The banks exercised their right without any limitations because they did not provide evidence to the contrary. For example, VTB could not prove that the absence of individual addressee notification violates the right to an effective remedy and a fair trial. In another instance, Denizbank referred to the requirement to inform about the blocking of assets; nonetheless, the General Court did not support this argument due to a lack of relevant evidence.

4. Article 52 Charter may restrict the right to property and freedom to conduct a business. There is a causal relationship between the measure and the goals pursued by their introduction. The goals declared by the Council are publically significant and therefore comply with Article 21 TEU. At the same time, the established sanctions did not lead to damage to the essence of the rights;

5. Unilateral restrictive measures are a legitimate way of exerting pressure on the Russian Federation to promote the principles in accordance with Article 21 TEU. The applicants did not provide evidence to the contrary;

6. The principle of equal treatment prohibits discrimination in comparable situations. Given the purposes of the restrictive measures and the Council's discretion, the applicants were not discriminated;

7. The principle of proportionality requires that EU restrictive measures be appropriate, necessary to achieve publicly essential goals, and do not go beyond them. Having this in mind, the Council has broad discretion towards imposing unilateral sanctions. The proportionality could be violated if the chosen measure is inappropriate, given the intended purpose. In this connection, applicants should prove the inconsistency of the measures.

8. Influence on subsidiaries contributes to achieving the goals of the imposed restrictive measures. For example, VEB suffers a financial loss because of its Ukrainian subsidiary, Prominvestbank. Such a situation increases the Russian Federation's costs due to Ukraine's situation because Vnesheconombank is a state-owned company. Moreover, restrictions on subsidiaries were not assessed by the General Court as clearly inappropriate;

9. The introduction of restrictive measures contradicts the Agreement Creating An Association Between The Republic of Turkey and the European Economic Community, and its Additional Protocol is an integral part of EU law. This international treaty takes precedence over secondary EU law, notwithstanding it must comply with primary law. Considering Articles 29 TEU and 215 TFEU, even the absence of an explicit provision in the international treaty on the possibility of imposing restrictive measures does not prevent their adoption by the Council. Such restrictions must be non-discriminatory, proportionate, and in line with the publicly significant objectives (Article 21 TEU).

It should be noted that VEB is the single Russian applicant who has tried to obtain interim measures from the ECJ⁴⁸. However, the authority, guided by Articles 256, 278, 279 TFEU,

⁴⁷ See: T-732/14 Sberbank of Russia v Council, T-734/14 VTB Bank v Council, T-737/14 Vnesheconombank v Council, T-739/14 PSC Prominvestbank v Council, T-798/14 DenizBank v Council. Judgments of 13 September 2018.

⁴⁸ T-737/14 Vnesheconombank v Council. Order of the President of the General Court of 28 September 2017.

refused to establish them, since the corporate did not prove urgency, severe and irreparable damage the Bank will be subject to if the requested interim measures are not taken.

6.2. Oil Sector

Gazprom Neft⁴⁹ and Rosneft⁵⁰ filed lawsuits challenging the restrictive sectoral measures. Moreover, Gazprom Neft filed the Court's office accepted two applications, one of them on October 24, 2014, and the second — on December 5, 2014⁵¹. Afterward, based on Gazprom Neft's application, the General Court merged two proceedings.

The arguments presented by Rosneft were indicated earlier in relation to the preliminary ruling. Gazprom Neft stated the subsequent arguments:

- The Council violated its obligation to state the reasons behind the inclusion of applicants in the sanctions list;
- The Council misused its power because they had erred in assessing the applicants as persons who destabilize the situation in Ukraine;
- The introduction of restrictive measures contradicts to the EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement;
- The principle of proportionality was infringed by the Council.

As in the banking sector, the Russian oil companies' arguments were rejected by the General Court. In most cases, they disagreed with the arguments concerning the legal positions from Judgment. In order not to repeat the previously outlined legal positions, the other ones could be highlighted⁵²:

1. Sectoral sanctions are not inconsistent with the General Agreement on Trade in Services (1994)⁵³; particularly, the Council may impose sanctions for security purposes under Article XIV bis. This shall apply to the General Agreement on Tariffs and Trade (1994)⁵⁴ because Article XXI establishes the same mechanism;

2. Reasons' accuracy, technical capabilities, and timing must be considered for determining whether the Council has adequately fulfilled its duty to state reasons. Such an explanation should be viewed in addition to an understanding of context and the objectives being pursued;

3. Sectoral sanctions are imposed against significant sectors of the state's economy. Any measures directed against them are reasonable, as far as the state's costs increase;

4. The introduction of restrictions on state-owned enterprises (more than 50 % of shares) can not be regarded as clearly inappropriate because of such companies' economic importance. They lack an established legally significant connection between Russian companies and state actions towards Ukraine's crisis.

5. Restrictions on access to the financial market are aimed, among other things, at industries' future revenues. It also meets the goal of increasing the Russian costs on destabilizing the situation in Ukraine;

6. EU unilateral restrictive measures, including the sectoral ones, can be imposed by the Council and do not call for approval by the UN Security Council. The sanctions imposed by the EU are autonomous and independent. Thus, they differ from the international sanctions provided by Article 41 of the UN Charter;

7. The ECJ judicial control over sanctions acts is limited to check:

- the established procedure;
- whether motives are justified properly;
- whether the decisions are relevant to the actual circumstances;
- whether abuse of power took place.

⁴⁹ T-735/14 Gazprom Neft v Council. Action brought on 24 October 2014.

⁵⁰ T-715/14 Rosneft and Others v Council. Action brought on 9 October 2014.

⁵¹ T-799/14 Gazprom Neft v Council. Action brought on 5 December 2014.

⁵² See: T-715/14 Rosneft and Others v Council, T-735/14 Gazprom Neft v Council. Judgments of 13 September 2018.

⁵³ GATS: General Agreement on Trade in Services, Apr. 15, 1994, Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, Annex 1B, 1869 U.N.T.S. 183, 33 I.L.M. 1167.

⁵⁴ GATT 1994: General Agreement on Tariffs and Trade 1994, Apr. 15, 1994, Marrakesh Agreement Establishing the World Trade Organization, Annex 1A, 1867 U.N.T.S. 187, 33 I.L.M. 1153.

6.3. Defense Sector

Even though about ten defense companies were on the sanctions list, only Almaz-Antey claimed the sectoral restrictive measures⁵⁵. However, this case was not the first for them because they challenged unilateral sanctions established by the acts that amended Decision 2014/145 and Regulation 269/2014. On January 25, 2017, the General Court published the decision, in which it confirmed the validity of autonomous restrictions towards the applicant⁵⁶. Therefore, Almaz-Antey did not limit itself to a single trial and submitted a lawsuit about the unlawful nature of sectoral sanctions regarding them.

Almaz-Antey's representatives stated three arguments previously mentioned regarding the above cases:

- The Council misused its powers because they had erred in assessing the applicants as persons who destabilize the situation in Ukraine;
- The applicants' rights guaranteed by Articles 16 and 17 Charter are infringed;
- The Council infringed the principle of proportionality.

Indeed, most conclusions of the General Court were based on the already mentioned legal positions; however, some others can be identified⁵⁷:

1. Restrictive measures, including sectoral ones, have consequences not only for the persons included in the sanctions list since they can harm those who are not responsible for the situation that led to the adoption of restrictive measures. Such a situation is legitimate due to the achievement of publically significant objectives provided by Article 21 TEU.

2. The applicant's right to an effective remedy and a fair trial does not mean that the Council is obligated to grant access to all non-confidential materials related to the challenged restrictive measure without a request from the applicant. At the applicant's request, the materials must be sent within a reasonable time and be sufficient; otherwise, the addressee's right would be violated;

3. The purpose of restrictive measures is not to punish listed Russian persons or hold them liable.

7. ECJ JUDGMENTS ON SECTORAL CASES

Of the eight enterprises that challenged the sectoral sanctions, only three used the right to appeal against the General Court judgment. The Rosneft and VEB immediately announced their intention to enjoy this opportunity. For example, a representative of the oil company mentioned: *«Although the company's convincing argument for the sanctions measures illegality presented in the General Court was ignored, Rosneft will continue to consistently protect the interests of its shareholders from the influence of illegal unilateral sanctions...»*⁵⁸. In contrast, VTB did not publish any statement. Nevertheless, these legal persons appealed following the established procedure and in compliance with stipulated timing.

7.1. Banking Sector

As already mentioned, VEB⁵⁹ and VTB⁶⁰ claimed the General Court's judgments. The banks stated that the following conclusions of the jurisdictional authority were erroneous:

- Applicants meet the criteria for inclusion in the sanctions list;
- The VTB inclusion in the sanctions list is proportional and corresponds to the goals set by the Council;

⁵⁵ T-515/15 Almaz-Antey v Council. Action brought on 1 September 2015.

⁵⁶ T-255/15 Almaz-Antey v Council. Judgment of 25 January 2017.

⁵⁷ T-515/15 Almaz-Antey v Council. Judgment of 13 September 2018.

⁵⁸ The EU Court rejects the claims of the Russian companies on the groundlessness of the sanctions, Interfax, available at: URL: <https://www.interfax.ru/world/629128> (accessed 8 October 2020) (In Russ.) (Суд ЕС отклонил иски компаний РФ о необоснованности санкций, Интерфакс, доступ по ссылке: URL: <https://www.interfax.ru/world/629128> (дата доступа 8 октября 2020 года)).

⁵⁹ C-731/18 P Vnesheconombank v Council. Appeal brought on 23 November 2018.

⁶⁰ C-729/18 P VTB Bank v Council. Appeal brought on 23 November 2018.

- The rights guaranteed by Articles 16 and 17 Charter have not been violated. The intervention was proportionate;
- The Council has fulfilled its duty to explain the reasons for the imposition of restrictive measures;
- The applicant's right to an effective remedy and a fair trial was respected.

In many respects, these applicants' arguments turned out to be a continuation of the unsuccessful tenets used. In this regard, the appellate body exercised the formed legal positions, especially those fixed by the Judgment. Nevertheless, certain conclusions of the ECJ require our attention⁶¹:

1. Different wording of the provisions in decisions and regulations does not violate the principle of legal certainty. A uniform understanding, including of terms, is achieved by interpreting regulations through the decisions;
2. In the scope of Russian sectoral restrictions, objectives do not include the withdrawal of troops from Ukraine regions, the suspension of military equipment and technology supplies to the self-proclaimed republics;
3. The reference to the Bank's shareholders and clients costs, including foreign ones, is irrelevant because the unilateral sanctions are aimed at achieving publically significant objectives;
4. The Council should only prove that it is reasonably possible to alter the state's actions by introducing sectoral restrictions. No one has the right to require them to provide evidence of actual achievement of these goals;
5. An applicant who refers to available alternative measures that could replace the imposed sanctions must provide clear and accurate evidence. For instance, the ECJ rejected VTB's argument about alternative measures based on lack of proofs;
6. Banking and oil industries are the vital economic sectors of the Russian Federation. This fact leads to similar conditions in which these industries exist. In this connection, legal positions from one sector could be applied to both.

The lack of previous successful case-law contributed to the refusals to the banks. The decisions were left unchanged by appeal.

7.2. Oil Sector

The oil sector was represented only by Rosneft in the ECJ appeal⁶². The oil company challenged the General Court's judgment and provided the following tenets:

- The General Court erred considering that the Council had adequately fulfilled its duty to justify export restrictions;
- The General Court erred when considering that the Council had adequately fulfilled its duty to justify restrictions on access to the financial market;
- There is no causal relationship between the restrictive measures imposed on the oil industry and the goals pursued by such sanctions;
- Export restrictions violate the right to property and freedom to conduct a business;
- The ban on meeting the requirements of sanctioned individuals violates the right to property;
- Restrictions on access to the financial market violate to conduct a business;
- Export restrictions and restrictions on access to the financial market infringe the EU-Russia Partnership and Cooperation Agreement, and the provisions of the GATT as well.

The following legal positions should be highlighted⁶³:

1. Restrictive measures are introduced by non-individual normative acts that are aimed, among others, at the Russian oil industry. The number of legal persons that are subject to restrictions may be small due to the characteristics of the selected economic sector;
2. The ban on meeting the requirements of sanctioned individuals is proportionate to the imposed restrictions because it facilitates their effectiveness and contributes to the achievement of the goals;

⁶¹ See: C-729/18 P VTB Bank v Council, C-731/18 P Vnesheconombank v Council. Judgments of 25 June 2020.

⁶² C-732/18 P Rosneft e.a v Council. Appeal brought on 23 November 2018.

⁶³ C-732/18 P Rosneft e.a v Council. Judgment of 17 September 2020.

3. Case law establishes that the General Court's arguments may be implied if interested persons are not deprived of the right to determine why the authority did not support their arguments.

The ECJ appeal rejected all seven arguments put forward by Rosneft to challenge the first judgment. The applicant did not offer new arguments, thus, the result was inevitable.

8. CONCLUSION

Russian legal entities and their subsidiaries did not succeed in their delisting. The applicants' arguments often duplicated each other and were rejected by the General Court and the ECJ with reference to Judgment and other relevant practice — Amazon EU C-649/17, Islamic Republic of Iran Shipping Lines and Others C 225/17 P, HX v Council C 540/18 P, Melli Bank v Council C 380/09 P. Having in mind that the applicants had exhausted the judicial mechanism, all challenged judgments entered into legal force. At the same time, the acts studied in this paper allow us to formulate theoretical conclusions about European Union sectoral restrictive measures:

- Restrictive measures are introduced and applied lawfully, including their sectoral variety;
- Sectoral sanctions are imposed against significant sectors of the state's economy to change its actions;
- This type of restrictive measures does not need to be approved by the UN Security Council;
- EU international treaties should not contradict primary law; therefore, the lack of an explicit provision in an international treaty on the possibility of introducing sectoral restrictive measures does not prevent their adoption;
- The imposition of such sanctions has a publicly significant objective, which is set out in Article 21 TEU;
- The purpose of EU restrictions is not to punish;
- The Council should only prove that it is reasonably possible to change the state's course of actions when introducing sectoral restrictions;
- The Council has discretion in determining the restrictive measures to be imposed and the addressee of sanctions;
- The influence on subsidiaries of persons included in the sanctions list contributes to the achievement of the goals;
- Restrictions on state-owned enterprises are legitimate. They are not inappropriate because of its importance to the country's economy;
- Sectoral sanctions have negative consequences, not only for legal persons in the sanctions list. This situation is legitimate due to the achievement of publicly significant objectives provided in Article 21 TEU;
- The disproportionality of sectoral sanctions will be established if they do not meet the goals;
- EU sectoral sanctions addressee, based on the international context, can understand the reasons and justification for restrictions;
- Presumption of context-knowledge towards the state-owned companies;
- The non-involvement of persons included in the sectoral list in the policy of the state whose course of actions the EU is trying to change does not have legal significance;
- Right to property, freedom to conduct a business, right to an effective remedy, and a fair trial are not infringed with unilateral sanctions if several conditions are met;
- Legal entities have the right to claim sectoral sanctions in the General Court and the ECJ;
- The ECJ judicial control over sanctions acts is limited to checking compliance with procedures, whether the limitations' motivation is adequately justified and the decisions are relevant to the actual circumstances; and the absence of an abuse of power.

Under *res judicata*, the designated legal positions formulated by the General Court and the ECJ in reviewed cases will be necessary for understanding the phenomenon of EU sectoral restrictive measures.

REFERENCES

1. Alexander K. Economic Sanctions: Law and Public Policy. 2009; 377 p.
2. Bakhin S. V., Eremenko I. Yu. Unilateral economic «sanctions» and international law. Law. 2017; (11). 162–175. (In Russ.). (Бахин С. В., Еременко И. Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право. Закон. 2017; 11. 162–175).
3. Borlini L., Silingardi S. Defining Elements and Emerging Legal Issues of EU sanctions. The Italian Yearbook of International Law Online Online Publication Date: 2018; 27 (1). 33–52.
4. Gevorgyan K.G. «Unilateral Sanctions» and International Law. International Affairs. 2012; (8). 93–104. (In Russ.) (Геворгян К.Г. «Односторонние санкции» и международное право. Международная жизнь. 2012; 8. 93–104).
5. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The when, what, where and why of European Union sanctions. European security. 2020; 1–23.
6. Glandin S.V. European sanctions law on the fact of the first Russian cases in the Court of the European Union. International Justice. 2017; (2): 80–93. (In Russ.). (Гландин С.В. Европейское санкционное право по факту первых российских дел в Суде Европейского Союза. Международное правосудие. 2017; 2: 80–93).
7. Jazairy I. Unilateral Economic Sanctions, International Law, and Human Rights. Ethics & International Affairs. 2019; 33 (3). 291–302.
8. Maleev Yu.N., Rachkov I.V., Yaryshev S.N. Sanctions in international law: no point has been put. Moscow Journal of International Law. 2016; (2). 81–95. (In Russ.) (Малеев Ю.Н., Рачков И.В., Ярышев С.Н. Санкции в международном праве: точка не поставлена. Московский журнал международного права. 2016; 2. 81–95).
9. Mohamad R. Unilateral Sanctions in International Law: A Quest for Legality. Economic Sanctions under International Law. 2015; 71–81.
10. Santangelo B., Stein G., Prager L., Marchant N. Sanctions Update: Sectoral Sanctions Against Russia Escalate. Westlaw Journal. 2014; 20 (12). 1–5.
11. Shevtsova L.A. Unilateral measures in terms of international law. 2018; 77 p. (In Russ.). (Шевцова Л.А. Односторонние экономические меры с точки зрения международного права. 2018; 77 с.).
12. Voinikov V.V. EU restrictive measures against Russia: the legal nature and the problem of implementation. Baltic Region. 2015; (1): 89–100. (In Russ.). (Войников В.В. Ограничительные меры ЕС в отношении России: правовая природа и проблема имплементации. Балтийский регион. 2015; 1: 89–100).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.097-104

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Мысина Софья Сергеевна, студент 1-го курса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
lady.mysina@bk.ru

© Мысина С. С., 2020

Аннотация. Право на высшее образование в современном демократическом государстве выступает как одно из наиболее существенных конституционных прав человека, поэтому в условиях коронавируса его реализация и защита приобретает особую актуальность. В статье рассматривается получение образования в дистанционном формате, который развивается в ускоренном темпе и вскоре может встать наряду с традиционными формами обучения.

Ключевые слова: образование; права человека; право на образование; дистанционное обучение; пандемия; аттестация; экзамен; вуз; цифровые технологии.

IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO HIGHER EDUCATION DURING THE PANDEMIC

Sofya S. Mysina, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
lady.mysina@bk.ru

Abstract. The right to higher education in a modern democratic state acts as one of the most significant constitutional human rights. Therefore, in the context of the coronavirus, its implementation and protection becomes of particular relevance. The article deals with education in a distance format, which develops at an accelerated pace and may soon rise along with traditional forms of education.

Keywords: education; human rights; right to education; distance learning; pandemic; certification; examination; university; digital technologies.

В начале 2020 г. весь мир охватила новая коронавирусная инфекция, что послужило поводом для принятия срочных мер во всех сферах жизни общества, которые напрямую затрагивают права и свободы личности. Вместе с этим возникла проблема регулирования законодательства, ставшая настоящим вызовом для международного юридического сообщества. Тем не менее больший упор страны делают на здравоохранении, чтобы не допустить массового распространения вируса, при этом забывая обо всех других важных аспектах. В связи с этим ООН и множества других международных организаций призывают государства обеспечивать соблюдение прав человека.

В странах, в том числе и в России, где введены ограничения передвижения, правительства должны использовать имеющиеся средства для обеспечения доступа к образованию с помощью дистанционного обучения. Из-за вводимых ограничений произошел внезапный конфликт фундаментальных прав человека, о чем сообщил уполномоченный РФ при Европейском Суде по правам человека — замминистра юстиции РФ Михаил Гальперин¹. Характерным примером является право на образование и право на охрану здоровья и медицинскую помощь. С одной стороны, для реализации второго необходимо обеспечить санитарно-эпидемиологическое благополучие, чего, в условиях пандемии, достигается путем перевода обучающихся на дистанционное обучение. С другой стороны, студенты сталкиваются со множеством проблем в процессе удаленной учебы.

В январе, во время разгара пандемии в Китае, Президент РФ выступил с Посланием к Федеральному Собранию². На тот момент в России не было выявлено ни одного случая заражения коронавирусом, но Владимир Владимирович Путин уже тогда говорил о внедрении цифровых технологий в образование, для создания широкого пространства которого необходима высокая доступность Интернета. В полной мере власти не предприняли никаких действий, намеченные Президентом РФ, так как в марте, когда ухудшилась обстановка в стране, было решено организовать работу педагогических работников и студентов в дистанционной форме и реализацию образовательной программы в полном объеме³. Несмотря на то что закон подразумевает возможность такого вида обучения, многие вузы оказались не готовы к этому переходу. Следовательно, в этом заключается угроза невыполнения обязанности освоения программы во всей полноте и предоставления качественного образования, за что учебные заведения несут ответственность. Например, для таких профессий, как актеры, режиссеры, операторы, спасатели, врачи в процессе обучения в большей степени необходима практика, чего нельзя осуществить в дистанционном формате и что приводит к частичному выполнению объема учебной программы. При этом ряд университетов, которые полностью зависят от платы за обучение, по всей вероятности, закроются.

Глава Минобрнауки В. Н. Фальков считает, что в целом российские вузы справились с переходом в электронную образовательную среду, хотя ранее он сообщил, что «60 % вузов работают в штатном режиме, 27 % испытывают периодические сбои, 10 % — инфраструктура [вузов] не обеспечивает подключение всех обучающихся, 4 % — это вузы, [которые] в принципе не способны, на наш взгляд, сегодня обеспечить какой-либо дистанционный формат обучения»⁴. В подобном положении оказываются и зарубежные страны, например, университеты Латинской Америки прекратили учебу, одним из которых стал Университет Буэнос-Айреса, отменивший занятия и внесший изменения в академический календарь, вместо того, чтобы перейти к онлайн-обучению, полагая, что только очное обучение может гарантировать высокий уровень качества образования⁵. Не исключено, что за таким решением скрываются проблемы, с которым он не в состоянии справиться по различным причинам, включая отсутствие материально-технического обеспечения, низкого уровня жизни населения и др. Исходя из содержания вышеуказанного

¹ В Минюсте заявили о неожиданных конфликтах фундаментальных прав человека в период пандемии. 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8214315> (дата обращения: 20.12.2020).

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета, № 7, 16.01.2020.

³ Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета, № 303, 31.12.2012.

⁴ В Минобрнауки заявили, что 4 % вузов РФ не могут обеспечить формат обучения. 2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8034077> (дата обращения: 20.12.2020).

⁵ Карпинская Е. COVID-19: эффекты для высшего образования. 2020. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/covid-19-effekty-dlya-vysshego-obrazovaniya/> (дата обращения: 20.12.2020).

приказа Министерства науки и высшего образования РФ, об обучающихся инвалидах и лиц с ограниченными возможностями здоровья не было сказано. Только 23 марта 2020 г. был опубликован соответствующий приказ, что свидетельствует об отставании и приоритетности создания электронной информационно-образовательной среды для получения образования данных групп людей в отличии от обычных студентов.

Положение иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях России, равным образом изменилось. Многие из них в связи с санитарно-эпидемиологической обстановкой вернулись в свои страны. Это стало серьезным препятствием для осуществления конституционного права на образование, которым обладает каждый и которое гарантируется законом, и обеспечения равного доступа. В случае улучшения ситуации в России, иностранцы не смогут вернуться в силу закрытия всеми государствами своих границ.

Относительно вопроса поступления абитуриентов в вузы в Послании Президент РФ уделил большое внимание «сохранению равной, справедливой доступности бесплатного очного высшего образования»⁶. В первую очередь это осуществимо путем получения бюджетных мест, которые было предложено увеличить, выпускниками школ на основе конкурсного отбора. В свою очередь, Валерий Фальков, министр науки и высшего образования, позже заявил, что количество таких мест в 2020 г. сильно вырастет⁷. Этому может послужить и пандемия, после окончания которой высшим учебным заведениям потребуются привлечь абитуриентов, которые первоначально должны сдать единый государственный экзамен (далее — ЕГЭ), который является на данный момент центральной задачей власти, потому что начало экзаменационного периода приходится на май — июнь. Невозможность замены ЕГЭ — это единственный факт, который остается незыблемым и в условиях COVID-19. Прием на обучение проводится на основании его результатов (Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ).

Проведение экзаменов коснулось не только выпускников школ, но и вузов, где иным способом подошли к этой проблеме. По данным пресс-службы Минобрнауки РФ учебные заведения, не запрашивая разрешения, сами выбирают форму организации государственной итоговой аттестации⁸ (далее — ГИА) студентов, которая будет зависеть от стандартов направления подготовки.

Всем странам мира пришлось принимать мгновенные решения по различным вопросам, возникающих в период пандемии, в том числе это касается и образования: в каких формах проводить дистанционное обучение; какие технические средства для этого использовать; как оценивать усвоение студентами полученного материала; как проводить выпускные экзамены и каким образом осуществлять набор на следующий академический год⁹. Столкнувшись с пандемией впервые, государства решали сходным образом возникшие проблемы в связи с тем, что везде учебные заведения были вынуждены закрываться, студенты перешли на дистанционное обучение, а экзамены перенеслись. Вследствие этого, Россия имеет возможность изучить зарубежный опыт и принять более эффективные меры для реализации конституционного права и для воспрепятствования недовольств среди студентов, произошедшие в ряде других стран. Текущая ситуация позволяет объективно оценить все плюсы и минусы подобных изменений в сфере образования.

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета, № 7, 16.01.2020.

⁷ Минобрнауки пообещало беспрецедентный рост числа бюджетных мест в вузах. 2020. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e4fed709a7947ee3a6b9fc3> (дата обращения: 20.12.2020).

⁸ Минобрнауки: вузы вправе сами выбирать форму итоговой аттестации. 2020. URL: <https://ria.ru/20200416/1570108095.html> (дата обращения: 20.12.2020).

⁹ Карпинская Е. COVID-19: эффекты для высшего образования. 2020. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/covid-19-effekty-dlya-vysshego-obrazovaniya/> (дата обращения: 20.12.2020).

Основными преимуществами дистанционного обучения¹⁰:

1. Комфортная обстановка. Находясь дома, студентам нет необходимости сидеть за партами, доставляющие неудобства, или в душном помещении, где большое скопление людей, и это позволяет лучше сконцентрироваться на занятиях.
2. Экономия времени. Не только обучающиеся, но и преподаватели постоянно затрачивают большое количество времени, чтобы вовремя прибыть на пары и после чего на возвращение домой. Такая форма получения образования предоставляет возможность использовать время на саморазвитие.
3. Сокращение расходов вузов. По сравнению с обычным режимом работы образовательных учреждений, в период удаленного обучения затраты будут производиться в меньшем количестве. В частности, исключается потребность в аренде помещения, оплате коммунальных услуг, ремонте и закупке учебников.
4. Возможность использовать различные онлайн-ресурсы. Это позволит расширить способы подачи информации студентам и качественно и полноценно освоить программу, поскольку существует множество факторов, влияющие на успешный результат, к которым относят разнообразие, необычные подходы проведения занятий, визуализация и т.д.
5. Полный доступ ко всем учебным материалам. Исходя из этого, обучающимся не требуется брать литературу в библиотеках, так как все необходимое находится в электронном формате с правом свободно использовать их в любое время.
6. Независимость от географического положения. Находясь в разных точках мира, студенты беспрепятственно получают знания. Кроме того, это увеличит шансы на поступление в высшие учебные заведения зарубежных стран.
7. Совершенствование навыков использования информационных технологий. Дистанционное обучение непосредственно связано с цифровизацией, поэтому как преподавателям, так и студентам приходится осваивать необходимые знания работы с компьютером.
8. Повышение посещаемости. Следовательно, это происходит за счет возможности не находится в аудитории, а в любом другом месте, при этом присутствуя на занятии. Данный факт помимо того, что улучшает статистику вуза, он способствует гибкости в действиях студентов.

В соответствии с большим количеством достоинств существуют и недостатки¹¹, к которым относят:

1. Снижение уровня грамотности. С переходом в электронную образовательную среду студенты реже прибегают к записыванию материалов вручную, так как вся информация храниться и передается через компьютер.
2. Технические проблемы. Из-за большой загруженности системы происходят периодические сбои, что нарушает учебный процесс. Подобные сбои способны стать следствием хакерских атак, которые наносят не менее сильный ущерб, как например, потеря информации, данных. В следствии этого, было временно приостановлено онлайн-обучение в ряде ведущих вузов.
3. Возникновение сложностей с онлайн-приложениями. Преподавателями используются разные ресурсы для ведения занятий, но не все они приспособлены к подобным целям, что сказывается на учебе студентов и вызывает у них возмущение. К примеру, система Discord, которая испытывалась для освоения образовательных программ немногими педагогами, изначально была ориентирована на пользователей компьютерных игр, поэтому вскоре не получила такого широкого применения среди вузов, как Zoom. Примечательно, что Zoom является платным сервисом, но оно занимает лидирующие позиции среди всех, способ-

¹⁰ Шевченко О. И., Ивко В. И. Формы дистанционного обучения в вузе. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-distantsionnogo-obucheniya-v-vuze/viewer> (дата обращения: 20.12.2020).

¹¹ Шевченко О. И., Ивко В. И. Формы дистанционного обучения в вузе. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-distantsionnogo-obucheniya-v-vuze/viewer> (дата обращения: 20.12.2020).

ствующих приобретению знаний. В дополнении к этому, Елена Карпинская уверяет, что и эта программа имеет свои минусы. Часть университетов объявили об отказе от платформы Zoom и переходе на другие приложения. Появилось такое понятие, как Zoombombing, характеризующее действия, связанные с нарушением онлайн-пространств, в том числе взлом виртуальных классов, размещение порнографических или вызывающих ненависть изображений, выкрикивание ненормативной лексики и иное¹².

4. Увеличение нагрузки. В отличие от традиционного формата получения образования, студентам объективно стали больше задавать, что свидетельствует о плохой подготовке вузов к переходу на удаленное обучение, потому что необходимо давать задания соразмерно тому объему, что и обычно. Тем не менее это затрагивает и преподавателей. Полное взаимодействие осуществляется через компьютер, что повышает количество обработки информации, а именно общение с обучающимися через почту, проведение занятий, подготовка материала и т.д.
5. Отсутствие практических навыков. Любая теория должна применяться в действии, поскольку это лучший способ закрепления полученных знаний, однако это не всегда реализуется в обычное время, а в условиях пандемии проявляется более остро. Следовательно, практико-ориентированные учебные заведения высоко ценятся в нынешнем обществе, но онлайн-образование полностью устраняет такой подход. Такой же позиции придерживается и доктор юридических наук Фадеев В. И.: «Особую остроту приобрела проблема разрыва знаний и практических навыков по их применению. Современная жизнь предъявляет к выпускникам юридических вузов не только требования наличия у них знаний, умений и навыков, но и способности, готовности применять их в конкретных профессиональных ситуациях, в своей будущей практической деятельности»¹³.
6. Наличие слабого контроля¹⁴. Характерно, что во время обучения на различных онлайн-платформах студенты не подключают камеры, поэтому преподаватель не может установить зрительного контакта, что становится причиной потери обучающимся внимания и сложности проверки реальных знаний.
7. Трудности в доступе к Интернету. Поддерживая Л. В. Кузьмину¹⁵, стоит отметить, что проблема свободного выхода в Интернет, который не всегда имеется, в зависимости от местоположения, и который бы дал в полной и равной мере обеспечить учебный процесс, является актуальной. Техническая оснащенность студента выходит на первый план в такого рода формата получения высшего образования.

Таким образом, дистанционное обучение является перспективным вариантом для получения образования относительно современных реалий, когда информационные технологии играют существенную роль для всего мира, но для налаживания электронной образовательной среды нужно устранить все недостатки, существующие на данном этапе. Прежде всего следует установить контроль над студентами, обязав подключать камеры, что позволит преподавателям видеть¹⁶ их и сократить

¹² Карпинская Е. COVID-19: эффекты для высшего образования. 2020. URL: <https://russian-council.ru/analytics-and-comments/analytics/covid-19-effekty-dlya-vysshego-obrazovaniya/> (дата обращения: 20.12.2020).

¹³ Фадеев В. И. О новых подходах к преподаванию конституционного и муниципального права в условиях уровневого образования // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 31–36.

¹⁴ Теория и практика дистанционного обучения / Е. С. Полат [и др.] ; под ред. Е. С. Полат. — 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2020. С. 229–279.

¹⁵ Кузьмина Л. В. Преимущества и недостатки дистанционного обучения. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-distantsionnogo-obucheniya/viewer> (дата обращения: 20.12.2020).

¹⁶ Матрусова А. «Это беспомощный псевдоофлайн». Какие мифы об образовании разрушила самоизоляция. 2020. URL: <https://www.pravmir.ru/eto-bespomoshhadyi-psevdooflain-jn-kakie-mify-ob-obrazovanii-razrushila-samoizolyacziya/> (дата обращения: 20.12.2020).

возможность списывания. Преимущественно это создаст объективность в системе оценивания и уравнивания в сравнении с очной формой обучения. Вследствие этого, с использованием камер можно организовывать практические занятия, которые являются составной и значительной частью всего образовательного процесса. В целях стабилизации нагрузки для обучающихся и преподавателей стоит определить единую модель проведения семинаров и получения домашней работы, из-за отсутствия которой стало задаваться по объему, превышающий обычную норму, в дополнение к чему появилась нехватка времени как личного, так и для выполнения заданий, в связи с установленными профессорско-преподавательским составом сжатых сроков. Предотвращение технических сбоев возможно посредством распределения количества работы в образовательной системе или использования помимо этого различных устройств, а избежать срывов занятий становится легче при наличии у вузов обширного выбора наиболее безопасных и удобных онлайн-приложений. Тем не менее важнейшей и первостепенной задачей является преодоление нехватки соответствующего законодательства в вопросе дистанционного обучения, в котором должно содержаться как минимум основные понятия, принципы такого вида получения образования; требования к его организации; регламентация проведения занятий и экзаменов; условия для перехода на удаленную учебу; права, обязанности, гарантии, ответственность сторон правоотношений. По отношению к этому уже стало уделяться большое внимание, следуя из слов Валентины Матвиенко, председателя Совета Федерации РФ: «Пандемия коронавируса дала импульс движению к формированию системы школьного и вузовского образования, органично сочетающего как традиционные, так и дистанционные, цифровые технологии обучения. Будущее именно за такой системой. А она требует более точного правового, законодательного оформления уже в ближайшее время»¹⁷.

Предложенные варианты устранения недостатков на начальном этапе не искоренят проблемы полностью, поэтому впоследствии их нужно совершенствовать. В предыдущие годы новаторы в сфере образования экспериментировали с цифровым обучением во всех странах, в том числе и в России, однако этот процесс был довольно медленным и фрагментарным, но нынешняя кризисная ситуация ускорила процесс апробации и адаптации онлайн-обучения, даже несмотря на то, что правительства всех государств больше сосредоточены на мерах в других сферах общества, направленных на преодоление COVID-19 и его последствий.

Принимая во внимание явные негативные последствия пандемии, оно тем не менее дало ряд возможностей и понимание того, что в непредсказуемых ситуациях крайне необходимо преодолеть цифровой разрыв, который сможет обеспечить устойчивость в самом важном секторе человеческого развития — образовании, и привить навыки сопротивления различным угрозам. Примечательно, что вместе с этим возникает вопрос о появлении дистанционного обучения на постоянной основе как новой формы обучения, наряду с традиционными, создав для тех конкуренцию, но во исполнение этого требуется решение большого количества задач. После чего многие вузы должны быть не вернуться в обычный формат и встает вопрос, не приведет ли текущий кризис к трансформации университетов в онлайн-институты. Время покажет, какими будут последствия резкого перехода на онлайн-формат, но то, что они обнаружатся уже в краткосрочной перспективе — сомневаться не стоит. В то же время никто не готов к подобному шагу, потому что в настоящее время невозможно полностью перейти на дистанционное обучение и отказаться от посещения учебных заведений, в том числе по причине отсутствия закона. По всей вероятности, это станет допустимо позже и будет ведущей целью большинства образовательных организаций.

¹⁷ В России статус дистанционного образования закрепят в законе. 2020. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2321241/> (дата обращения: 20.12.2020).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. В Минобрнауки заявили, что 4 % вузов РФ не могут обеспечить формат обучения. 2020. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/8034077> (дата обращения: 20.12.2020).
2. В Минюсте заявили о неожиданных конфликтах фундаментальных прав человека в период пандемии. 2020. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/8214315> (дата обращения: 20.12.2020).
3. В России статус дистанционного образования закрепят в законе. 2020. — URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2321241/> (дата обращения: 20.12.2020).
4. Карпинская Е. COVID-19: эффекты для высшего образования. 2020. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/covid-19-effekty-dlya-vysshego-obrazovaniya/> (дата обращения: 20.12.2020).
5. Кузьмина Л. В. Преимущества и недостатки дистанционного обучения. 2012. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimushchestva-i-nedostatki-dstantsionnogo-obucheniya/viewer> (дата обращения: 20.12.2020).
6. Матрусова А. «Это беспомощный псевдоофлайн». Какие мифы об образовании разрушила самоизоляция. 2020. — URL: <https://www.pravmir.ru/eto-besposhhdnyj-psevdooflajn-kakie-mify-ob-obrazovanii-razrushila-samoizolyacziya/> (дата обращения: 20.12.2020).
7. Минобрнауки пообещало беспрецедентный рост числа бюджетных мест в вузах. 2020. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e4fed709a7947ee3a6b9fc3> (дата обращения: 20.12.2020).
8. Минобрнауки: вузы вправе сами выбирать форму итоговой аттестации. 2020. — URL: <https://ria.ru/20200416/1570108095.html> (дата обращения: 20.12.2020).
9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15.01.2020 // Российская газета, № 7, 16.01.2020.
10. Теория и практика дистанционного обучения / Е. С. Полат [и др.] ; под ред. Е. С. Полат. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2020. — С. 229–279.
11. Фадеев В. И. О новых подходах к преподаванию конституционного и муниципального права в условиях уровневого образования // Конституционное и муниципальное право. — 2013. — № 4. — С. 31–36.
12. Шевченко О. И., Ивко В. И. Формы дистанционного обучения в вузе. 2018. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-dstantsionnogo-obucheniya-v-vuze/viewer> (дата обращения: 20.12.2020).

REFERENCES

1. V Minobrnauki zayavili, chto 4 % vuzov rf ne mogut obespechit format obucheniya [The Ministry of Education and Science stated that 4 % of Russian universities cannot provide the format of training]. Available from: <https://tass.ru/obschestvo/8034077> (Accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
2. V Minyuste zayavili o neozhidannykh konfliktakh fundamentalnykh prav cheloveka v period pandemii [The Ministry of Justice announced unexpected conflicts of fundamental human rights during the pandemic]. Available from: <https://tass.ru/obschestvo/8214315> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
3. V Rossii status dstantsionnogo obrazovaniya zakrepyat v zakone [In Russia, the status of distance education will be fixed in the law]. Available from: <https://www.ntv.ru/novosti/2321241/> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
4. Karpinskaya E. COVID-19: efekty dlya vysshego obrazovaniya. 2020 [COVID-19: Effects for higher education]. 2020. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/covid-19-effekty-dlya-vysshego-obrazovaniya/> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
5. Kuzmina LV. Preimushchestva i nedostatki dstantsionnogo obucheniya [Advantages and disadvantages of distance learning]. 2012. Available from: <https://cyberleninka.ru/arti->

- [cle/n/preimuschestva-i-nedostatki-distantcionnogo-obucheniya/viewer](#) (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
6. Matrusova A «Eto bespomoshchnyy psevdooflayn». Kakie mify ob obrazovanii razrushila samoizolyatsiya [It's helpless pseudooffline. What myths about education have destroyed self-isolation]. 2020. Available from: <https://www.pravmir.ru/eto-besposhhdnyj-psevdooflajn-kakie-mify-ob-obrazovanii-razrushila-samoizolyacziya/> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
 7. Minobrnauki poobeshchalo bespretsedentnyy rost chisla byudzhetykh mest v vuzakh [The Ministry of Education and Science promised an unprecedented increase in the number of budget places in universities]. Available from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e4fed709a7947ee3a6b9fc3> (Accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
 8. Mminobrnauki: vuzy vprave sami vybirat formu itogovoy attestatsii [Ministry of Education and Science: universities have the right to choose the form of final certification]. Available from: <https://ria.ru/20200416/1570108095.html> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
 9. Poslanie prezidenta rf federalnomu sobraniyu ot 15.01.2020. [Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 15.01.2020]. *Rossiyskaya Gazeta*. 7. 16 January 2020 (In Russ.).
 10. Polat S, et al., editor. Teoriya i praktika distantsionnogo obucheniya [Theory and practice of distance learning]. 2nd ed. Moscow: Izdstvo Yurayt; 2020 (In Russ.).
 11. Fadeev VI. O novykh podkhodakh k prepodavaniiyu konstitutsionnogo i munitsipalnogo prava v usloviyakh urovneвого obrazovaniya [On new approaches to teaching constitutional and municipal law in the conditions of level education]. *Constitutional and Municipal Law*. 2013;4: 31— 36 (In Russ.).
 12. Shevchenko OI, Ivko VI. Formy distantsionnogo obucheniya v vuze [Forms of distance learning at the university]. 2018. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-distantsionnogo-obucheniya-v-vuze/viewer> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.105-108

ПРАВА РЕБЕНКА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМА

Щабельская Виктория Витальевна, студент 4-го курса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125933, Россия, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9
vakuly@mail.ru

© Щабельская В. В., 2020

Аннотация. Цифровизация все больше вытесняет привычные для нас вещи, поэтому защита детей в стремительно развивающемся пространстве всемирной паутины все более остро встает на повестке дня. Современное поколение проводит в виртуальном мире достаточно значительное количество своего времени: там они учатся, отдыхают, общаются, создают свою культуру, ценности, особый язык. Очень часто родители даже не понимают, как много опасностей может подстерегать их ребенка, пока он занят своим телефоном или компьютером. А с приходом такой цифровой доступности развиваются не только наши дети, но и преступность, которая все больше перебирается в информационную среду, которая из-за своей обширности и доступности, является благотворным полем для разного рода противоправных действий.

Ключевые слова: безопасность; кибертерроризм; противодействие; экстремизм; терроризм; персональный компьютер; Интернет, дети; информация; виртуальные угрозы.

RIGHTS OF THE CHILD IN MODERN CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF CYBERTERRORISM

Viktoriya V. Shchabelskaya, Undergraduate Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125933
vakuly@mail.ru

Abstract. Digitalization is increasingly displacing things familiar to us, so the protection of children in the rapidly evolving space of the World Wide Web is increasingly high on the agenda. The modern generation spends quite a significant amount of their time in the virtual world: there they learn, relax, communicate, create their culture, values, and a special language. Very often, parents do not even realize how many dangers can lie in wait for their child while he is busy with his phone or computer. And with the advent of such digital accessibility, not only our children develop, but also crime, which increasingly moves into the information environment, which because of its vastness and accessibility, is a beneficial field for all kinds of wrongful acts.

Keywords: security; cyberterrorism; counteraction; extremism; terrorism; personal computer; Internet, children; information; virtual threats.

В современном мире, где практически все границы стираются технологиями, а информацию человек получает на каждом шагу, самую важную роль играют две вещи: возможность ее передачи и необходимость сохранения при этом персональных данных.

Ежесекундно по всему миру добавляются терабайты разнообразных данных, которые содержат достаточное количество личной информации: номера мобильных телефонов, фотографии Вас и Вашей семьи, сведения о банковских счетах и многое другое. Тенденции перехода в цифровую среду подвержены не только взрослые, но и дети. По материалам Фонда Развития Интернета дети начинают использовать Интернет в возрасте 6–7 лет¹. Помимо того, как показывают исследования указанного Фонда, в интернет-пространстве увеличилось не только само количество детей, но и время их провождения в Сети. Для детей от 12 лет это время составляет минимум 5 часов в день, тогда как подростки от 14 лет проводят в сети Интернет от 6 до 12 часов, а «к выходным 12 и более часов в Интернете проводит каждый десятый старший подросток». Немаловажным также является и то, что «каждый второй подросток (54,5 % среди подростков 12–13 лет и 47,4 % среди подростков 14–17 лет) отмечают, что за последний год в Интернете с ними происходило что-то, что расстроило их или заставило беспокоиться. Среди родителей лишь один из трех (30,1 %) согласны, что с их ребенком происходило нечто подобное»².

Многие психологи уже давно высказываются о том, какие опасности подстерегают детей в сети Интернет. Например, психолог В. Паксваткина классифицирует интернет-угрозы на следующие виды³:

- контентные риски;
- коммуникационные риски;
- электронные риски;
- потребительские риски.

Под контентными рисками следует понимать все материалы, встречающиеся в Интернете и содержащие противозаконную, вредоносную информацию. Будь то порнографические материалы, сообщения с предложением купить наркотические вещества. Причем подобный контент встречается повсеместно: социальные сети, поисковые системы, мессенджеры, ребенку необязательно что-то искать самостоятельно, данная информация способна найти его сама.

Если же говорить о коммуникационных рисках, то здесь в первую очередь надо понимать опасность кибер-буллинга и преследования. На сегодняшний день каждый третий подросток (41,0 % среди подростков 12–13 лет и 41,4 % среди подростков 14–17 лет) отвечает, что был жертвой агрессии, когда по отношению к нему совершались обидные и неприятные вещи в сети Интернет. Но еще более опасным, кажется то, что каждый третий подросток в возрасте 12–13 лет (34,0 %) и каждый второй подросток от 14 до 17 лет (49,8 %) за последний год когда-либо встречался лицом к лицу с тем, с кем впервые познакомился в Интернете⁴. В то же время родители об этом зачастую даже не догадываются! Широкое распространение получил и груминг, когда злоумышленник, используя социальные сети, личную переписку посредством SMS, выдают себя за ребенка или подростка, используя доверительное общение с детьми для вступления в сексуальный контакт. Родители все еще не знают об этом! Следует подчеркнуть, что выявить такого преступника в большинстве случаев

¹ Исследования Фонда развития Интернета. URL: <http://detionline.com/research/20172019> (дата обращения: 20.12.2020).

² Исследование цифровой социализации разных поколений: подростки и родители (2018–2020 гг.) // Исследования Фонда развития Интернета. URL: <http://www.fid.su/projects/research/digital-socialization-in-adolescents> (дата обращения: 20.12.2020).

³ Паксваткина В. Чем опасен интернет (методические материалы для выступления). URL: <https://www.b17.ru/blog/74840/> (дата обращения: 20.12.2020).

⁴ Исследование цифровой социализации разных поколений: подростки и родители (2018–2020 гг.) // Исследования Фонда развития Интернета (<http://www.fid.su/projects/research/digital-socialization-in-adolescents>) (дата обращения: 20.12.2020).

не представляется возможным, так как интернет-пространство дает ему обширную возможность оставаться инкогнито, да и в целом выявить его личность будет затруднительно даже для правоохранительных органов.

Если речь идет об электронных и потребительских рисках, то здесь, немаленький процент потери персональных данных и денег. Ребенок, в силу своей неопытности, не всегда понимает, к чему может привести безобидная покупка на интернет-сайте. В том числе высока вероятность, что он не успеет отреагировать, если в результате такой онлайн-покупки, в систему персонального компьютера попадет вредоносная программа. Подобного рода проблемы, можно решить только при совокупности усилий со стороны государства, интернет-провайдеров и самих родителей. По одиночке, каждый из них, защитить детей в интернет-пространстве попросту не сможет.

Возвращаясь к родителям, как к субъектам защиты ребенка, надо сказать, что реальных ресурсов контролировать своих детей им не хватает, поскольку они сами не подозревают о всех рисках, или у них отсутствуют достаточные навыки использования всемирной паутины. Интернет-провайдеры же могут только ограничить контент. В настоящее время многие компании предлагают разного рода услуги по блокировке вредоносных сайтов, но как уже говорилось выше, иногда опасность может таиться в обычных мессенджерах и социальных сетях, которые далеко не все провайдеры вносят в списки запрещенного контента.

Со стороны государства также применяются меры по защите прав детей в сети Интернет. В 2010 г. вступил в силу Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». А в мае 2016 г. в «Новой газете» был опубликован материал Г. Мурсалиевой под названием «Группы смерти», где было отмечено, что в период с ноября 2015 г. по апрель 2016 г. в России произошло 130 самоубийств подростков и детей посредством сообществ в социальных сетях⁵. На основании этого Роскомнадзор провел проверку и заблокировал восемь сообществ, содержащих информацию о суициде. Все больше российское государство стремится защитить своих юных граждан.

Тем не менее необходим комплексный подход. Со стороны родителей должны быть приняты все возможные меры по обеспечению безопасности для ребенка в сети Интернет. Это и установка защищенного или ограниченного подключения, и проведение разъяснительных бесед о вероятных угрозах на просторах глобальной Сети. Также следует повышать интернет-грамотность среди родителей, дабы успевать за стремительно развивающимся миром своих детей. Что же касается роли государства, то имеет смысл создание защищенного интернет-пространства для разных возрастных групп детей и подростков, которое будет единым информационным полем, содержащим все необходимое для всестороннего, активного и безопасного изучения сети Интернет. Эта система должна содержать, на наш взгляд, как образовательный контент, так и развлекательный. Когда у нас будет создана отдельная интернет-площадка для детей, то и контролировать безопасность в ней будет куда проще, чем охватить всю глобальную Сеть.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Исследование цифровой социализации разных поколений: подростки и родители (2018–2020 гг.) // Исследования Фонда развития Интернета. URL: <http://www.fid.su/projects/research/digital-socialization-in-adolescents> (дата обращения 20.12.2020).
2. Исследования Фонда развития Интернета. URL: <http://detionline.com/research/20172019> (дата обращения 20.12.2020).
3. Паксеваткина В. Чем опасен Интернет (методические материалы для выступления) // URL: <https://www.b17.ru/blog/74840/> (дата обращения 20.12.2020).

⁵ Мурсалиева Г. Группа смерти // Новая газета. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/05/16/68604-gruppy-smerti-18> (дата обращения: 20.12.2020).

REFERENCES

1. Issledovanie tsifrovoy sotsializatsii raznykh pokoleniy: podrostki i roditeli (2018–2020 gg.) [Research of digital socialization of different generations: adolescents and parents (2018–2020)]. Research of the Internet Development Foundation. Available from: <http://www.fid.su/projects/research/digital-socialization-in-adolescents> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
2. Research by the Internet Development Foundation. Available from: <http://detionline.com/research/20172019> (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
3. Paksevatkina V. Chem opasen internet (metodicheskie materialy dlya vystupleniya) [What is the Internet dangerous for? (methodical materials for speaking)]. Available from: <https://www.b17.ru/blog/74840/> (accessed: 20 Dec 2020) (IN Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.109-114

СТУДЕНЧЕСКОЕ КИБЕРВОЛОНТЕРСТВО КАК ИНСТИТУТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНТЕРНЕТ-ЭКСТРЕМИЗМУ

Жогальская Валерия Олеговна, студент 4-го курса Сургутского государственного университета
628400, Россия, Сургут, пр. Ленина, д. 1
info@pr.surgu.ru

© Жогальская В. О., 2020

Аннотация. Новым направлением противодействия экстремистским угрозам является своевременное выявление подобных негативных явлений в сетевом пространстве. Особое значение приобретает привлечение к этой деятельности молодежи, которая формирует кибердружины для выявления противоправных информационных материалов в сети Интернет. В статье исследуются цели и задачи деятельности кибердружин, опыт деятельности на примере Сургутского госуниверситета, формулируются авторские предложения, направленные на устранение возникающих проблем.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; экстремистские материалы; противодействие экстремистской деятельности; Интернет; сетевое пространство; киберволонтерство; кибердружины; вуз.

STUDENTS' CYBER VOLUNTEERING AS AN INSTITUTE FOR COUNTERING INTERNET EXTREMISM

Zhogalskaya O. Valeriya, Undergraduate Student, Surgut State University
pr. Lenina, d. 1, Surgut, Russia, 628400
info@pr.surgu.ru

Abstract. The new direction of countering extremist threats is the timely identification of such negative phenomena in the network space. Of particular importance is the involvement of young people who form cyber-soldiers to identify illegal information materials on the Internet. The article explores the goals and objectives of cyber-gangs activities, experience of activity on the example of the Surgut State University, formulates author's proposals aimed at eliminating emerging problems.

Keywords: extremism; terrorism; extremist materials; countering extremist activities; Internet; network space; cybervolunteering; cyber-soldiers; high school.

Экстремизм — одно из самых обсуждаемых явлений современной действительности. Не заглядывая в учебники и научные словари, данное понятие ассоциируется у людей с антидемократическими ценностями, нарушениями законных прав, с противоправным общественным поведением. Можно с уверенно-

стью сказать, что экстремизм является угрозой не только для конкретной страны, но и для всего международного сообщества. Подтверждением этому можно найти на сайте «Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации»¹, в котором содержится информация о количестве преступлений экстремистской направленности, совершенных за последние годы. Так, в 2013 г. было зафиксировано 896 преступлений, а уже в 2017 г. данный показатель значительно стал выше — 1521 преступление. Ситуация начала стабилизироваться в прошлом году, когда было установлено, что за 2018 г. было совершено 1265 преступлений, а по актуальным данным на сентябрь 2019 г. видно, что совершено 454 противоправных деяний. Тем не менее значимость указанной темы менее важной не становится, что дает основание для ее дальнейшего изучения.

Актуальность темы бесспорна, поскольку данное явление приобретает совершенно новые формы, что выражается в активном проникновении в массовую информацию, которая служит главным проводником связи между людьми. Уязвимость стала больше, а значит, меры для противодействия должны носить усовершенствованный характер. Именно поэтому в последнее время наблюдается огромный поток информации в указанной сфере, при этом разные авторы, деятели в области науки, а также работники правоохранительных органов, высказывают различные точки зрения на существующую проблему и новые средства борьбы с ней.

Использование информационно-коммуникационных средств экстремистскими организациями в настоящее время стало одной из доминантных угроз не только в адрес Российской Федерации, но и всего международного сообщества. Преступный вызов государству и обществу, посредством использования информационного пространства, стал усиливаться в последнее время. Основными задачами киберпреступников являются:

- распространение экстремистской идеологии в сети Интернет;
- привлечение сторонников к своей деятельности;
- дестабилизация общественного устройства.

Роль кибердружников как дополнительного ядра в противодействии идеологии экстремизма важна, это может объясняться и тем, что молодое поколение быстро усваивает потоки новой информации, а также адаптируется под реалии виртуальной среды. Основными задачами Кибердружины являются:

- противодействие распространению опасного контента в информационной среде;
- помощь правоохранительным органам в поиске противоправной информации;
- проведение профилактической работы с молодежью в сфере противодействия экстремизму.

В условиях стремительно развивающихся современных технических средств коммуникации появилась возможность использовать данные средства для оказания негативного информационно-психологического воздействия на широкие массы населения, что выражается в вербовке деструктивными структурами наиболее уязвимых субъектов. Информационные ресурсы стали полноценным оружием для тех, кто пытается реализовать провокационные акции в «события». Актуальной в последнее время стала тема уголовной ответственности за экстремистскую деятельность в сети Интернет, за лайки и репосты в социальных сетях. Но можно ли считать проявлением «экстремизма» материалы, которые были сохранены в целях личного просмотра? Разобраться с данным вопросом поможет прямое обращение к нормативным правовым актам.

Так, в 2001 г. на Шанхайской конференции по борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом было дано определение понятию экстремизм, согласно которому под ним понимается «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях

¹ Портал правовой статистики. Генеральная Прокуратура РФ. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 20.12.2020).

незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон»². Из данного определения вытекает то, что терроризм — это одно из проявлений экстремизма. К тому же речь идет о конкретном деянии и насильственном изменении существующего порядка, что сразу же надвигает на сомнение о возможности отнесения к экстремизму распространение поста в социальных сетях.

Российское законодательство иначе рассматривает понятие «экстремизм». Так, в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³ дается полный перечень того, что приравнивается к экстремизму, в их числе находится публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения. Из этого следует, что наказание возможно, если деятельность лица будет подпадать под указанные пункты. Интересным становится последнее положение — хранение в целях массового распространения, ибо это положение нашло распространение в виде ответственности за сохраненный материал (картинки, фотографии) в социальной сети «ВКонтакте», когда в 2016–2017 гг. произошел, так называемый, «бум» обвинений в экстремизме.

Наиболее резонансные дела произошли в Барнауле, где два студента Алтайского филиала РАНХиГС Мария Мотузная и Даниил Маркин были обвинены в экстремизме из-за сохраненных картинок и репостов в социальной сети «ВКонтакте». Показания на обоих молодых людей давали одни и те же студенты, обучающиеся с ними в одном университете. Суть дела Марии Мотузной состояло в том, что ей вменили оскорбление чувств верующих и «признаки унижения представителей негроидной расы». Экспертиза обнаружила в изображениях лингвистические, психологические и религиоведческие признаки выражения неуважения к обществу в целях оскорбления религиозных чувств верующих, а также лингвистические признаки унижения представителей негроидной расы. После шестого судебного заседания, дело было возвращено в прокуратуру. При этом адвокат Алексей Бушмаков отметил, что следствие не выяснило мотивы действий его подзащитной, не доказало, что она имела умысел нанести ущерб конституционному строю и не оценило малозначительность ее деяния. 10 января 2019 г. уголовное дело Марии Мотузной было прекращено в связи с частичной декриминализацией ч. 1 ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴.

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 20.09.2018 № 32 дал разъяснение судам о том, как рассматривать уголовные дела за репосты в социальных сетях экстремистского контента. Верховный суд рекомендовал судьям убедиться в наличии умысла у обвиняемого, учитывать контекст и аудиторию публикации, ее значимость⁵.

Похожее дело об экстремизме было возбуждено в отношении студента Даниила Маркина, который сохранил картинку с изображением известного героя сериала «Игры Престола» с надписью «Джон Сноу воскрес! Воистину воскрес!». Данное дело было прекращено, вследствие того, что в действиях Даниила не нашли состава

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2001. № 41. Ст. 3947.

³ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁴ РИА Новости URL: <https://ria.ru/20190111/1549211375.html> (дата обращения: 20.12.2020).

⁵ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 32 // Российская газета. 2018. № 215 (7678).

преступления, к тому же прекращение дела связали с декриминализацией части 1 статьи 282 УК РФ⁶.

Противоположным примером является одно из резонансных дел кубанской активистки Дарьи Полюдовой, которая была признана виновной в публичных призывах к сепаратизму и экстремисткой деятельности. Уголовное дело в отношении Дарьи было возбуждено в августе 2014 г. после попытки краснодарских активистов организовать «Марш за федерализацию Кубани». В сентябре того же года Полюдова была арестована, а в феврале 2015 г. выпущена под подписку о невыезде. Ей было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 280.1 УК РФ за републикацию в социальной сети «ВКонтакте» записи о том, что этнические украинцы на Кубани требуют воссоединения к Украине, по ч. 1 ст. 280 УК РФ за фото пикета с плакатом «Не война с Украиной, а революция в России», по ч. 2 ст. 280 УК РФ за публикацию призыва выйти на площадь и свергнуть режим⁷. Рассмотренный пример свидетельствует о том, что Дарья Полюдова, заведомо зная о доступности для свободного просмотра и ознакомления всеми пользователями сайта, размещала тексты и фотоматериалы, призывающие к насильственной революции. Действия Дарьи Полюдовой содержали все признаки состава преступления, что означает законность привлечения ее к уголовной ответственности в отличие от вышеприведенных дел.

Из вышеприведенных примеров можно сделать вывод, что необходимо разграничивать действия, которые совершены с явным умыслом, и действия, которые не были таковыми. Ведь умысел — это один из важнейших критериев в определении состава преступления. Необходимо учитывать и тот факт, что хранение материала может осуществляться не в целях массового распространения, а для личного пользования. Затрагивая данную проблему в своей работе, хотелось еще раз подчеркнуть, что Интернет стал уязвимой платформой не только для людей, которые распространяют экстремистские материалы для широкого круга обозревателей, но и это площадка, на которой люди в силу своей правовой безграмотности совершают действия, подпадающие под соответствующие статьи уголовного законодательства.

Активное внедрение информационных технологий во многом упростило нашу жизнь, но их появление стало оплотом и для киберпреступников, которые на современном этапе распространяют идеологию экстремизма и терроризма через всемирную информационную сеть. Ответным ударом стало создание Лигой безопасного Интернета первой «Кибердружины» в 2011 г., позиционирующей себя, как межрегиональное молодежное общественное движение. Основная цель кибердружины — борьба с противоправной информацией, которая содержит в себе:

- пропаганду войны;
- разжигание расовой, национальной и религиозной ненависти и вражды;
- экстремистские мотивы;
- детскую порнографию;
- призывы к совершению террористических актов;
- пропаганду наркотиков;
- призывы к самоубийству и иное.

Для пресечения противоправного контента и создаются кибердружины на территории Российской Федерации, представителями которых являются кибердружинники, то есть те люди, которые занимаются данной деятельностью добровольно, отслеживая правонарушения и сообщая о них в правоохранительные органы.

Первая кибердружина в ХМАО-Югре была создана в Нижневартовске на базе Нижневартовского государственного университета, руководителем которой стал Рустам Шихалиев, сейчас же он является главным специалистом отдела молодежной политики Департамента образования и молодежной политики ХМАО-Югры.

⁶ Суд прекратил дело в отношении барнаульского студента, обвиняемого в экстремизме // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3859620> (дата обращения: 20.12.2020).

⁷ Решение Октябрьского районного суда г. Краснодара от 21.12.2015 по делу № 1-334/2015. URL: <http://krasnodar-oktybrsky.krd.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.12.2020).

Центром мониторинга всех кибердружин в ХМАО-Югре является Сургутский государственный университет, кибердружинники которого осуществляют ежедневный сбор информационных материалов от кибердружин округа по результатам оценки информационного пространства. Деятельность кибердружины СурГУ осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 06.03.2006 № 35 «О противодействии терроризму», Федеральным законом от 25.07.2002 № 114 «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., а также в соответствии с Регламентом деятельности кибердружин в ХМАО-Югре.

В настоящее время кибердружина СурГУ активно взаимодействует с УМВД России по г. Сургуту, с ФСБ РФ по г. Сургуту, с прокуратурой г. Сургута, а также с Администрацией г. Сургута и Департаментом образования и молодежной политики ХМАО-Югры. Начиная с 17 апреля 2019 г. кибердружинники исследуют в Интернете материалы, которые находятся в Федеральном списке экстремистских материалов. Осуществляется активная работа в АИС «Поиск», которая представляет собой систему, предназначенную для поиска по контексту, содержащего информационный массив подозрительных материалов и адреса их размещения в сети Интернет (экстремистской направленности, алкогольной продукции и т.д.). Так, согласно статистике за 2019 г. в данной системе кибердружинниками СурГУ было выявлено 376 материалов по экстремизму, а за январь — март 2020 г. — 199 материалов.

Кибердружинниками СурГУ проводится профилактическая работа со студентами, выражающаяся в разъяснительных семинарах о том, как обезопасить себя в информационном поле и не стать жертвой киберпреступников. Актуальность таких тренингов подтверждается не только массовой заинтересованностью молодых людей данной проблемой, но и привлечением в качестве слушателей и более старших поколений. Одним из таких примеров является заседание круглого стола «Киберволонтерство: опыт и перспективы развития», который прошел 24 декабря 2019 г. Главным вопросом стало обсуждение повышения уровня подготовки киберволонтеров. В мероприятии приняли участие студенты, руководящий состав университета, представители от Администрации г. Сургута и от УМВД России по г. Сургуту. Такой формат позволяет конкретизировать существующие проблемы и детально наметить пути их решения. Так, по мнению руководителя федерального проекта «Кибердружина» (г. Москва) Григория Пашенко, необходимо обеспечить качественную подготовку кибердружинников посредством комплексного освоения ими таких дисциплин, как юриспруденция, психология, программирование и религиоведение. С данной позицией можно согласиться, так как это позволит создать пласт для привлечения в ряды Кибердружины большего числа добровольцев не только из студентов юридических направлений, в связи с чем киберволонтерство получит широкий охват среди молодежи.

Таким образом, новым средством борьбы с экстремистскими материалами в сети Интернет стали Кибердружины, которые активно оказывают содействие правоохранительным органам. Как ранее было отмечено, кибердружинники — это добровольцы, чаще всего которыми становятся молодые люди, заинтересованные этой деятельностью студенты.

Привлечение молодого поколения посредством Кибердружин к насущной проблеме современности положительно может сказаться на самой обстановке, поскольку так молодое поколение сможет при выявлении на практике противоправного контента в сети Интернет ознакомиться с законодательной базой, что позволит лучше понимать грани допустимых возможностей.

Подводя итог, следует обратить внимание на то, что экстремизм — острая проблема современности. Его проявления достаточно разнообразны — от возбуждения гражданской ненависти или вражды до функционирования многочисленных незаконных вооруженных формирований, которые ставят в основу своих предубеждений изменение конституционного строя Российской Федерации и нарушение ее территориальной целостности.

Спектр наносимого экстремистской преступностью вреда социуму чрезвычайно широк. Его проявления варьируются от психологического и материального ущерба обществу и государству до лишения жизни конкретных индивидов. Последствия преступных проявлений экстремизма могут проявляться как сразу после совершения соответствующих противоправных деяний, так и иметь долгосрочные перспективы. Для того чтобы задача борьбы против экстремизма была успешно решена, необходим целый ряд комплексных мер, предусматривающих проведение эффективной социальной политики, формирование продуманной системы политического воспитания граждан, особенно молодежи, создание социально направленной правовой системы.

Несмотря на то что ряды Кибердружин пополняются новыми добровольцами, проблемы внутренней деятельности остаются те же: слабое техническое оборудование, зачастую не имеющее противовирусной защиты; отсутствие специального обучения кибердружинников: обучающих семинаров с представителями правоохранительных органов, непосредственно имеющих опыт работы в данной сфере; образовательные технические курсы; основы психологии; отсутствие методического сопровождения. Именно поэтому необходимо создание мер государственной поддержки для всех Кибердружин России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Портал правовой статистики. Генеральная Прокуратура РФ. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения 20.12.2020).
2. РИА Новости — URL: <https://ria.ru/20190111/1549211375.html> (дата обращения: 28.02.2020).
3. Суд прекратил дело в отношении барнаульского студента, обвиняемого в экстремизме // Коммерсантъ — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3859620> (дата обращения 20.12.2020).
4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2001. № 41. Ст. 3947.

REFERENCES

1. Portal of legal statistics. General Prosecutor of the Russian Federation. Available from: <http://crimestat.ru/> (accessed: 20 Dec 2020). (In Russ.).
2. RIA Novosti. Available from: <https://ria.ru/20190111/1549211375.html> (accessed: 28 Feb 2020). (In Russ.).
3. sud prekratil delo v otnoshenii barnaulskogo studenta, obvinyaemogo v ekstremizme [The court dismissed the case against a Barnaul student accused of extremism]. *Kommersant*. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/3859620> (accessed: 20 Dec.2020) (In Russ.).
4. Shangkhaishkaya konventsiiya o borbe s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom ot 15 iyunya 2001 goda [Shanghai Convention on the Suppression of Terrorism, Separatism and Extremism of 15 June 2001]. *Sobr. Zakonodatelstva Ros. Federatsii*. 2001;41: 3947 (In Russ.).

DOI: 10.17803/2542-2472.2020.16.4.115-119

РУТ ГИНЗБУРГ — СУДЬЯ ВЕРХОВНОГО СУДА США

Пиддубринная Альбина Юрьевна, старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент
198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1
alba.78@mail.ru

© Пиддубринная А. Ю., 2020

Аннотация. В статье рассказывается о Рут Бейдер Гинзбург, второй женщине, занявшей пост судьи Верховного суда США, которая отстаивая свои политико-правовые воззрения, добилась изменения не только в судебной практике США, но и оказавшая влияние на правовую систему в целом.

Ключевые слова: государство; право; права человека и гражданина; статут; судебное решение; дискриминация; Верховный суд США; США; Р. Б. Гинзбург.

RUTH GINSBURG — THE U.S. SUPREME COURT JUSTICE

Albina Yu. Piddubrivnaya, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Civil Law and Civil Process, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
ul. Lyotchika Pilyutova, d. 1, St. Petersburg, Russia, 198206
alba.78@mail.ru

Abstract. The article tells the story of Ruth B. Ginsburg, the second woman to serve as a Justice of the Supreme Court of the United States, who upheld her political and legal views, achieved a change not only in jurisprudence of the United States, but also influenced the legal system as a whole.

Keywords: state; law; human and citizen rights; statute; judicial decision; discrimination; U.S. Supreme Court; US; R. B. Ginsburg.

Традиционно в науке мы рассматриваем вопросы, связанные с тем как правовое сознание, формирует личность индивида, как оно формируется в обществе и влияет на его развитие, в целом. Вопрос каким образом возникают те или иные правовые идеи, закрепляются в сознании общества и начинают иметь преобладающее значение, с последующим законодательным закреплением, не всегда очевиден. Для многих правоведов центральной проблемой являлась и является проблема императивности правовых предписаний и подчиненности им социальных групп, даже помимо своей воли. Нам кажется, здесь нельзя не согласиться с позицией Г. Д. Гурвича, о том, что право всегда основывается именно на коллективном признании, а его реализация связана с функционированием специальных правоприменительных органов (не соглашаясь, однако с тем, что первичными эле-

ментами права являются не индивиды, а формы социальности)¹. Но, как справедливо замечал Н. С. Тимашев, что «право есть нечто гораздо большее, нежели совокупность тех словесных формул, в которых оно находит свое внешнее запечатление, поскольку огромная масса совершающихся в обществе поступков происходит, потому что так требует право»². Одной из главных основ действия права, как уже отмечалось является признанием его самой социальной группой, на которую оно распространяется, но признания еще недостаточно для «бытия права», необходимо признание со стороны власти, или скажем так властных структур, поскольку в разных сообществах наполнение термина не всегда одинаково. И в контексте рассматриваемой темы хотелось бы обратиться к вопросам судебного толкования законов, и судейскому корпусу, как олицетворению одной из властвующих структур. Здесь тоже научные подходы разделяются, сообразно тому к какой правовой системе принадлежит тот или иной ученый. Так, Л. И. Петражицкий, допуская наличие пробелов в законодательстве, говорил о том, что предоставление судьям права решать дела по началам политики права, необходимо избегать, предлагая обращаться либо к аналогии права, либо к справедливости³.

М. Троппер утверждал, что толкование — это продукт воли и отрицал существование каких-либо общеобязательных норм до их установлений судьей в акте толкования⁴.

В данном аспекте, весьма интересным и показательным примером выступает личность судьи Верховного суда США Рут Байдера Гинзбург, поскольку если считать, что основой права, морали является система ценностей происходящей из коллективной идеи, то можно говорить о том, что судья Гинзбург сумела «ухватить» суть этой идеи, а если есть нормы права продуктом воли толкователя, то можно сказать, что она сумела создать нормы права и в некотором смысле изменить восприятие правовой действительности американским обществом.

Невозможно обойти стороной биографию самой Рут Байдера Гинзбург, поскольку ее жизненный путь, в определенном смысле, представляет собой воплощение пресловутой «американской мечты» и тем самым сделал ее позицию в глазах общественности более убедительной, а успешный юридический опыт изменил эмоциональное восприятие отстаиваемых правовых интересов. Гинзбург родилась в Нью-Йорке 15 марта 1933 г. в семье Селии и Натана Бейдера, отец был еврейским иммигрантом из Одессы, а мать из семьи австрийских евреев. Рут училась в средней школе Джеймса Мэдисона, (данная школа известна тем, что ее выпускниками являются несколько Нобелевских лауреатов, а также сенаторы Берил Сандрес, Чак Шумер, Норм Коулман). По окончании, школы она поступает в Корнельский университет в Итаке, который заканчивает, получив максимальные баллы по всем предметам и имея степень бакалавра в области государственного управления, в период обучения становится членом общества «Phi Beta Карра», которое является старейшим почетным обществом в США основанным еще в 1776 г., в числе участников этого сообщества, в свое время были Джордж Буш, Джон Даллес, Генри Киссинджер, Билл Клинтон и др.

В 1956, году Рут Бейдер Гинзбург, становится одной из девяти женщин на курсе из пятиста человека, поступивших в Гарвардскую школу. Спустя некоторое время Рут Гинзбург переводится в юридическую школу Колумбии, которую заканчивает

¹ Гурвич Г. Д. *Философия и социология права: Избранные сочинения* / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб. : Издательский Дом С.-Петербург. гос. ун-та, 2004 С. 31–32

² Тимашев Н. С. *Право как коллективно-психологическая реальность* // Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. Ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018 С. 558–574

³ Тимошина Е. В. *Свобода судебного правотворчества: правосудие или «правоубийство»? (вопросы судебного толкования в правовой концепции Л. И. Петражицкого)* Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. Ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018 С. 169–177

⁴ Троппер М. *Ответ Отто Пферсманну* // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 273–291

с отличием в 1959 г. и получает степень доктора юриспруденции. По рекомендации профессора юридической школы Колумбии Дж. Гюнтера она была принята на должность клерка в окружной суд США по Южному округу в Нью — Йорке. В 1963 г. она становится профессором в юридической школе Рутгерс⁵.

В 1970 г. она становится соучредителем первого юридического журнала, в котором освещают вопросы, связанные с правами женщин, в 1972 стала соучредительницей проекта по правам женщин в Американском союзе защиты гражданских свобод.

В 1980 г. президент Джимми Картер выдвигает ее кандидатуру на должность судьи Апелляционного суда США по округу Колумбия, а в 1993 г. президент Билл Клинтон назначает ее судьей Верховного суда США, пост, который она занимает по сегодняшний день (она стала второй женщиной-судьей за всю историю существования Верховного суда США).

В качестве директора проекта по правам женщин она участвовала в шести судебных процессах, пять из которых выиграла. Данные процессы интересны, той тактикой, которую выбрала Гинзбург для отстаивания своих интересов. Фактически она заставила обновить мышление, не изменения, содержания правового принципа, а говоря, о его неправильном истолковании. Она не заявляла открыто об имеющейся дискриминации в обществе, а указывала на имеющееся предопределение в восприятии той или иной нормы, которое не соответствует базовым принципам справедливости заложенным в Конституции США. С «подачи» Гинзбург, все чаще при рассмотрении таких вопросов будут использовать ни слово пол (sex), а гендер (gender). Кроме того, выбирая дела она обращалась в суд не за защитой прав женщин (мужчин), а за соблюдение принципа равноправия как такового, так она добилась положительно решения для истца в деле «Вайнберг против Визенфельда», где овдовевшему мужчине было отказа в выплате пособий по утере кормильца, поскольку получать пособие могли только женщины. Гинзбург утверждала, что статут, регулирующий отношения по социальным выплатам, дискриминирует мужчин, не предоставляя им равной социальной защиты с женщинами.

В деле «Дюрен против Миссури», она оспорила добровольность участия женщин в суде присяжных, утверждая, что участие в суде присяжных является обязанностью любого гражданина, и не может быть необязательным для женщин⁶.

Уже будучи на судейском посту, Рут Бейдер Гинзбург принимала и претворяла в жизнь, такие идеи, как легализация однополых браков в США, непосредственно принимая участия в их регистрации (при этом придерживаясь весьма традиционных взглядов в своей личной жизни). При ее активной позиции Верховный суд 5 голосами против 4 постановил, что Конституция гарантирует право на однополые браки⁷.

Неоднократно выступала против дискриминации чернокожих сотрудников, принимала участие в разбирательствах по факту расизма, однако здесь она не в полной мере соблюдала те принципы, которым следовала в начале своей карьеры, когда выступала против любых форм дискриминации так в деле Груттер против Боллинджер. Истица Барабара Груттер, утверждала, что юридический факультет Мичиганского университета, подверг ее дискриминации по расовому признаку, когда отказал в приеме на основании недостаточности баллов, поскольку автоматически присуждает 20 баллов абитуриентам-чернокожим, латиноамериканцам и американцам-индейцам. Университет утверждал, что действует порядке, предусмотренном законом обеспечивая необходимое количество студентов из групп «меньшинств», особенно афроамериканцев и латиноамериканцев.

В итоговом решении Верховный Суд поддержал указал, что университетом был использован индивидуальный, целостный анализ материалов каждого заявителя, где

⁵ Ruth Bader Ginsburg My Own words // Simon and Shuster // NY 2016. 400 с.

⁶ Ruth Bader Ginsburg My Own words // Simon and Shuster // NY 2016. 400 с.

⁷ Перевод решения Верховного суда США о разрешении однополых браков // Информационно-правовой портал «Закон.ру» URL: https://zakon.ru/blog/2015/7/8/perevod_resheniya_verhovnogo_suda_ssha_o_razreshenii_odnopolyx_brakov (дата обращения: 20.12.2020).

раса не используется механическим способом, однако заметил, что присуждение 20 баллов абитуриентам-чернокожим, латиноамериканцам и американцам-индейцам, является неиндивидуализированной, механической» и, следовательно, неконституционной. (интересно, что двое судей высказали особое мнение, что любое расовое равновесие неконституционно; но в этом Рут Бейдер Гинзбург их не поддержала). Однако Верховный Суд подтвердил, что в государственных университетах теперь разрешено использовать расу в качестве дополнительного фактора при определении того, должен ли студент быть принят, что должно, на взгляд судей, исправить последствия исторической дискриминации⁸.

Представленные примеры указывают на то, что как таковая норма права не изменялась, а изменился подход к ее пониманию, так на первый взгляд является незыблемым принцип недопустимости дискриминации по расовому признаку, однако в процессе толкования, суд счел возможным изменить данному принципу исходя из «исторической справедливости». В заключение хотелось бы еще раз повторить высказывание М. Тропера о том, что «акт аутентичного толкования создает нормативные последствия, поскольку вводит обязанность применять то или иное высказывание, придавая ему то значение, которое было придано толкователем, — для того, чтобы данное высказывание не имело иного значения, кроме выявленного в ходе толкования»⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гурвич Г. Д. Философия и социология права: Избранные сочинения / Пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. — СПб. : Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. — 848 с.
2. Перевод решения Верховного суда США о разрешении однополых браков // Информационно-правовой портал «Закон.ру» URL: https://zakon.ru/blog/2015/7/8/perevod_resheniya_verhovnogo_suda_ssha_o_razreshenii_odnopolyx_brakov (дата обращения: 20.12.2020).
3. Тимашев Н. С. Право как коллективно-психологическая реальность // Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. Ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. — 650 с.
4. Тимошина Е. В. Свобода судебного правотворчества: правосудие или «правоубийство»? (вопросы судебного толкования в правовой концепции Л. И. Петражицкого) Петербургская школа философии права: К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / под общ. Ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. — 650 с.
5. Тропер М. Ответ Отто Пферсманну // Российский ежегодник теории права. — 2011. — № 4. — С. 273–291.
6. On The Issues every political leader on every Issues // URL: https://www.ontheissues.org/Ruth_Bader_Ginsburg.htm (дата обращения: 20.12.2020).
7. Ruth Bader Ginsburg My Own words // Simon and Shuster // NY 2016. 400 с.
8. The Legacy of Ruth Bader Ginsburg edited by Scott Dobson//Cambridge university press, 2015. 313 с.

REFERENCES

1. Gurvich GD. Filosofiya i sotsiologiya prava: izbrannye sochineniya [Philosophy and Sociology of Law: Selected Works]. Tr. by Antonova, L.V. Voronina. Voronina. SPb.: Publishing House of St. Peterb. gos. un-ta; 2004 (In Russ.).

⁸ On The Issues every political leader on every Issues // URL: https://www.ontheissues.org/Ruth_Bader_Ginsburg.htm (дата обращения: 20.12.2020).

⁹ Тропер М. Ответ Отто Пферсманну // Российский ежегодник теории права. 2011. № 4. С. 287

2. Translation of the decision of the Supreme Court of the United States on the approval of same-sex marriage. Legal information portal «Law.ru». Available from: https://zakon.ru/blog/2015/7/8/perevod_resheniya_verxovnogo_suda_ssha_o_razreshenii_odnopolyx_bra-kov (accessed: 20 Dec 2020) (In Russ.).
3. Timashev NS. Pravo kak kollektivno-psikhologicheskaya realnost [Law as Collective Psychological Reality]. In: To the 150th Anniversary of Lev Petrazhitsky's Anniversary. St. Petersburg; Izd-vo St. Peterb.un-ta Publ.; 2018 St. Petersburg; Izd-vo St. Peterb.un-ta Publ.; 2018 (In Russ.).
4. Timoshina EV. svoboda sudebnogo pravotvorchestva: pravosudie ili «pravoubiystvo»? (voprosy sudebnogo tolkovaniya v pravovoy kontseptsii l.i. Freedom of judicial lawmaking: justice or «law-killing»? (questions of judicial interpretation in the legal concept of L.I. Petrazhitskogo)]. Polyakov AV, Timoshina EV, editors. Petersburg School of Philosophy of Law: To the 150th Anniversary of Lev Petrazhitsky's Anniversary. St. Petersburg; Izd-vo St. Peterb.un-ta Publ.; 2018 (In Russ.).
5. Troper M. Otvet Otto Pfersmannu [A Response to Otto Pfersmann]. *Russian Yearbook of the Theory of Law*. 2011; 4:273–291 (IN Russ.).
6. On The Issues every political leader on every Issues. Available from: https://www.ontheissues.org/Ruth_Bader_Ginsburg.htm (accessed: 20 Dec 2020).
7. Ruth Bader Ginsburg My Own words. Simon and Shuster: NY; 2016.
8. The Legacy of Ruth Bader Ginsburg edited by Scott Dobson. Cambridge University Press; 2015.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: +8 (499) 244-88-88 (доб. 687)
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; e-mail: ruslaw@msal.ru

Компьютерная верстка *Д. А. Беляков*

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

4 / 2020

WWW.RUS-LAW.ONLINE